

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н.А.Баскаков

ИСТОРИКО-
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ФОНОЛОГИЯ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является продолжением двух предыдущих монографий автора. Первая — "Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков" (1975 г.) — посвящена диахроническому анализу синтаксической структуры тюркских языков — исторической типологии предложения и словосочетания, а также развитию тюркских языков от древнего изолирующего до современного агглютинативного их строя. Во второй — "Историко-типологическая морфология тюркских языков" (1979 г.) — представлен анализ всех элементов, составляющих тюркское слово, т.е. его корневых и аффиксальных морфем в их системной связи и историческом развитии, а также закономерностей механизма агглютинации.

Настоящая монография посвящена анализу фонологической структуры тюркских языков в диахроническом аспекте ее развития и формирования. Последовательность изложения, равно как и исследования, от синтаксической структуры языка к морфологии и фонологии диктуется логикой развития всего языка в целом. Если выбор морфологических категорий и строение самого слова и его формы зависят от способа выражения мысли — словосочетания или предложения, — то фонологическая структура языка соответственно тесно связана с морфологическим составом слова. Необходимость последовательности анализа языка от синтаксиса к морфологии и от морфологии слова к фонологическому его составу диктуется еще и тем, что слово в тюркских языках по своему строению изоморфно словосочетанию, а фонологический состав слова изоморфен структуре самого слова.

Эта системная связь всех уровней языка в их диахронии прослеживается и в отношении фонематической структуры тюркских языков, которая в процессе своего формирования значительно видоизменялась. В данной монографии устанавливаются основные периоды ее развития от более древнего ее состояния до современного, отразившегося в конкретных тюркских языках.

В соответствии с этой концепцией в монографии представлены новые положения в изучении методом внутренней ретроспективной реконструкции процессов формирования основных периодов развития типов фонологического состава тюркских языков, дана характеристика конкретных моделей фонологической структуры современных тюркских языков, выдвинуты новые гипотезы о происхождении так называемых первичных долгих гласных, формировании специфического состава вокализма в татарском, башкирском, чувашском и некоторых других языках, в которых широкие гласные а, е, о, ö соответствуют узким у, і, u, ü, о соответствии по языкам широкого гласного а узкому у, а также выведены не-

которые закономерности в развитии тюркского консонантизма и, в частности, процессов фонематизации аллофонов фонем при образовании новых типов консонантизма (от древнейших типов до современных моделей).

Книга представляет собой обобщение многолетних наблюдений и исследований различных тюркских языков, их грамматического строя, лексического состава и фонетической и фонологической структуры. Для цельности описания фонологической структуры тюркских языков в данную монографию привлечены некоторые материалы автора, ранее опубликованные им в качестве докладов, статей, тезисов и проч., в частности материалы, касающиеся слоговой структуры слова, словесного и фразового ударения и интонации.

В книге использована единая фонетико-фонологическая транскрипция, принятая для большинства тюркологических исследований отечественных и зарубежных тюркологов.

Некоторые представленные в книге гипотезы являются спорными и, может быть, недостаточно аргументированными, но они вместе с тем отражают логическое развитие фонологической структуры тюркских языков как в более ранние, так и в более поздние исторические периоды. Все теоретические положения книги опираются на реально существующие в различных языках факты и закономерности, на которых и строятся гипотезы. И можно надеяться, что дальнейшее развитие этих положений поможет, путем их подтверждения или отрицания, установить истинный процесс развития фонологических типов и моделей тюркских языков и определить истинную типологию языков на всех этапах их развития.

1

Постижение истинной природы языка как целой системы заключается в раскрытии: а) структуры синтаксических единиц – предложения и словосочетания, б) морфологической структуры слова и в) фонологической структуры корня, т.е. в установлении всех существующих в данном языке или группе генетически родственных языков структурных типов и моделей каждого уровня в их органической причинной связи и взаимных отношениях (см.: Бодуэн де-Куртенэ, 1963, с. 65, 108 и др.).

Если историко-типологические исследования синтаксиса и морфологии тюркских языков имеют уже свою историю и представлены в тюркологии некоторым количеством специальных работ, то историко-типологическое изучение фонологии всей группы тюркских языков по существу находится еще в зачаточном состоянии.

Существующие специальные работы по фонетике и фонологии тюркских языков посвящены либо анализу фонологических систем конкретных тюркских языков, либо исследованию частных явлений фонетики и фонологии, характерных для того или иного тюркского языка и для отдельных групп тюркских языков. Некоторые успехи в изучении фонетики и фонологии тюркских языков представлены специальными трудами сравнительно-исторического характера, которые, как правило, имеют незначительную хронологическую глубину, редко выходящую за пределы близкородственных языков одной тюркской группы без привлечения данных других алтайских языков. Однако как в синхронных исследованиях фонологической структуры конкретных языков, так и в исследованиях диахронических, сравнительно-исторических, уже присутствуют выводы и заключения, касающиеся типологии фонологических структур тюркских языков как единой генетической общности.

Наибольшее значение для изучения типологии фонологических структур тюркских языков имеют два основных направления: а) сравнительно-историческая фонетика и б) типологическая фонология, т.е. фонология непосредственно связанная с установлением структурных фонологических типов, встречающихся в современных и древних тюркских языках.

Истоками сравнительно-исторического и типологического изучения фонологии тюркских языков были прежде всего труды В. Радлова – сравнительная фонетика тюркских языков, исследования по исторической фонетике (Radloff, 1882; 1901 и др.). Эти работы, в которых был привлечен материал по всем основным тюркским языкам и диалектам, послужил основой для последующих исследований по сравнительной грамматике и фонетике тюркских языков в России, главным образом в Казанской школе, представленной трудами В.А. Богородицкого (с 1927, 1933, 1934)

и Г. Шарафа (1927, 1930), и за рубежом, в трудах К. Фоя (Foy, 1900), В. Грёнбека (Grönbech, 1902), Х. Педерсена (Pedersen, 1903), Г. Ярринга (Jarring, 1933), А. Бомбачи (Bombaci, 1952), Г.И. Рамстедта (Ramstedt, 1957), Н. Поппе (Porre, 1960) и некоторых других, представляющих собой очерки по сравнительно-исторической фонетике всех тюркских языков (он них см.: Rasanen, 1932; 1955; Emre, 1949).

Интенсивное развитие сравнительно-исторического исследования фонетики тюркских языков началось с пятидесятых годов. В Москве и Ленинграде появились труды Н.К. Дмитриева (1955) и его учеников — Ф.Г. Исхакова (1955), Дж. Киекбаева (1955; 1956) и др., а также работы Ф. Кязимова (1954) и Г.П. Мельникова (1962; 1963; 1970), в которых освещены исторические соответствия и чередования звуков в корневой морфеме, сущность и роль сингармонизма в фонологической структуре слова; последний вопрос особенно тщательно разработан Г.П. Мельниковым. Наконец, известный синтез всех сравнительно-исторических исследований был представлен А.М. Щербакон в "Сравнительной фонетике тюркских языков" и других его работах (1963; 1964; 1970), а также в коллективном труде Сектора тюркских и монгольских языков Института Языкознания АН СССР — "Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Фонетика" (М., 1984).

Перечисленные выше исследования составляют первое направление и относятся главным образом к сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, хотя и представляют весьма ценный материал для установления основных типов их фонологической структуры.

Второе направление — типологическое изучение фонологии тюркских языков в тесной связи со структурой слова, его строением и механизмом агглютинации — представлено исследованиями И.А. Бодуэна де-Куртенэ (1963), Е.Д. Поливанова (1927; 1933; 1968) и Н.С. Трубецкого (1960), определившими общую теорию типологического анализа, а также трудами А. Фишера (Fischer, 1920), Ж. Дени (Deny, 1938). И. ван-Гиннекена (Ginneken, 1939), И. Крамского (Kramski, 1956), установившими роль сингармонизма в формировании структуры слова, происхождение и функции сингармонизма, а также роль дихотомической альтернации гласных в реконструкции типов фонологической структуры тюркских языков, и, наконец, некоторыми частными исследованиями К. Томсена (Thomsen, 1957), Ю. Немета (Németh, 1964), К. Менгеса (Menges, 1964) и Л. Базэна (Bazin, 1961), а также некоторых других тюркологов, давших ценный материал, характеризующий исторически сложившиеся типы некоторых конкретных тюркских языков (Кононов, 1971; Кормушин, 1971 и др.).

Начиная с пятидесятых и шестидесятых годов, изучение фонологической типологии тюркских языков пошло по линии определения сущности фонемы как единицы звукового строя языка, характеризующейся взаимосвязью и единством материальной и функциональной ее сторон, и как элемента, формирующего реальную структуру слова, в свою очередь конструирующего тот или иной фонологический тип языка. Определение же типа фонологической структуры реализуется в тесной связи с единством морфологического и синтаксического типа. Так, специфика исторически сложившегося общего типа тюркских языков, в котором количество гласных фонем корневой морфемы — восемь, а аффиксальных морфем — четыре, заклю-

чается в агглютинативности языков этого типа, специфика же исторически предшествующего типа, который легко ретроспективно реконструируется и характеризуется наличием вокализма, состоящего из одной слогообразующей фонемы, заключается в изолирующем строе языков этого типа.

Первая попытка изложения этой концепции была предпринята мною в книге "Каракалпакский язык", т. II (М., 1952); более подробно говорится об этом в статье "Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика)" в книге: "Языки народов СССР", т. II (М., 1966), а также во "Введении в изучение тюркских языков" (М., 1969). К этому же направлению относятся работы, частично касающиеся фонологии тюркских языков А.А. Реформатского (1955, 1961, 1970), М. Молловой (1966), В.А. Виноградова (1970), и интересная статья узбекских фонологов Ш.Ш. Шаабдуррахманова и А.А. Абдуазизова (1976) и др.

Однако завершённые фонологические исследования пока не охватывают всех аспектов развития тюркской фонологической структуры и не определяют основные типы этой структуры как в диахроническом, так и в синхронном планах.

Историко-типологическая фонология в своем дальнейшем развитии, как самостоятельное направление, имеет своими задачами: во-первых, более углубленный и всесторонний анализ законов сингармонизма тюркского слова, позволяющий путем ретроспективного рассмотрения определить процессы развития всех моделей фонологической структуры древних и современных тюркских языков; во-вторых, изучение систем гласных и согласных в их развитии, определяющих как более ранние, так и более поздние фонологические структуры конкретных тюркских языков; в-третьих, — исследование взаимодействия фонологического уровня с морфологическим и синтаксическим, их изоморфизма и общих законов, определяющих типологический переход от изолирующего строя к агглютинативному строю современных тюркских языков; в-четвертых — установление древних типов фонологических структур в их диахронии в связи с развитием вокализма и консонантизма и констатация основных закономерностей их развития с учетом имманентных факторов и влияния различных субстратных и адстратных языков и их систем вокализма и консонантизма и, наконец, в-пятых, — определение и классификация всех типов и моделей фонологических структур современных тюркских языков с их полной характеристикой.

Задачи эти обширны и сложны и выполнение их возможно только последовательно в целом ряде специальных исследований, поэтому в данной работе мы намечаем только общие пути, и предлагаем некоторые рабочие гипотезы разрешения данной проблемы.

2

Предпринятая нами серия историко-типологических исследований, имеющая своей целью историко-типологическое сопоставление тюркских языков между собой и выделение основных типов важнейших категорий языка внутри группы родственных языков, т.е., в данном случае, внутри группы тюркских языков, установила на синтаксическом и морфологическом уровнях определенные исторически сложившиеся и имеющие

хронологическую последовательность в своем развитии типы основных синтаксических конструкций — словосочетаний и предложений, равно как и соответствующие хронологически соотнесенные типы морфологической структуры тюркского слова, характеризующие последовательный переход тюркских языков от древнего, близкого к изолирующему строю, до структурного типа агглютинирующих языков (Баскаков, 1975; 1979).

Все типы синтаксических конструкций и модели морфологической и фонологической структуры слова установлены методом ретроспективной, внутренней реконструкции от существующих конструкций и моделей к более древним, рудименты которых сохранились как в древних, так и в современных языках, т.е. исходя не из реконструированных праязыковых форм, как это принято в сравнительно-исторических исследованиях, а из существующих, сохранившихся закономерностей. Историко-типологическая ретроспективная внутренняя реконструкция, таким образом, заключается в сопоставлении существующих в конкретных языках структурных явлений и в выяснении их хронологической последовательности.

Если метод сравнительно исторического изучения языков заключается в следующих основных операциях: а) сопоставление идентичных по семантике единиц различных уровней языка; б) определении системных корреляций; в) установлении хронологических соотношений, т.е. соотносительной хронологии и, наконец, г) выведении праформ различных единиц различных уровней и их архетипов, то метод внутренней ретроспективной реконструкции архетипов заключается в том, что в синхронных структурах современных языков устанавливаются явления различных хронологических этапов развития языков и по этим рудиментным явлениям восстанавливается последовательная стратификация их развития.

Как показали эти исследования, все уровни тюркских языков тесно связаны между собой органическим изоморфизмом и зависят от синтаксического уровня, устанавливающего общий строй тюркских языков и определяющего его морфологическую структуру, которая, в свою очередь, служит базой, устанавливающей соответствующие фонологические закономерности и специфические для тюркских языков типы фонологических структур.

Если словосочетание и предложение определяют структуру слова, а слово изоморфно строению словосочетания, то слово определяет строение фонематического состава слова, и структура распределения фонем изоморфна строению слова. Так, если на морфологическом уровне мы различаем морфологию слова — словообразование и морфологию словосочетания и предложения — словоизменение, то на фонологическом уровне мы также дифференцированно подходим к фонологии корневой морфемы, с одной стороны, и фонологии аффиксов — с другой. Таким образом, фонология слова по своему составу изоморфна морфологии слова. Этот изоморфизм характеризуется тем, что морфология слова (словообразование) соответствует фонологии корневой морфемы, а морфология словосочетания и предложения (словоизменение) соответствует фонологии сочетаний корневой морфемы с аффиксами.

Для того чтобы изучить фонологическую структуру тюркского слова, необходимо было прежде всего определить строение слова, его основные смысловые элементы — морфемы, характер его корня и механизм агглю-

тизации аффиксальных морфем, а для того, чтобы понять смысловую строй слова и закономерности присоединения морфем, т.е. сущность морфологических категорий языка, необходимо было исследовать в историко-типологическом плане синтаксическую структуру словосочетания и предложения, изоморфизм которых заложен в морфологической структуре слова.

Такая последовательность в анализе уровней языка и дедуктивный методы исследования с большей эффективностью вскрывают сущность типологии тюркских языков в единстве и органической связи всех явлений и всех уровней, в то время как обратная последовательность анализа от фонологических исследований к грамматическим — морфологическим и синтаксическим — не позволяет установить и объяснить органическую связь уровней между собой.

Если при сравнительно-историческом методе исследователь исходит в своем анализе из реконструированных им архетипов праформ праязыка, объясняя современное состояние изучаемых им языков, то при ретроспективно-типологическом изучении структуры языка все факты и явления более древней структуры отдельных систем и подсистем определяются и объясняются реконструированием исходя из внутренних закономерностей структуры современных языков.

Считая необходимым и обязательным в историко-типологическом анализе в первую очередь учитывать тесную смысловую связь категорий языка и мышления, мы установили, что основные единицы языка, определяющие смысл и содержание человеческой речи, — слово, словосочетание и предложение — представляют собой реализацию трех основных мыслительных актов: 1) номинации, т.е. образование слов-понятий как простых, так и сложных; 2) атрибуции, т.е. образование словосочетаний, выражающих конкретизацию слов-понятий, и 3) предикации, т.е. образование предложений, выражающих интеграцию и обобщение слов-понятий по признаку, содержащему категории времени и модальности.

Определяя словосочетание как выражение акта атрибуции, как сочетание двух слов-понятий или групп слов, образующих две зоны — определенное и определяемое, — из которых в определении выражен признак, конкретизирующий абстрактное понятие определяемого, и устанавливая структуру тюркского слова как непрерывную цепь сочетающихся между собой морфем, исторически восходящих к трехзвучным корням самостоятельных слов, носивших конкретное реальное значение предметов и признаков, но в процессе морфологического развития абстрагировавшихся и в современных языках характеризующихся различной степенью фонетической редукции и выпадением отдельных корневых элементов из состава корней, образующих аффиксы (по схеме $СГС + (С)ГС + СГ_2(С) + (С)Г(С) + С(ГС) + (СГ)С$ и т.д.), мы приходим к выводу о полном изоморфизме слова и словосочетания, т.е. об общей структуре словосочетания и слова, которое состоит либо из одного корня, либо из: 1) сочетания корневой морфемы с одним или группой аффиксов, определяющих общее смысловое понятие слова, т.е. конкретизирующей части слова и 2) группы постпозиционных аффиксов, т.е. конкретизируемой части слова, выражающей абстрактное понятие; ср., например, каз. *žaz-uw-ŷu* 'писатель', в котором корневая морфема *žaz-* 'писать' и афф. *-uw-* образующий масдарную форму *žaz-uw*

'писание' несут функцию определяющей части слова, а морфема -Ъу - функцию определяемой морфемы, выражающей отвлеченное понятие действующего лица. Иначе говоря, изоморфизм слова и словосочетания позволяет рассматривать слово как отношение двух его частей: 1) определяющей части, которая состоит из корневой морфемы или сочетания корневой морфемы с одним или с группой аффиксов, и 2) определяемой части, которая состоит из постпозиционных аффиксальных морфем, выражающих то или иное абстрактное понятие.

Таким образом, принимая гипотезу о полном изоморфизме слова и словосочетания и об исторической реальности лексического значения каждой аффиксальной морфемы, мы должны также признать и общие закономерности, а также и наличие общих смысловых и грамматических категорий для словосочетания и слова, во-первых, общих со словосочетанием синтаксических отношений между корневыми и аффиксальными морфемами, т.е. морфосинтаксиса, во-вторых, общих закономерностей для различных частей речи и соответствующих морфологических категорий морфем, т.е. морфоморфологии, в-третьих, общих со словами содержательных, семантически реальных лексических значений, абстрагированных в процессе семантического развития, т.е. морфосемасиологии и, наконец, в-четвертых, соответствующих фонологических выражений морфем, т.е. морфофонологии.

Итак, исходя из структуры слова как состоящего либо из одной корневой морфемы, либо из сочетания корневой морфемы с аффиксальными, которые исторически представляли собой такие же самостоятельные, но в процессе грамматикализации фонетически редуцированные слова, мы переходим к рассмотрению его фонологической структуры.

3

Из всех аспектов изучения звуковой сущности языка наиболее важное значение для вскрытия закономерностей его развития имеет изучение фонематической структуры, исторически развивающейся и совершенствующейся вместе с развитием языка, как результата труда и общественной деятельности человека.

Изучая структуру фонемы, реализующейся в системе звуков, мы сталкиваемся с понятием звука не как с физическим явлением или биологической функцией человека, а как с фонемой - значимой единицей человеческой речи, определяющей значение слова, т.е. имеющей смысловую функцию, как с лингвистическим понятием, составляющим структурную часть всей системы языка.

Существующие в языке гласные и согласные звуки группируются в определенное количество единиц, обладающих набором специфических дифференциальных признаков, которые возникают из-за различий в способах и месте образования этих звуков, формирующихся при определенных закономерностях соответствия и чередования. Эти единицы, представляющие собой совокупность формирующих их признаков и выступающие как элементы, определяющие значение слова, и являются фонемами, а реальные звуки, составляющие слово, - формой существования фонем (Трубецкой, 1960). Фонематическую же структуру конкретного языка, таким образом,

необходимо рассматривать как совокупность фонем в их неразрывной связи между собой и с другими структурными уровнями языка — структурой слова, словосочетания и предложения, являющимися изоморфными по отношению друг к другу.

Развитие фонематической структуры каждого языка представляет собой непрерывный процесс постоянного совершенствования звукового выражения языка, процесс дифференциации и интеграции фонем и их реализации — аллофонов, получающих в связи с развитием самого языка смыслозначительное значение, определяющее семантику слова. Этот процесс становления фонем в языке происходит в связи с развитием мышления и языка и обогащением его новыми понятиями, новой лексикой.

Первоначально недифференцированные звуки — аллофоны одной фонемы — с обогащением лексики и возникновением необходимости дифференциации значений возникающих новых слов-понятий, либо расщепляются по какому-либо дифференциальному признаку и образуют новые дифференцированные фонемы, либо интегрируются, обобщаются, объединяются, образуя путем конвергенции из двух фонем одну интегрированную фонему.

Процесс возникновения новых фонем путем расщепления по какому-либо дифференциальному признаку виден на живых примерах, например современного алтайского (ойротского) языка. Еще совсем недавно, до массового проникновения в язык русских заимствованных слов, в литературном алтайском языке все губно-губные и губно-зубные звуки $p \sim b \sim f \sim v \sim w$ являлись аллофонами одной фонемы, т.е. представляли собой недифференцированное единство одной фонемы, которое в народном разговорном языке по существу сохранилось и в настоящее время. То же можно сказать об аллофонах фонем типа $s(z)$, $t(d)$, $k(g)$, $\check{s}(\check{z})$, которые совсем недавно не осознавались в языке алтайцев как самостоятельные фонемы, т.е. не имели функций смыслозначения, и только в более поздней их реализации стали самостоятельными фонемами, различающимися дифференциальными признаками глухости—звонкости.

Специальный эксперимент, проведенный в 1939 г. в одной из алтайских школ, показал, что учащимися-алтайцами, начинающими изучать русский язык, звуки $p \sim b \sim f \sim v \sim w$, $s \sim z$, $t \sim d$, $k \sim g$, $\check{s} \sim \check{z}$ не осознавались как самостоятельные смыслозначительные звуки, т.е. как самостоятельные фонемы, хотя как физические звуки и существовали в языке. В письменных работах этих учащихся они смешивались и замещались соответствующими парными звуками. Так, например, рус. *фуфайка* в данном эксперименте имело у различных учащихся различное написание: *пупайка*, *вуфайка*, *бупайка* и проч., слово *ребята* соответственно — *ревата*, *репата* и проч., сочетание *рыбу ловят* — *рыбу лобят*, *рыву лобят* и проч.; или: *зима* ~ *сима*; *разный* ~ *расный*, *дорогу* ~ *тороку*; *город* ~ *корот*, *жеребья* ~ *шеревьяты* и проч.

Только спустя много лет, вместе с проникновением в алтайский язык большого количества русской лексики, звуки $p \sim b$, $v \sim f$, $s \sim z$, $\check{s} \sim \check{z}$, $t \sim d$, $k \sim g$ дифференцировались по признаку глухости и звонкости, а некоторые и по спонантизации в самостоятельные смыслозначительные звуки, т.е. в самостоятельные фонемы как в письменном, так и в устном литературном алтайском языке, в то время как прежде они реализовались в языке только как позиционные (в интервокальной позиции) варианты

одной и той же фонемы; ср., например: köp 'много', köbi 'его множество'; baš 'голова', bažu 'его голова'; kös 'глаз', közi 'его глаз'; at 'лошадь', ady 'его лошадь'; söök 'кость', söögi 'его кость' и проч.

Обратным примером конвергенции и интеграции звуков может служить хотя бы конвергенция гласных у ~ i в некоторых диалектах туркменского языка, в новоуйгурском языке, а также еще более сложные процессы конвергенции в вокализме узбекского языка.

Процессы дифференциации и интеграции звуков как значимых смысло-различительных единиц реализуются противопоставлением по какому-либо из дифференциальных признаков, например в отношении гласных по ряду, тембру и лабиализации, а в отношении согласных по звонкости (глухости), соноризации, спирализации и проч. в ходе совершенствования языка и развития его лексики в связи с необходимостью закрепления семантической дифференциации слов фонетическим их различием.

Вместе с тем дифференциация и, реже, интеграция звуков и образование новых фонем происходит неравномерно для начала и конца слов, для корня слов и аффиксов. Так, например, в большинстве современных тюркских языков количество нормальных гласных фонем в корневых морфемах колеблется между 8–11 фонемами (если не считать долгих гласных в некоторых языках), в то время как в тех же языках в аффиксах различаются всего две, реже три фонемы.

Итак, фонема — изменяющаяся в процессе развития языка единица звуковой речи, имеющая смысло-различительное значение в слове, органически входящая в систему взаимно противоположаемых и сополагаемых фонем данного языка, представляющих собой совокупность звуковых оттенков (аллофонов), реализующихся в виде нескольких физически различаемых звуков, не имеющих, однако, функций смысло-различения.

Представляя собой интегральную единицу дифференцированных по своему физическому свойству звуков — аллофонов, фонема единовременно реализуется в речи в виде различных звуков, не имеющих смысло-различительного значения. Так, например, в современных алтайских диалектах до настоящего времени сохранилась интеграция аллофонов [p (~ b ~ f ~ v ~ w)], которые, представляя собой одну фонему, не имеют смысло-различительного значения, хотя и существуют как реальные звуки в речи представителей этих диалектов. В этой связи вопрос о том, какой из звуков — глухой p или звонкий b был первичным в развитии того или иного языка является праздным, так как первоначально звуки p и b как аллофоны одной фонемы [p ~ b ~ f ~ v ~ φ ~ w] существовали одновременно и реализовались в речи в зависимости от позиции в слове.

Развитие аллофона в самостоятельную фонему происходило последовательно по внутренним законам, а иногда и в зависимости от экстралингвистических факторов в противопоставлении: 1) шумных и сонорных, т.е. [p ~ b ~ f ~ v ~ φ ~ w] — [m] и т.д.; 2) глухих и звонких, т.е. [p ~ f ~ φ] — [b ~ v ~ w] — [m] и проч. Происходили и обратные процессы — интеграция и конвергенция самостоятельных фонем в одну фонему с соответствующими аллофонами; ср., например, конвергенцию узких гласных i и u в одну фонему — индифферентный i в уйгурском языке или более сложный процесс конвергенции гласных в узбекском языке.

Таким образом, фонема прежде всего — категория исторически развивающаяся и изменяющаяся. Следовательно, историю развития отдельных фонем мы должны рассматривать точно так же, как и историю развития отдельной грамматической формы, т.е. по этапам последовательного становления фонем в процессе их дифференциации и интеграции и превращения отдельных аллофонов фонемы в самостоятельные фонемы со смысло-различительным значением. При изучении фонем мы должны также иметь в виду соответствующую историческую последовательность их развития, т.е., если, например, в современном казахском или каракалпакском литературном языке существуют дифференцированные задние согласные фонемы [k], [g], [q], [x], [h], то на более ранних этапах существовали только две фонемы — [k(∼q∼x∼g∼γ)] и [h], а еще раньше только одна фонема — [k(∼q∼x∼g∼γ∼h)].

Исходя из этого, все модели фонематической структуры тюркских языков вообще и каждого конкретного языка должны рассматриваться в историческом плане их развития и в плане взаимного противопоставления фонем по основным дифференциальным признакам, с учетом их дистрибуции в слове, которая изоморфна составу его морфем. Для правильного понимания фонематической структуры слова в тюркских языках и тех внутренних закономерностей, которые связаны с развитием фонем, необходимо дать анализ структуры слова как организованного звукового комплекса, элементы которого находятся в тесной взаимной связи и во взаимодействии.

Слово в речи как система связанных между собой взаимодействующих звуков диалектично по своим свойствам, оно фонематически является устойчивым и неизменным, но по своему звуковому составу по тем аллофонам, которые выражают ту или иную фонему, оно не стабильно. Звуковой состав слова, таким образом, сохраняя стабильный фонемный состав, фонетически изменяется в зависимости от позиций и условий выражения той или иной фонемы тем или иным аллофоном, однако изменение звукового состава слова ограничен пределами возможных аллофонов и оттенков звуков, в качестве которых реализуется каждая фонема в слове.

4

По мере развития тюркских языков, под влиянием заимствованной лексики, равно как и по своим внутренним закономерностям, вокализм развивается путем фонематического противопоставления по ряду, лабиализации и подъему, а консонантизм постепенно обогащается прежде всего за счет имеющихся в речи аллофонов основных фонем, т.е. фонематизацией коррелятивных спирантов — передних f, v, w, задних x, h, γ и средних ž, z и проч., а также фонематического противопоставления глухих и звонких p ∼ b, k ∼ g, t ∼ d, s ∼ z, š ∼ ž, č ∼ dž и, наконец, фонематизации некоторых аллофонов по ряду k ∼ q, l₁ ∼ l₂.

Типологические изменения в значительной степени проявляются последовательно и относительно одновременно во всех тюркских языках благодаря чрезвычайной структурной их близости. "Эта общность структуры, — пишет французский тюрколог Л.Базэн, — которую можно определить

как статическую, сопровождается в течение диахронического развития этих языков, не менее очевидными общими тенденциями". И далее, развивая свою мысль о сохранении этих общих тенденций, Л. Базэн считает возможным "выделить общие существенные черты, которые составляют сущность различных тюркских языков и которые обеспечивают их единство" (Bazin, 1961, с. 12).

Отмечая, что "фонологический анализ, функциональное изучение системы фонем в различных тюркских языках позволяет понять с первого взгляда простую и ясную их архитектуру, постоянную в своих основных чертах", Л. Базэн справедливо исключает из этого анализа различные лексические заимствования, считая, что заимствованные слова, более или менее недавно попавшие в тюркские языки из нетюркских (персидского, арабского, французского, русского и др.) и составляющие часто значительную часть словаря, остаются вообще вне тюркской фонологической структуры (Bazin, 1961, с. 13).

Обращаясь к характеристике вокализма тюркских языков, Л. Базэн отмечает различие между фонологическими структурами вокализма первого слога слова и последующих слогов, иначе говоря, между вокализмом корневой морфемы и вокализмом аффиксальных морфем. Устанавливая восемь основных гласных фонем для начального слога, т.е. для корневой морфемы, которые определяются полной симметрией в соотношении подъема, палатализации и лабиализации, и три гласные фонемы для последующих слогов, т.е. для аффиксальных фонем, — [a], [y], [u] (с соответствующими аллофонами по палатализации — e, i, ü), — которые могут быть сведены к двум основным фонемам [a] и [y] (с соответствующими аллофонами по палатализации — e, i и лабиализации — o, ö, u, ü), он указывает также на наличие в древнем состоянии тюркских языков соответствующих долгих гласных. Однако, как это представляется нам и как это будет изложено ниже, более древнее состояние тюркских языков характеризуется отсутствием долгих гласных и наличием менее чем восьми гласных фонем в корневой морфеме.

Анализируя состав согласных в древнетюркских языках (орхоно-енисейских памятниках), Л. Базэн устанавливает:

для начальной позиции слова только шесть согласных фонем: четыре взрывные — [b], [t], [k], [č] и две проточные — [s], [j] без корреляции сонорности и без противопоставления по глухости и звонкости, но с наличием вариантов (аллофонов) по палатальности; другие согласные характерны для заимствованных слов;

для средней и конечной позиции 17 фонем: семь взрывных, из которых три пары — глухие и звонкие — [p], [b]; [t], [d]; [k], [g], [č]; четыре носовые — [m], [n], [n'], [ŋ]; четыре проточные — [j], [s], [z], [š]; две плавные — [l], [r]; причем этимологические проточные [z], [š] соответственно чередуются с плавными [r] и [l].

Если же учесть, что отсутствие фонематической корреляции по глухости и звонкости согласных p/b, t/d, k/g и проч. и носовых согласных n/n', то общее количество согласных фонем может быть сведено для более древнего состояния тюркских языков только к 13 фонемам, которые позиционно распределяются следующим образом.

I. Для начальной позиции¹: передние — [p(̃b̃m̃w)]; средние — 1. [t(̃j̃ ~ dj/tj ~ nj̃ ~ rj̃ ~ dʒ/ʒ̃ ~ ʒ̃/ʒ̃ ~ dz/c̃ ~ z'̃ ~ s')]; 2. [ʧ̃(̃š̃ ~ s)]; 3. [s]; задние — [k(̃g̃ ~ ğ̃ ~ q̃ ~ x̃ ~ γ̃)], т.е. пять фонем.

II. Для конечной (и средней) позиции: передние — 1. [p(̃b̃m̃w)]; 2. [m]; средние — 1. [t(̃d̃ ~ j̃ ~ s/z̃ ~ θ/δ̃ ~ r)]; 2. [ʧ̃(̃š̃ ~ s)]; 3. [ʒ̃(̃l̃)]; 4. [s(̃z̃ ~ r)]; 5. [r]; 6. [l]; 7. [n]; 8. [j]; задние — 1. [k(̃g̃ ~ ğ̃ ~ q̃ ~ x̃ ~ γ̃)]; 2. [γ̃]; 3. [ŋ̃], т.е. 13 фонем.

Всего же для той и другой позиции: передние — 1. [p]; 2. [m]; средние — 1. [t]; 2. [ʧ̃]; 3. [ʒ̃]; 4. [s]; 5. [r]; 6. [l]; 7. [n]; 8. [j]; задние — 1. [k]; 2. [γ̃]; 3. [ŋ̃], т.е. 13 фонем.

Далее, в процессе развития тюркских языков, как уже отмечалось выше, фонологическая структура конкретных тюркских языков под влиянием как внутренних закономерностей, так и адстратных и субстратных факторов, усложнялась в первую очередь за счет фонематизации аллофонов основных первичных фонем. Так, например, в развитии кыпчакско-ногайских языков (ногайского, каракалпакского, казахского) в более поздние периоды различается три основных этапа, если считать началом этого развития период полного формирования восьмиричного вокализма и соответствующего этому периоду консонантизма.

Первый период характеризуется наличием восьми гласных, противопоставляющихся по ряду, лабиализации и подъему (тембру), т.е. разделяющихся на гласные палатализованные и непалатализованные, лабиализованные и нелабиализованные, узкие (верхнего подъема) и широкие (нижнего подъема):

a	e	o	ö
y	i	u	ü

и 14 согласных, противопоставляющихся по месту образования, глухости и звонкости:

p	t	s	š̃	k	(q)	(x)						
(b)	w	m	n	l	r	(d)	z	dʒ̃	j	(g)	(γ̃)	ŋ̃

Второй период характеризуется включением в состав гласных девятого переднего гласного [ä̃], а в состав согласных — дополнительных губных фонем [b], [f], среднеязычной [d] и заднеязычных и фарингальных [q], [x], [h], [g], [γ̃], т.е. наличием 9 гласных и 22 согласных.

Наконец, третий период в развитии фонематического состава, т.е. современная фонематическая структура этих языков, состоит уже из 11 гласных — к 9 гласным второго периода присоединяются гласные [i] и [u] полного образования:

a	e	ä̃	o	ö
y	i	i	u	ü

¹ В круглых скобках даны аллофоны.

и 26 согласных — к 22 согласным второго периода присоединяются губно-зубной [v] и среднеязычные [c], [č], [ž]:

p	f		t	s	š	č	c		k	q	x	h		
b	w	v	m	n	l	r	d	z	ž	dž	j	g	γ	ŋ

Однако тому исходному периоду, который мы взяли для иллюстрации развития фонематической структуры этих языков, предшествовали этапы более ранние, которые могут быть прослежены только гипотетически, для чего необходимо использовать соответствующие методы, позволяющие с определенной степенью достоверности вскрыть те закономерности, которые привели развитие тюркских языков к данному исходному периоду, характеризующемуся восьмиричной структурой вокализма и соответствующим ограниченным по составу консонапизмом тюркских языков.

Таковыми методами, позволяющими установить стратификацию изменений фонологической структуры тюркских языков, как уже было отмечено выше, являются, с одной стороны, метод внутренней ретроспективной реконструкции, а с другой — некоторые методические приемы сравнительно-исторического метода.

Для тюркских языков, развитие которых протекало в процессе их дифференциации, а также, параллельно, интеграции в группы восточных и западных языков, затем консолидации в племенные языки — болгарские (огурские), огузские, уйгурские, кыпчакские, карлукские — и, наконец, интеграции в национальные языки, — характерно сохранение множества рудиментных явлений, по которым можно представить себе основные процессы их развития.

Итак, развитие тюркских языков является сложным процессом, включающим в себя не только дифференциацию, но и интеграцию. Сложной схеме их развития соответствует и развитие фонологических явлений.

5

Родство тюркских языков с другими алтайскими языками исключает полную их изоляцию. Отдельные диалекты взаимодействовали в своем развитии с диалектами других тюркских, а также и соседних монгольских и других языков. Исходя из современного взаимодействия языков и диалектов между собой, мы можем путем проекции в прошлое установить не только внутренние закономерности их развития, но и законы внешнего воздействия на их формирование в связи с историей образования родоплеменных союзов, а следовательно и соответствующих особенностей структуры конкретных языков и диалектов их носителей. Не случайно, при изучении тех или иных фонетических, лексических и грамматических закономерностей исследователи пользуются такими терминами, как "огузские", "кыпчакские", "болгарские", "карлукские", "уйгурские" и проч. черты, а это указывает на то, что какие то явления, в том числе фонетические и фонологические, являются характерными для тех или иных языков и диалектов соответствующего родоплеменного союза, а в зависимости от консолидации компонентов (огузских и кыпчакских, болгарских

и кыпчакских, огузских и болгарских и проч.) возникали и характерные особенности фонетической структуры, сохранившие определенную устойчивость; ср., например, соответствие /r/ в языке болгар и /z/ в других тюркских языках.

В процессе развития тюркских языков появляется определенный тип фонологической структуры конкретной группы языков с определенными канонизированными нормами. Затем эти нормы под влиянием внутренних закономерностей и внешнего воздействия субстратных и адстратных языков изменяются и образуются отклонения от установившихся норм, которые и могут быть определены как типологические изменения. Эти изменения не вносят больших сдвигов в основную структуру языка, но при их количественном накоплении происходит некоторая трансформация языковой типологии, в результате чего образуется новый тип языка.

Типологические исследования по фонологии, таким образом, рассматривают все явления фонетической структуры всех тюркских языков в их последовательном развитии и в непосредственной связи с другими уровнями языков в их общей системе.

На основе существующих моделей фонологических структур современных конкретных языков можно ретроспективно определить общетюркскую модель, характерную для всех тюркских языков, из которых, с одной стороны, на основе существующих рудиментных данных реконструируются более древние структурные типы, а с другой, устанавливаются и интерпретируются процессы развития и становления фонологических типов и моделей современных тюркских языков.

Некоторые исследователи (Щерба, 1912, с. 8; Яковлев, 1948, с. 318; Журавлев, 1961, с. 33) считают, что сингармонистические слоги строятся не по односторонней зависимости согласных от гласных или гласных от согласных, а определяются характером всего слога, т.е. характером фонемы, состоящей из элементов гласных и согласных. Эта теория отчасти применима и к фактам тюркских языков, в которых, правда, определяющими фонологическую структуру слова являются все же согласные. А так как в этих языках согласные определяют характер не только слога, но и всего слова, то, как ни парадоксально, понятие фонемы, если слог типа СГС одновременно выступает и в значении самостоятельного слова, совпадает не только с целым слогом, но и с целым словом, т.е. "словом-фонемой".

Следовательно, если признать исходными, доминирующими и определяющими структуру слова самостоятельными фонемами все различающиеся по подъему (тембру, поскольку последний определяется главным образом подъемом), лабиальности и палатальности согласные, то все гласные представляются только разновидностями (вариантами) одной гласной фонемы, имеющей всего один основной признак показателя слога, а в отношении дифференциальных признаков — безпреградность (т.е. отсутствие какого-либо особого расположения органов речи, определяющего звучание) в отличие от согласных, которые в той или иной степени образуются характерными для них преградами определяющими их характер (звучание). Строгая парность гласных по ряду, лабиальности и тембру (или подъему), таким образом, является вторичной, зависимой от той же парности согласных, а не наоборот.

В сингармонических сочетаниях (словах, корневых морфемах, словах)

гласные выступают в полной зависимости от небного, лабиального и тембрового качества слогаобразующих согласных: либо как задних и передних, либо как губных и негубных, либо как узких (верхнего подъема) и широких (нижнего подъема) коррелятов гласных. Приоритет же согласных, их доминирующее значение в фонологическом строении слога, морфемы и целого слова выявляется тем, что без гласных можно графически обозначить слово в то время как без согласных это невозможно.

Если слова, состоящие только из корневой морфемы, представляют собой структуру из двух согласных и интерконсонантного вокалического элемента, т.е. из СГС (CVC), а слова более сложные, состоящие из корневой и аффиксальной или группы аффиксальных морфем, исторически сложившиеся также из тех же элементов и той же структуры, т.е. из определяющей корневой морфемы и определяемых аффиксальных морфем, то фонологический анализ слова должен заключаться в вскрытии фонологических закономерностей, относящихся прежде всего к корневой морфеме, а затем закономерностей, определяющих аффиксальные морфемы.

Иначе говоря, прежде чем судить об общих фонологических закономерностях, определяющих те или иные фонологические типы тюркских языков, необходимо сначала рассмотреть все фонологические явления, определяющие характер корневой морфемы с начальным и конечным консонантами и межконсонантным вокалическим элементом, а затем уж рассматривать и фонологические возможности, относящиеся к аффиксальным морфемам и их сочетаниям с корневой морфемой. Что же касается ущербных корневых морфем, т.е. морфем, состоящих из ГС или СГ, а также из более сложных корней типа ГСГ, ГСС, СГСС и проч., то они, составляя в лексике тюркских языков чрезвычайно незначительный процент по сравнению с корневыми морфемами типа СГС, представляют собой результат длительного фонетического развития — либо редукции одного из консонантных элементов, либо фузии и наращения аффиксальных морфем.

В большинстве современных тюркских языков корневые морфемы в исконной лексике характеризуются довольно ограниченным набором согласных и восемью основными гласными фонемами — четырьмя нижнего подъема — а, е, о, ö (или а, і, u, ü) и четырьмя верхнего подъема — у, і, u, ü (в некоторых языках и долгие гласные), а аффиксальные морфемы — той же системой согласных и только двумя основными гласными фонемами — а (нижнего подъема) и у (верхнего подъема) с соответствующими вариантами, зависящими от сингармонизма.

Специфика фонологической структуры тюркской корневой морфемы заключается в том, что она во всех существующих тюркских языках сингармонична не только по палатальной и лабиальной аттракции, но и по подъему, т.е. каждая первичная корневая морфема, состоящая из СГС, представлена сочетанием либо верхнего, либо нижнего подъема гласных и согласных, которые, в свою очередь, характеризуются либо палатальной или лабиальной аттракцией, либо той и другой одновременно.

Тотальный сингармонизм корневой морфемы и многообразная, в связи с этим, тембровая окраска согласных по подъему, палатализации и лабиализации не способствовали на первых порах развитию в тюркских языках консонантизма по другим дифференциальным признакам, кото-

рый до современного заимствования иноязычных слов, как это свидетельствует современный алтайский язык, состоял из двух передних фонем — шумного [p (b ~ b ~ v/f ~ w)] и сонорного [m], трех задних фонем — двух шумных [k (g ~ q/γ ~ x)] и [γ] и одной сонорной [n] и девяти средних фонем — пяти шумных [t (~ d)], [s (~ z)], [ʃ (~ ž)], [č (~ dž)], [dj (~ tj)] и четырех сонорных [j], [r], [l], [n].

По структуре тюркского слова, представляющего собой последовательный ряд, изоморфный структуре словосочетания и состоящий из корневой морфемы и морфем аффиксальных, исторически грамматикализовавшихся таких же корневых морфем, можно предположить, что тюркские языки ранее имели характер изолирующих языков. Такое предположение подкрепляется и фонологическим типом корневой морфемы (resp. самостоятельного слова), которая представляла собой своеобразную морфофону, так как все дифференциальные признаки, характеризующие тембровую окраску составляющих ее консонантных элементов, являются общими для всей корневой морфемы и, следовательно, могут быть как бы вынесены за скобку, т.е. графически, например, выражены знаками $\wedge$ — для подъема, $'$ — для палатализации и $^{\circ}$ — для лабиализации, стоящими впереди корневой морфемы или слова. Такой тип языка мог бы быть отнесен к так называемым моновокалическим языкам, в возможности существования которых сомневался Н.С. Трубецкой (1960, с. 107), так как в этом случае вокалический элемент имел бы только функцию слогораздела. Именно такой моновокалический тип фонологической структуры слова был характерен для древнего строя тюркских языков, близкого или совпадающего с типом изолирующих языков, когда грамматические отношения были выражены не агглютинирующими аффиксами, а сочетаниями пока не грамматикализовавшихся или слабо грамматикализовавшихся морфем в виде самостоятельных морфофонем типа:

tik (=tyk) ²	'сунь'	$\wedge$ tik (=tak)	'прицепи'
'tik (=tik)	'шей'	' $\wedge$ tik (=tek)	'порода'
$^{\circ}$ tik (=tuk)	'запруда'	$^{\circ}$ $\wedge$ tik (=tok)	'сытый'
$^{\circ}$ 'tik (=tük)	'шерсть'	$^{\circ}$ $\wedge$ tik (=tök)	'просыпь'

Н.С. Трубецкой писал, что "языков с одной единственной гласной фонемой, видимо, нет. Если бы такой "моновокалический" язык существовал, то в нем наблюдались бы многочисленные скопления согласных: ведь только при этом условии и могла бы существовать одна единственная гласная, противопоставляясь отсутствию гласного ("вокалическому нулю") между согласными консонантной группы или же в исходе слова" (Трубецкой, 1960, с. 107).

Как видно из этого высказывания, Н.С. Трубецкой не учитывал возможностей моновокалического языка, заключающихся в распространении основных дифференциальных признаков отдельных фонем на всю корневую

²В скобках даны соответствия с гласными современного казахского языка, которые в древних морфофонах имели другой характер.

морфему и образовании, таким образом, морфофонемы, но он прав в том отношении, что при подобном моновокалическом языке согласные имели бы большее количество аллофонов фонем, характеризующихся различными тембровыми оттенками.

Возможно, что в подобном, предшествующем современным тюркским агглютинативным языкам, изолирующем строе, характеризующемся моновокалическим характером структуры слова, дифференциальные признаки подъема, палатализации и лабиализации реализовались различными тонами, характерными для некоторых современных языков Юго-Восточной Азии. Для изолирующего же строя языков характерна, например, синкретичность корневой морфемы, имеющей близкое по смыслу именное и глагольное значение, явление сохранившееся для некоторых слов и в современных тюркских языках, например: каракалпакск. $\ddot{u}j$ 'дом' и $\ddot{u}j$ - 'собирать в кучу', sal 'плот' и sal - 'класть, положить', art 'спина' и art - 'навьючить' и проч. (Баскаков, 1952, с. 312). Этим же, близким к изолирующему, строем тюркских языков в их древнем состоянии можно объяснить и наличие фиксированного ударения первоначально на первом слоге слова, т.е. на корневой морфеме, которое в этой позиции сохранилось в современных монгольских языках. И только позже, в агглютинативном строе, в слове, изоморфном словосочетанию, ударение перешло на последний слог, соответствующий определяемому в системе морфосинтаксиса, как на элемент, содержащий опорное, определяемое значение. Наконец, характером изолирующего строя языка обусловлен в подобных языках и иероглифический способ визуального выражения, т.е. способ письменности, который сохранился и для некоторых современных языков.

В процессе морфологического развития и грамматикализации определяемых морфем и их фонетической редукции и фузии с определяющими корневыми морфемами, т.е. образованием сложных слов, состоящих уже не из изолированных морфофонем, а из сочетаний одной корневой морфемы с грамматикализовавшимися и превратившимися в аффиксы морфемами, появился уже другой, близкий к современным, фонологический тип, характеризующийся наличием двух гласных фонем, различающихся по подъему: а, у. Любопытно, что во многих современных тюркских языках до сих пор сохранились для аффиксальных морфем только две фонемы $[a(o, e, \ddot{o})]$ и $[y(i, u, \ddot{u})]$, так как их варианты о, е, ö для а и і, u, ü для у не имеют фонематического значения благодаря сингармонизму слова в целом. Что же касается гласных фонем корневых морфем, то они по существу сводятся также к двум фонемам, так как дифференциальные признаки палатализации и лабиализации, например для современного алтайского языка, относятся не только к корневой морфеме, но и ко всему слову. Это свойство было в свое время использовано казахскими учеными, которые предлагали графически выражать палатализацию всего слова так называемой графемой "dajaqşy" (букв. "палочка") в препозиции по отношению к слову, например: $takty (=taqty)$ 'он прищипил' и 'takty (=tekti)' 'породистый', $tykty (=tyqty)$ 'он сунул' и 'tykty (=tikti)' 'он сшил'.

В качестве условного знака для обозначения лабиальной аттракции слова мог бы быть использован знак "dumalaqşy" (букв. "шарик"), напри-

мер: ^otakty (=toqtu) 'ягненок' и ^otakty (=töktü) 'он просыпал', ^otykty (=tuqtu) 'запруду' и ^o'tykty (=tütü) 'с шерстью'.

Классический агглютинативный фонологический тип тюркских языков характеризуется наличием уже восьми гласных фонем: четырех полного образования — а, е, о, ö (а, і, u, ü) и четырех неполного образования — у, і, ұ, ü, а также от 7 до 9 анулаутных и от 11 до 13 ауслулаутных согласных.

Следует отметить, что характер типов типологической структуры тюркских языков усложняется еще различным составом гласных фонем полного образования. В одних языках они представлены широкими гласными — (а) е, о, ö, например в казахском языке, а в других узкими — у, і, ұ, ü, например в татарском языке.

Известное положение о том, что центральные языки являются зоной инноваций, а маргинальные языки — зоной консервации (Макаев, 1964), ярко подтверждается в отношении тюркских языков. Характерно, что крайне западные и крайне восточные тюркские языки, а именно языки Поволжья (чувацкий, татарский, башкирский), с одной стороны, и тюркские языки Восточной Сибири (хакасский, северные диалекты алтайского языка и языки древнетюркских рунических памятников: древнеогузский, древнеуйгурский и древнекиргизский) — с другой, имеют некоторые объединяющие их существенные черты общего, но поляризованного ареала, отличающегося прежде всего свсеобразием подсистем вокализма и некоторыми специфическими особенностями консонантизма, образуя отличный от других тюркских языков фонологический тип, характеризующийся наличием узких гласных полного образования — і, u, ü (в полном объеме или частично) вместо широких е, о, ö (а в некоторых диалектах и у вместо а) и четырех узких гласных неполного образования — у, і, ұ, ü.

Углубленные исследования природы фонологической структуры тюркских языков показывают, что вокализм с узкими гласными полного образования (і, u, ü), например татарского и башкирского языков, является результатом параллельного развития с вокализмом с системой широких гласных (е, о, ö). Наличие двух систем вокализма в тюркских языках составляет особо сложную проблему, имеющую, правда, несколько решений, из которых наиболее интересной является гипотеза японского филолога Широ Хаттори (Hattori, 1977).

6

Итак, мы ретроспективно, на основании фонетических закономерностей, заложенных в структуре современных тюркских языков, установили три основных типа фонологической структуры тюркских языков, исторически предшествующих современным тюркским языкам, которые имеют уже множество различных типов и моделей, сформировавшихся в результате как имманентного их развития, так и благодаря воздействию различных субстратных и адстратных языков.

Первый тип — моновокалический, характерный для самого древнего состояния тюркских языков, когда они имели изолирующий строй и сохраняли трехзвучную основу корневой морфемы, состоящей из одной морфофонемы — одного гласного и двух согласных элементов — СГС, в которой гласный элемент выполнял только одну функцию — слогаобра-

зование; смысловоразличительные же функции несли согласные элементы, состав которых был ограничен и каждый из согласных элементов имел восемь модификаций, определяющихся дифференциальными признаками: 1) тембром (подъемом), 2) лабиализацией, 3) палатализацией. Состав гласных элементов для данного фонологического типа определяется, таким образом, наличием одного элемента, имеющего функцию слогаделения [$1(a/e \sim y/i \sim o/\ddot{o} \sim u/\ddot{u})$].

Состав согласных для первого наиболее древнего фонологического типа тюркских языков характеризовался наличием следующих согласных, из которых каждая фонема имела восемь модификаций.

В начале: передние [$p(\sim b \sim m \sim w)$]⁸; средние [$t(\sim d)$]⁸, [$j(\sim dj/tj \sim nj/rj \sim d\check{z}/\check{c} \sim \check{z}/\check{s} \sim z/s \sim dz/c \sim s')$]⁸, [$\check{c}(\sim \check{s} \sim s)$]⁸, [$s(\sim \theta/\delta \sim \phi)$]⁸; задние [$k(\sim g \sim \check{g} \sim q \sim x \sim h \sim \gamma)$]⁸.

В конце: передние [$p(\sim b \sim m \sim w)$]⁸, [m]⁸; средние [$t(\sim d)$]⁸, [$j(\sim d/t \sim \theta/\delta \sim s/z \sim r)$]⁸, [$\check{c}(\sim \check{s} \sim s)$]⁸, [$\check{s}(\sim l)$]⁸, [$s(\sim z \sim \theta/\delta)$]⁸, [r]⁸, [l]⁸, [n]⁸; задние [$k(\sim g \sim \check{g} \sim q \sim x \sim \gamma \sim h)$]⁸, [n]⁸.

Второй тип — более поздний, характеризуется дальнейшими процессами морфологического развития и, в частности, грамматикализацией определяемых корневых морфем в сложных сочетаниях с их фонетической редуцией и фузией, т.е. образованием сложных слов. Вокализм этого типа состоял из двух основных гласных фонем, различающихся по тембру (подъему); другие же дифференциальные признаки — лабилизация и палатализация — согласно законам сингармонизма относятся ко всему слову. Наличие двух гласных фонем [a] и [y] по существу сохранилось до настоящего времени во многих современных тюркских языках для аффиксальных морфем, которые в силу сингармонизма слова реализуются в виде [a] (с аллофонами e, o, ö) и [y] (с аллофонами i, u, ü).

Согласные элементы морфем имеют уже не восемь, а четыре модификации, различаясь по дифференциальным признакам только 1) лабиализации и 2) палатализации.

Состав гласных данного фонологического типа определяется наличием двух фонем: [a(∼e∼o∼ö)] и [y(∼i∼u∼ü)].

Состав же согласных второго фонологического типа характеризуется наличием следующих основных фонем, имеющих по четыре модификации

В начале: передние [$p(\sim b \sim m \sim w)$]⁴, [m]⁴; средние [$t(\sim d)$]⁴, [$j(\sim dj/tj \sim nj/rj \sim d\check{z}/\check{c} \sim \check{z}/\check{s} \sim dz/c \sim z/s \sim s' \sim 0)$]⁴, [$\check{c}(\sim \check{s} \sim s)$]⁴, [s]⁴, [n]⁴; задние [$k(\sim g \sim \check{g} \sim q \sim x \sim \gamma)$]⁴, [$h(\sim 0)$]⁴.

В конце: передние [$p(\sim b \sim m \sim w)$]⁴, [m]⁴; средние [$t(\sim d)$]⁴, [$j(\sim d/t \sim \theta/\delta \sim s/z \sim r)$]⁴, [$\check{c}(\sim \check{s} \sim s)$]⁴, [$\check{s}(\sim l)$]⁴, [$s(\sim z \sim \theta/\delta)$]⁴, [r]⁴, [l]⁴, [n]⁴, [z]⁴; задние [$k(\sim g \sim \check{g} \sim q \sim x \sim \gamma)$]⁴, [γ]⁴, [n]⁴.

Наконец, третий тип фонологической структуры тюркских языков, характеризующийся наличием уже восьми гласных фонем и более развитым консонатизмом, реализуется, с различными отклонениями и инновациями, вызванными как имманентным, внутренним развитием тюркских языков, так и воздействием соответствующих адстратных и субстратных факторов, в современных тюркских языках в виде разнообразных, но имеющих одну основу, фонологических моделей: огузской, карлукской, кыпчакской и др. с соответствующими модификациями.

Имея в своем составе восемь дифференцированных гласных, этот фонологический тип характеризует уже переходом всех дифференциальных признаков, тембра, лабиализации и палатализации с согласных на гласные и, таким образом, полной дифференциацией всех признаков как в отношении гласных, так и в отношении согласных.

Состав гласных фонем для данного фонологического типа определяется наличием симметрично противопоставляющихся восьми гласных — а, е, о, ö, у, і, u, ü или в других языках — соответственно у, і, u, ü, y, i, u, ü; состав согласных представлен следующими дифференцированными фонемами.

В начале: передние [p (~ b ~ m ~ w)], [m (~ b)], [w (~ 0)]; средние [t (~ d)], [j (~ dj/tj ~ nj/rj ~ dž/č ~ ž/š ~ dz/c ~ z/s ~ s' ~ 0)], [č (~ š ~ s)], [š (~ l)], [s (~ z ~ δ)]; задние [k (~ g ~ ğ ~ q ~ x ~ γ)], [h (~ 0)].

В конце: передние [p (~ b ~ m ~ w)], [m]; средние [t (~ d ~ j ~ s/z ~ r)], [č (~ š ~ s)], [š (~ l)]; [s (~ z ~ r)], [r], [l], [n]; задние [k (~ g ~ ğ ~ x ~ q ~ γ)], [ŋ].

Последний, третий, исторически развившийся фонологический тип тюркских языков сохранил некоторые свои черты в более поздних и даже в ряде современных тюркских языков, в которых в процессе их развития возникли и свои особенности. Так, некоторые тюркские языки, заимствуя персидскую, арабскую и русскую лексику, освоили для коренных и заимствованных слов, как в анлауте, так и в ауслауте, следующие дифференцированные фонемы: 1) передние [p], [b], [v], [w], [f], [m]; 2) средние [t], [d], [č], [dž], [š], [ž], [s], [z], [c], [j], [r], [n], [l]; 3) задние [k], [g], [q], [γ], [x], [h], [ŋ].

Если в отношении консонантизма современные тюркские языки в большей степени сохранили свое единство, то в отношении вокализма их можно разделить на две основные группы, которые, в свою очередь, в зависимости от вхождения их носителей в те или иные бывшие племенные союзы, имеют свои подразделения.

Первую группу составляют языки, характеризующиеся наличием системы вокализма, состоящего из восьми основных фонем: четырех узких гласных неполного образования — y, i, u, ü и четырех широких гласных полного образования — а, е, о, ö с некоторыми отклонениями и инновациями, вызванными влиянием соседних родственных и неродственных языков. К этой группе относятся, как уже отмечалось выше, центральные тюркские языки, а именно языки огузо-карлукско-кыпчакские, позже дифференцировавшиеся на соответствующие подразделения.

1. Огузские языки: а) некоторые языки, сохранившие восьмиричную систему вокализма и специфический для огузских языков консонантизм, например турецкий язык; б) языки, имеющие основную восьмиричную систему плюс фонема ä и соответствующие восемь первичных долгих гласных как пережитки древних стяжений комплексов ГСГ, например туркменский язык, и в) некоторые языки с основной восьмиричной системой плюс гласный [ä], например азербайджанский язык. Все огузские языки, кроме того, имеют соответствующие вторичные позиционные долгие гласные и характерный для них консонантизм.

2. Кыпчакские языки: а) группа языков с основной восьмиричной сис-

темой вокализма, например языки кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, караимский с некоторыми особенностями отдельных диалектов; б) группа языков, имеющих основную восьмиричную систему вокализма плюс гласный [á], функционирующий главным образом в заимствованных словах, например языки ногайский, казахский, каракалпакский, а также с некоторыми отклонениями в диалектах; в) группа языков с тем же основным восьмиричным вокализмом плюс соответствующие вторичные долгие гласные, например киргизский и алтайский языки.

3. Карлукские языки: а) сохранившие восьмиричную систему гласных плюс [á] с конвергенцией узких гласных [y] и [i] и характерным умлаутом и некоторыми другими особенностями, например новоуйгурский язык и умлаутные диалекты узбекского языка, и б) узбекский язык, имеющий по диалектам различные системы вокализма — от девяти до шести гласных фонем, — сформировавшиеся под влиянием соседних адстратных языков и внутренних закономерностей этого языка, возникших в процессе его формирования.

4. Уйгуро-огузские (сибирские) языки: а) сохранившие восьмиричную систему вокализма, но усложненную соответствующими восемью долгими и восемью фарингализованными фонемами, например тувинский язык; б) языки с восьмиричным вокализмом плюс восемь долгих гласных и четыре дифтонгоидных сочетаний, например якутский язык.

Вторая группа тюркских языков, характеризующаяся наличием системы вокализма, исторически состоящего из восьми основных гласных фонем, которые, однако, являются иного характера — четырех узких гласных неполного образования: $y, i, u, \ddot{u}$, общих с теми же узкими гласными для первой группы, и четыре узких гласных полного образования: $y, i, u, \ddot{u}$ вместо широких гласных $a, e, o, \ddot{o}$ первой группы. Таким образом, если первая группа тюркских языков характеризуется наличием основных гласных $y, i, u, \ddot{u} + a, e, o, \ddot{o}$, то вокализм второй группы состоит из $y, i, u, \ddot{u} + u, i, u, \ddot{u}$.

Ко второй группе, как уже отмечалось, относятся маргинальные языки, а именно языки булгаро-огузские, дифференцировавшиеся на следующие подразделения.

1. Булгарские языки, сохранившие восьмиричный вокализм, состоящий из восьми узких гласных, из которых четыре неполного образования — $y, i, u, \ddot{u}$ и четыре полного образования — $y, i, u, \ddot{u} + [\acute{a}]$ и [e], например древний булгарский и чувашский, сохранивший эту систему в низовом диалекте ($\acute{a}, \acute{e}, \acute{o}, e^o, y, i, u, \ddot{u}, a, e$).

2. Кыпчакско-булгарские языки, например: а) татарский, сохранивший также восьмиричную систему узких гласных — $y, i, u, \ddot{u}, y, i, u, \ddot{u} + [a]$ и [á]; б) башкирский, имеющий также восемь узких гласных — $y, i, u, \ddot{u}, y, i, u, \ddot{u}$ и два широких — [a] и [á].

3. Уйгуро-огузские языки, сохранившие элементы вокализма первой группы, т.е. широкие гласные полного образования и некоторые особенности вокализма второй группы, например: а) язык орхого-енисейских памятников, в котором отсутствует четкая дифференциация гласных фонем $e \sim i, o \sim u, \acute{o} \sim \ddot{u}$ и парных согласных по палатному ряду, и б) хакасский

язык и северные диалекты алтайского языка, а также некоторые другие сибирские диалекты, где сохранился вокализм, состоящий из восьми гласных фонем — у, і, ы, ү, у, і, ы, ү, т.е. четырех узких полного образования и четырех узких неполного образования, плюс широкие гласные [а], [е] и вторичные долгие гласные.

Каждая из указанных общих групп и подгрупп представлена частными модификациями фонологической структуры конкретных тюркских языков, причем для каждой группы, подгруппы и каждого конкретного тюркского языка установлены комплексные, связанные полиизоглоссы, в которых дана система признаков вокализма и консонантизма, по которым определяется отношение языков (sic!), диалектов и говоров к той или иной группе или к тому или иному языку.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОРНЕВОЙ МОРФЕМЫ

Основные акты человеческого мышления и отражения их в языке в трех основных функциях — номинации (установление понятий), атрибуции (дифференциация понятий) и предикации (интеграция понятий по динамическому признаку) — реализуются в языке в виде трех основных единиц языка: слова, словосочетания и предложения.

Каждая из этих единиц языка характеризуется своей автономностью и определенными границами, которые для каждой из них определяются специфической лексико-грамматической, фонематической и фонетической организацией своего внутреннего строения. Если словосочетание и предложение имеют свои специфические признаки, определяющие их автономность и границы, то слово как единица выражения номинации, т.е. функции иной чем предложение и словосочетание, с которыми не следует смешивать сложное слова, имеет свои особенности строения и критерии определения автономности своих границ.

Слово как единица языка — условное понятие. Если в агглютинативных или флективных языках простое слово представляет собой синтетическое, цельноформленное сочетание корневой морфемы и аффиксов словообразования и словоизменения, выражающих единство лексического и грамматического его значения, то в изолирующих языках слово может состоять из нескольких как бы самостоятельных слоговых компонентов — морфем, имеющих самостоятельное реальное значение, но образующих вместе с тем также единое смысловое значение; при этом один из компонентов является носителем лексического значения, а другие — грамматического значения. Агглютинативные языки по своей структуре отчасти соотносены с изолирующими языками в том смысле, что морфемы, составляющие синтетическое слово, например тюркское, также неоднородны по своему значению, одни из них выражают лексическое значение, лексические отношения, т.е. реализуют лексическое значение (корневая морфема и аффиксы лексико-семантического словообразования), другие — логические отношения (аффиксы функциональ-грамматического словообразования) и третьи — чисто грамматические (аффиксы словоизменения).

Структура современного тюркского слова и его корневой морфемы позволяет также предположить, что языки тюркского типа имели в древности, по-видимому, аналитический, изолирующий характер грамматического строя, где порядок слов и место определяемых и определяющих слов были строго фиксированы. В тесной зависимости от фонологической структуры слова стоит и проблема ударения в тюркских языках. На более ранних этапах развития тюркских языков, когда в большей степени был выражен аналитический, изолирующий строй языка, ударение было на первом слоге (на

первой корневой морфеме). Позже, с развитием агглютинативного строя, с редукцией знаменательного значения постпозиционных элементов и превращением их в аффиксальные морфемы, а также с потерей фонетической окраски из вокализма, ударение перешло на последующих слог. В современных языках большинство слов и словообразовательных и словоизменительных их моделей имеет фиксированное, сильное ударение на последнем слоге.

Современные тюркские языки представляют собой уже образец языков с наиболее выраженной агглютинацией, т.е. с образованием подавляющего количества грамматических форм посредством аффиксации — присоединения к корневой морфеме, фонологически не изменяемой, различного рода, также фонологически не изменяемых, но фонетически варьирующихся, аффиксов с закрепленными за ними грамматическими значениями.

Первичные и вторичные корневые морфемы в зависимости от смыслового значения слова разделяются на три группы: 1) корневые морфемы, выражающие название предмета или статического признака; 2) корневые морфемы, выражающие глагол, т.е. обозначающие действие — динамический признак, и 3) корневые морфемы со служебным значением, выражающие грамматическое отношение слов в составе предложения и словосочетания. Первые две группы корней, т.е. корни-имена и корни-глаголы, имеют особые, отличные друг от друга системы аффиксов словообразования. Третья группа, корни — служебные слова, не имеет своей системы образования.

Все аффиксы словообразования разделяются на две большие группы: 1) аффиксы лексико-грамматического словообразования, которые конкретизируют главным образом лексическое значение слова, но вместе с тем и относят данное слово к той или иной лексико-грамматической категории частей речи и 2) аффиксы функционально-грамматического словообразования, которые определяют функциональное назначение данного слова в составе словосочетания или предложения, не изменяя лексического значения самого слова.

Ближе к корню слова находятся аффиксы первой группы, за ними следуют аффиксы второй группы. В зависимости от принадлежности слова к корням-именам или к корням-глаголам все аффиксы той или другой группы могут быть либо аффиксами, присоединяющимися только к именным корням, либо аффиксами, присоединяющимися только к глагольным корням.

Первая группа аффиксов, т.е. аффиксы лексико-грамматического словообразования, как для имен, так и для глаголов по своему аспекту лексической конкретизации смыслового содержания слова имеет два типа: 1) аффиксы конвертирующие, относящие новую основу слова в разряд другой части речи, т.е. преобразующие либо именную основу в глагольную основу, либо глагольную основу в именную основу, и 2) аффиксы, модифицирующие смысловое лексическое значение слова без преобразования его в другую часть речи, т.е. конкретизирующие либо глагольную основу или основу без конверсии — преобразования его или основы в имя, либо именную основу без преобразования их в глагол.

Вторую большую группу составляют аффиксы функционально-грамматического словообразования как для именных, так и для глагольных ос-

нов; эти аффиксы служат средством образования трех функциональных форм: 1) субстантивных, 2) атрибутивно-определятельных и 3) атрибутивно-обстоятельственных. Для глаголов – это аффиксы, образующие формы масдаров, причастий и деепричастий, а для имени – аффиксы, образующие формы существительных, прилагательных и наречий.

В зависимости от внутренних закономерностей и внешних экстралингвистических факторов в развитии конкретных языков, сочетания корневой и аффиксальных морфем лексического и функционального словообразования было сопряжено с различными фонетическими закономерностями, определяющими тот или иной вариант фонем, составляющих каждую морфему. Закономерности эти выражены процессами прогрессивной и регрессивной ассимиляции, диссимиляции, а также умлаутом, протезой, энтезой, элизией гласных и согласных, синкопой, апокопой и проч.

Особое место и положение в системе агглютинации в тюркских языках занимают аффиксы словоизменения, которые оформляют основные грамматические категории и связи слов в словосочетании и предложении, а именно: 1) категорию числа, которая вместе с категорией лица выражает отношение субъекта и предиката в составе предложения; 2) категорию принадлежности, которая выражает отношения определения и определяемого в определительных словосочетаниях и имеет шесть лично-притяжательных форм – три формы единственного и три формы множественного числа; 3) категорию падежей, которая выражает отношения объекта и предиката и представлена в большинстве тюркских языков в виде шести основных падежей: основного, родительского, винительного, направительно-дательного, местного и исходного; 4) категорию лица, которая выражает отношения субъекта и предиката в предложении и представлена в тюркских языках шестью личными формами, также тремя единственного и тремя множественного числа.

Фонологические и фонетические процессы и закономерности, характеризующие границы присоединения аффиксов словообразования и словоизменения, варьируют по конкретным языкам от полного сохранения фонетической структуры основы слова и соответствующего аффикса до их многообразных изменений.

Как основные единицы синтаксиса – словосочетание и предложение, так и каждое слово характеризуются автономностью своей организации, своего внутреннего строения. Автономность слова, его границы и границы соединения его с другими словами определяются самим характером структуры тюркских языков. Границы слова определяются лексическим значением, выраженным корнем слова, содержащим понятие статического или динамического предмета или признака и находящимся, за очень редким исключением, в начальной позиции слова по отношению к его формальной, аффиксальной части, а также сингармонистическим строением слова, по которому оно состоит либо из заднеязычных гласных и согласных, либо из переднеязычных, и фиксированным ударением на последнем слоге. Сама позиция корня по отношению к аффиксальной части определяет как начало слова, так и его конец по его отношению к другим словам в потоке речи. Эта четкость выделения слова в потоке речи и установления его границ определяется еще и тем, что в тюркских языках отсутствуют, как правило, префиксальные элементы слова.

Итак, автономность и границы слова в тюркских языках определяются следующими основными признаками: а) четкой морфологической структурой, состоящей из корня, аффиксов лексико-грамматических (конвертирующих и модифицирующих), аффиксов функционального словообразования, образующих субстантивные и атрибутивные формы, и аффиксов словоизменения (числа, принадлежности, падежей и лица); б) сингармоническим строением слова, состоящего либо из заднерядных, либо из переднерядных гласных и согласных, и в) фиксированным, главным образом на последнем слоге, ударением.

Вместе с тем слово как самостоятельная единица в зависимости от своей функции в лексике данного языка, т.е. в соотношении с другими словами-понятиями, или в предложении, т.е. в отношении с другими членами данной конструкции, имеет различные границы своего строения. Если в составе словосочетания или предложения слово включает все структурные части слова — корень, все аффиксы словообразования и все аффиксы словоизменения, то слово в лексическом составе данного языка определяется теми же структурными частями слова минус аффиксы-морфемы функционального словообразования и аффиксы словоизменения (числа, принадлежности, падежей и лица), указывающие на роль слова в предложении и словосочетании. В этом случае слова замыкаются аффиксами лексико-грамматического словообразования, т.е. теми структурными элементами слова, которые определяют смысловое, лексическое его значение.

Фонематическая же структура корневой морфемы характеризуется односложностью и трехзвучием. Статистика показывает, что подавляющее количество корней в тюркских языках состоит из закрытого слога, состоящего из начального согласного, среднего гласного и конечного согласного (СГС). Эта структура корня является типичной для тюркских языков, хотя в них существуют и другие типы корней: Г, СГ, ГС, ГСС, СГСС.

Процесс усложнения корня слова словообразовательными и словоизменительными аффиксами и, соответственно, усложнением его фонологического состава представляется в виде непрерывной цепи соединяющихся между собой морфем, исторически имевших значение самостоятельных корневых морфем с различной степенью фонетической редукции и выпадения отдельных их элементов, т.е. по следующей схеме: СГС + СГС + (С)ГС + + СГ(С) + (С)Г(С) + ... (ср.: Будилович, 1877).

КОРНИ ТИПА СГС

Развитие фонологической и фонетической структуры корневой морфемы было связано с закономерностями, определяющими состав и характер фонем анлаута и ауслаута. Первоначальное сочетание различных по ряду корневых и постпозиционных, постепенно грамматикализовавшихся, морфем выравнивались по ряду первой корневой морфемы, как в отношении палатального так и в отношении лабиального сингармонизма.

Состав консонантизма анлаута в первые периоды развития тюркских языков был ограничен (с некоторыми исключениями для конкретных языков). В анлауте и ауслауте из сочетаний некоторых слабых согласных и гласных образовались долгие гласные. Для этих позиций слова были характерны глухие согласные и только позже с развитием агглютинативной

структуры слова, а также под влиянием экстралингвистических факторов для различения значений слов появились некоторые звонкие шумные согласные и сонорные.

В настоящее время фонологическая и фонетическая структуры корневой морфемы слова характеризуются следующими закономерностями: 1) восьмиричной (с вариантами для некоторых языков) системой вокализма корневой морфемы и двухвариантной (также с отдельными исключениями) вокальной основой аффиксальных морфем; 2) подчинением аффиксальных морфем вокализму корневой морфемы в отношении палатального и лабиального сингармонизма; 3) ударением, фиксированным на последнем слоге, определяющем границу слова; 4) наличием определенного состава согласных фонем для анлаута и ауслота корневой морфемы; 5) образованием долгих гласных из сочетаний слабых согласных и гласных и долгих согласных геминат на границах морфем; 6) наличием на границах морфем сложного слова (сандхи) позиционных соответствий для некоторых согласных; 7) развитием под влиянием внутренних и внешних факторов прогрессивной и регрессивной ассимиляции, умлаута, диссимиляции, протезы, эпентезы и других явлений.

Выше были определены только границы слова и его внутреннее строение в современных тюркских языках как одной из основных единиц языка относительно к истории формирования его фонологической структуры. Задачей дальнейшего исследования является анализ процессов развития основных типов фонологической системы тюркских языков и установление основных древних исторически сложившихся и современных фонологических моделей конкретных тюркских языков.

Как уже отмечалось выше, фонологическая структура тюркского слова всецело определяется закономерностями, формирующими корневую морфему как основную структурную часть тюркского слова, воздействующую, в свою очередь, на формирование последующих аффиксальных морфем, тем более, что исторически современное тюркское слово и состояло на более ранних этапах своего развития из сочетания определенной группы значимых корневых морфем, в котором основное лексическое значение сохранялось за первой морфемой, последующие же морфемы, фонетически редуцируясь, получали отвлеченное лексическое и грамматическое значение.

Следовательно, все фонетические и фонологические процессы, а также и закономерности, определяющие фонологическую структуру тюркского слова, тесно и неразрывно связаны со структурным составом корневой морфемы слова, прежде всего с ее строением и отношением к другим структурным частям слова. Все закономерности, связанные с формированием корневой морфемы *mutatis mutandis*, определяют и закономерности фонетического развития всего тюркского слова, которое исторически представляло собой цепь корневых морфем с однообразной структурой, состоящей из морфем типа СГС, позднейшими дериватами которых были типы С(СГ), СГ(С) и (С)Г(С).

Гипотеза о типичности структуры тюркского корня как состоящего из СГС опирается на то, что все корни типа СГ(С) в большинстве словообразовательных моделей имеют в языках, сохранивших долготу гласных, долгий гласный, что свидетельствует о том, что эта долгота является рефлексом компенсации конечного согласного (Баскаков, 1979).

Наиболее часто этими конечными согласными являются звуки, способствующие образованию компенсирующих долгих гласных, которые выступают в некоторых языках свидетельствами подобных стяжений. К подобным согласным относятся: 1) γ/g и дериваты от них w, j и 2) $d/t, z/s, \delta/\theta$ и дериваты от них j, r и проч.

О типичности первоначальной структуры корневой морфемы как состоящей из элементов СГС свидетельствуют и статистические данные. Ср. состав корневых морфем древнетюркских языков по данным "Древнетюркского словаря":

СГС 76,3%	(С)ГСС 2,0%
(С)ГС 15,1%	СГ(С) 2,5%
СГСС 3,6%	(С)Г(С) 0,5%

Те же почти соотношения характерны и для других тюркских и алтайских языков, например для казахского (Хасенова, 1960):

СГС 78,1%	СГСС 1,3%
(С)ГС 17,0%	СГ(С) 1,8%
СГСС 1,8%	(С)Г(С) 0,4%

В чувашском корни типа СГС составляют 94%, в корейском – 77% (Баскаков, 1979).

Вместе с тем структура корня СГС тюркских языках не была постоянной и неизменяемой. Большинство современных корневых морфем в конкретных тюркских языках представляет собой, как мы видели, результат фонетического развития первоначально имеющих иную фонологическую и лексико-семантическую структуру корней. Эта изменчивость структуры корня заключалась либо в фонетической редукции и выпадении начального (С)ГС или конечного СГ(С) согласного, а также изменении гласного, либо в изменении семантики, либо в обрастании корня аффиксами словообразования, слившихся с ними, или образовании новых корней из сочетаний слов и морфологическом переразложении слова, когда начальный элемент корневой морфемы остался первичным, а конечные элементы вновь образовавшейся корневой морфемы стали путем фузии вторичными. Ср., например, современные корневые морфемы: $qur-$ 'сушить', которая произошла из $quw + ur-$ с первоначальной корневой морфемой $quw- <qu\gamma- \sim qub-; utan-$ 'стыдиться' $<uw\tau an-$ (ДТС, 619), ср. $ubut \sim uvut$ 'стыд' (ДТС, 603, 619) $< *u\gamma- \sim ub-> uv- \sim uw-$; $u\check{s}aq$ 'мелкий' (ДТС, 617) $< uv\check{s}aq \sim uw\check{s}aq$ 'мелкий' $< u\gamma- \sim ub-> uv- \sim uw-$ 'измельчать' (ДТС, 619); $\check{c}un-$ 'мыться' (ДТС, 156) $< \check{c}u\gamma- \sim \check{c}uw-un- \sim juw-un-$ 'мыться, умываться' – возвр. залог от $ju\gamma > juw-$ 'мыть' (НРС, 444); $toq < toj-yq$ 'сытый' (ДТС, 576) $< toj- \sim tod- \sim to\delta- \sim toz- \sim tos-$ 'насыщать' + $-yq$ – аффикс результата действия $> toj-yq > toq$ 'сытый'; $j\ddot{u}k$ 'поклажа' (ДТС, 285) $< j\ddot{u}d- \sim j\ddot{u}\delta- \sim j\ddot{u}t- \sim (j\ddot{u}j-)$ (ДТС, 283) 'навьючивать, нагружать' + $\ddot{u}k-$ – аффикс результата действия $> j\ddot{u}j\ddot{u}k > j\ddot{u}iik > j\ddot{u}k$ 'поклажа'; sik 'моча' (ДТС, 499) $< sid- \sim si\delta- \sim sit- \sim sij-$ 'мочиться' + $-ik$ – аффикс результата действия $> sijik > sik$ 'моча', ср. $s\ddot{u}d-\ddot{u}k, si\delta-\ddot{u}k$ 'моча' (ДТС, 516, 499); глагол $b\ddot{u}r-$ 'морщить, стягивать с образованием складок' $< b\ddot{u}k-$ 'сгибаться' $\sim$ 'сгибать' + $\ddot{u}r-$ – аффикс понуд. залога $> b\ddot{u}k-\ddot{u}r- \sim b\ddot{u}g-\ddot{u}r- \sim b\ddot{u}j-\ddot{u}r- \sim b\ddot{u}w-\ddot{u}r- > b\ddot{u}ur- > b\ddot{u}r-$ 'заставить сгибать, заставить

сгибаться > морщить, делать складки', т.е. первичным корнем глагола būr- был глагол būk- ~ būg- 'сгибать, гнуть'; каз. kōk < туркм. gō:k < чув. kuvak 'зеленый, синий, серый' с первоначальной корневой морфемой quγ ~ qub ~ quw 'белый, сизый, бледный (о лице), желтый (о траве)' ~ quba 'бурый, бледный', ср. туркм. quba, ног. quba 'бурый' > рус. кубовый; cуq- < др.-тюрк. t(a)š-yq- 'выходить, выступать, отправляться в поход' (ДТС, 540), ср. taš- 'переваливаться через край, выходить из берегов' (ДТС, 540); qon 'овца' (ДТС, 455) из qoj-yn > qoj̄ (ДТС, 453) > qon ~ qoj(-yn); qon 'лоно, грудь' < qoj-yn ~ qoj-yn 'лоно, грудь, объятия, пазуха' ~ qon qoj(-yn) 'пазуха, дно долины' (ДТС, 453, 454), ср. як. хоој ~ хооп ~ хонпох 'пазуха'; или образовавшимися от единого корня: qod- ~ qod- ~ qoj- 'класть, помещать, оставлять'; корни: qoš- [$\langle$ qo(d-y)š̄ ~ qo(j-y)š̄-] 'соединять, присоединять, добавлять' (= 'класть, помещать вместе'); qon- [$\langle$ qo(d-y)n- ~ qo(j-y)n-] 'оседать, поселяться, опускаться, садиться на что-либо (о птице) (= 'класть, ставить себя'); qal- ~ qal-, тат. qāl- [$\langle$ qa(d-y)l- ~ qa(j-y)l-] 'оставаться (= 'оставляться, помещаться)'; qur- ~ qor [$\langle$ qo(i-u)r-] 'строить, сооружать, устраивать (= понуд. "заставить, класть")'; jaq- ~ jaγ- 'зажигать, жечь' и производные от него: jan- 'загораться, зажигаться' [$\langle$ jaq- ~ jaγ- + yn > ja(γ-y)n-], т.е. от корня jaq- ~ jaγ 'зажигать, жечь' + аффикс возв. залога -yn, слившийся с корневой морфемой; jal- 'вспыхивать, воспламениться, гореть, воспалиться' [$\langle$ jaq- ~ jaγ- + yl > ya(γ-y)l-], т.е. от того же корня jaq- > jaγ + аффикс страдат. залога -yl, слившийся с корневой морфемой; ср. аналогичное образование глагола др.-тюрк. qaj- 'поворачиваться'; qaj-yt- > qaj-(y)t- 'возвращаться, свернуться' (= понуд. 'заставить поворачиваться'); qaj-yš- 'относиться друг к другу сочувственно (= взаимн. поворачиваться друг к другу)'; qaj-yn- 'кипеть, кишеть' (= возвр. 'поворачиваться, крутиться о самом себе'); qaj-yγ-yš- > qaj-g-yš- 'состязаться друг с другом в сгибании' (qaj-yγ- 'сгибать, скручивать'; понуд. от qaj-) и проч.

К этому же типу сплавленных корней относятся корни, в большей степени сохранившие свою структуру, состоящую из первоначальной корневой морфемы и сплавленных омертвевших аффиксов; ср., например: ajda- 'гнать' < haj - окрик понукания + аффикс, образующий основу -da/-de (возможно, в данном случае происшедший из dej- tej- > de- ~ te- 'говорить, сказать' > haj de- 'сказать "эй" > гнать'); oqu-t- 'учить' < oqu- 'учиться' + аффикс понудительного залога -t (по предположению В. Котвича, происшедшей также от глагола dej- ~ tej- > de- ~ te- 'говорить, сказать' > oqu te- 'сказать "учись" > oqut- 'заставить учиться, учить'); туркм. јујпа- 'собирать в кучу' < др.-тюрк. јуј- 'собирать' + аффикс результата действия -yn > јуј-yn 'куча' + аффикс образования глагола от глагола -na(< -la/-le) > јујyn-na- > јујпа- 'собирать в кучу'.

Наконец, корневые морфемы конструировались также из сплавления двух корней, сохранивших до сих пор в современных языках самостоятельное значение, ср., например, сложные корни, состоящие из двух глагольных основ: akel- < a(l-yp) kel- 'приносить' из al- 'брать, взять' и kel- 'приходить'; aket- < a(l-yp) ket- 'уносить' из al- 'брать, взять' и ket- 'уходить'; arag- < a(l-yp) bar- 'нести' из al- 'брать, взять' и bar- 'идти'.

соединенных деепричастием на -ур/-ір, -р или другого типа, например жібер- ~ жібер- < жі (j-е) бер- 'посылать' из жіј- 'отправлять' и бер- 'давать', соединенных деепричастием на -а/-е, -ј; корни, состоящие из имени и глагола, например суwsа- 'жаждать' < суw 'вода' + са(j)- са(q)- 'думать, желать', букв. 'думать о воде, желать воду' и т.п. Значение сплавленного корня определяется последней корневой морфемой, т.е., если последняя корневая морфема глагольная, то и весь корень будет глагольным, а если последняя корневая морфема именная, то и сплавленный корень будет именным.

Видоизменение корневой морфемы происходит также в процессе фонетического развития производных слов, состоящих из корневой морфемы и аффиксов словообразования или из двух слов, причем в данном случае часто видоизменяется и вокалический элемент в составе корневой морфемы. Особенно эти процессы характерны в тех случаях, когда в составе слова образуются сочетания ГСГ, а именно:

ауу ~ egü: др.-тюрк. tegül, кар. t'uv'ul, тур. dejil, туркм. дәäl (< dayul < day ol) 'не, нет';

ууа ~ üge: тув. жүgen, каз. жүgen, чув. jjuven, як. үп 'узда';

оуу ~ ögü: тур. ögür, туркм. hevür, каз. үjür, хак. үr 'косяк лошадей' и др. Ср. также вариативность корневой морфемы: тур. huу, кар. жүw ~ жүw, куманд. уу ~ үg; алт., каз. үj, тат. үw, уйг. äv, аз. öw ~ öv, чаг. öj, хак. іb ~ ір ~ ер 'дом', уйг. түgä ~ tävā ~ t'öögä, ккалп. түje 'верблюды', огуз. tävā ~ tivi, чаг. түjā, тур. deve, туркм. дүje.

Что же касается синкретизма корней типа ој 'яма' и ој- 'долбить, углублять', үj 'дом' и үj- 'складывать в кучу', тој 'пир' и тој- 'насыщаться', кеңес 'совет' и кеңес- 'советоваться', қатту 'старик' и қатту- 'стариться' и проч. (Баскаков, 1952, с. 162), отмеченного многими тюркологами, то, по всей вероятности, такое состояние было характерно для глубокой древности, когда тюркские языки имели иную типологическую структуру, близкую к изолирующим языкам, когда лексические и синтаксические отношения слов и членов словосочетания и предложения были выражены не сочетаниями корневой морфемы с аффиксальными, а сочетаниями самостоятельных лексических единиц, из которых постпозиционные имели значение абстрактное, выражающее эти отношения.

Следы синкретизма корней сохранились довольно слабо, и в современных языках именные и глагольные корневые морфемы уже в подавляющем числе строго дифференцированы, в том числе и синкретичные основы, ср., например, ккалп. baj 'богатый', но bajу- 'богатеть', түп 'ночь', но түне- 'ночевать', жүwas 'смирный', но жүwусу- 'присмиреть' и проч.

Составные элементы корневой морфемы часто изменялись за счет присоединяемых других корневых морфем или, позже, аффиксов, и вновь образовавшиеся корневые морфемы приобретали новое значение. Следовательно, эти изменения корневой морфемы имели словообразовательную функцию. Процессы интерференции корневой морфемы и словообразовательных элементов или второй корневой морфемы в образовании структуры современных корневых морфем, таким образом, не всегда позволяют определить первичность или вторичность структуры каждого данного корня.

Корневая морфема была подвержена постоянным модификациям и изменениям за счет переразложения структурных элементов. Кроме того, тюркские языки подвергались воздействию субстратных и соседних родственных и неродственных языков, заимствования из которых иногда замещали исконные тюркские корни, нарушая тем самым лексико-семантические их связи.

Типичная структура тюркского корня — СГС — никогда не была общей и единой для всех корневых морфем в тюркских языках, но тюркские корни стремились к ней, причем переменным элементом, восходящим к тому или иному словообразовательному аффиксу или к элементам второй корневой морфемы, вошедшей в состав вновь образовавшейся, был конечный согласный в структуре корня.

Таким образом, в любом хронологическом срезе существовали и существуют ныне корни не только первичные и типичные для тюркских языков, т.е. состоящие из СГС, но и иные по своей структуре, более краткие, утратившие в результате фонетического развития конечный или начальный согласный, т.е. корни типа СГ(С), или (С)ГС, или даже (С)Г(С), и более распространенные, представляющие собой результат незакончившегося процесса корнеобразования путем переразложения и сращения со словообразовательными аффиксами второй корневой морфемы, а также заимствованные корневые морфемы, т.е. корни типа СГСС, СГСГ, ГСС, ГССГ и проч. Однако корни типа СГС оставались всегда господствующими в количественном отношении.

Как в том, так и в другом случае при корнеобразовании путем морфемосложения изменялся, как правило, последний согласный структуры первичного корня, замещаясь либо согласными аффиксальной морфемы, либо согласным второй корневой морфемы, причем ассимилированные и редуцирующиеся элементы (конечный согласный первичной корневой морфемы и какой-либо из элементов второй сплавившейся морфемы) не исчезали бесследно. Первоначально они имели заместительное продление в виде либо дифтонгоидных сочетаний, либо долгих гласных, и только позже эти дифтонги или долгие гласные приобретали характер нормального по длительности гласного; ср., например: чув. кууак, туркм. göök, в других тюркских языках gök ~ kök 'зеленый, синий', где первичным корнем был куу ~ quu ~ qu; чув. тувар, туркм. duuz, в других языках duz ~ tuz 'соль', где первичным корнем был туу; др.-тюрк. қауаг (ДТС, 405), туркм. ga:r, в других языках qar 'снег', т.е. с первичным корнем қау ~ qa, имевшим, возможно, иное значение; *jen-ger, чув. *jñ-(g)er, др.-тюрк. eder ~ eđer, уйг. egä(r), тур. eger ~ ejer, туркм. ejer, кирг., алт. eer, ккалп. ¹er 'седло', где первоначальный корень восходит к jen ~ jeñ; *jed-gü, др.-тюрк. edgü ~ eđgü, ног. ijg, тур. iji, др.-тюрк. jeg 'хороший, добрый, благо, добро', где первичным корнем является jed ~ jeđ ~ jej.

Процессы корнеобразования связаны также с различными фонетическими закономерностями фонетического изменения корневых морфем в процессе их образования. Изменения эти характерны как для согласных, образующих корень, так и для инлаутного гласного, находящегося в позиции между согласными. Вариативность фонетического состава корневых морфем объясняется, во-первых, диалектными соответствиями

звук. В этом случае при изменении фонетического облика корневой морфемы только иногда происходят изменения на периферии ее лексических значений. Во-вторых, те же фонетически варьирующиеся по диалектам корневые морфемы, заимствованные одним диалектом из другого, что характерно, например, при табуировании лексики или при образовании профессиональных охотничьих или женских жаргонов, сначала в виде синонимов с слабым изменением семантики, а затем в качестве слов с самостоятельным, но близким к основному значению, образуют новые корневые морфемы, получающие самостоятельное развитие в системе словообразования и образующие иногда корни с далекими от первоначальных значениями. В-третьих, происходит изменение начального согласного — его выпадение или замещение другим согласным, а также и более значительное изменение реального значения. В-четвертых, изменяется конечный согласный и, наконец, в-пятых, изменяется анлаутный гласный с последующим все более значительным изменением семантики корня.

Так, вариативность фонетического оформления корневой морфемы, вызванные междиалектными соответствиями, как правило, сохраняет одно и то же значение; ср., например, др.-тюрк. *bod* ~ *boð* ~ *boj*, или *bodun* ~ *boðun* ~ *bojun* 'скопление людей, племя, род, народ, население, подданные, народные массы, простой народ, люди', или *djol/tjol* ~ *džol/čol* ~ *žol/šol* ~ *dzol/col*, *zol/sol*, *suol*, *jol* и проч. с общим значением 'путь, дорога' и развившимися периферийными значениями, например: кирг. *džol* 'позволение, разрешение, подарок', ног. *jol* 'способ, прием, метод' и проч., которые не являются общими для всех языков.

К одному из продуктивных способов корнеобразования относится способ образования путем видоизменения и, чаще всего редукации и выпадения начального согласного корня или его замещения другими согласными-субститутами. Образование новых корней данным способом характерно для исходных корневых морфем, имеющих начальный неустойчивый согласный, редукация и выпадение которого образует новый корень с другим, но близким к исходному корню значением, ср., например, следующие закономерности.

1. Неустойчивость, т.е. редукация и исчезновение, начального *j* и его субститутов *nj*, *dj/tj*, *dž/č*, *ž/š*, *s/z*: *ilan* ~ *jylan* 'змея', *üzmek* ~ *jüzmek* 'плавать', *aq* 'течь, протекать' и *jaq* ~ *jaγ* ~ *jaw* 'падать о дожде' (ср. чув. *jux* 'течь'); *ag* 'отделять' (ДТС, 50) и *jar* 'разрубать'; *az* 'заблуждаться' и *jaz* 'ошибаться'; *üz* 'рвать' и *jüz* 'сдирать'; *uraq* 'даль, далеко' и *juraq* 'дальний'; *igit* 'кормить' (ДТС, 205) и *je* ~ *ji* 'есть', *jegü* 'еда, пища' (ДТС, 253), *jej-im* 'пища' (ДТС, 253), *jejsä* 'желать есть' (ДТС, 253); *erik* 'относиться с пренебрежением' (ДТС, 177) и *jer* 'пренебречь' (ДТС, 257); *eril* 'быть расколотым' и *jer* 'расщеплять'; *islä* 'нюхать' (ДТС, 214) и *jyt* ~ *jud* ~ *jud* 'запах' (ДТС, 264, 265);

2. Неустойчивость начального *b* ~ *p*: *bol* ~ *bul* ~ *ol* 'быть', *ög* 'разум' (ДТС, 373) и *bögü* 'мудрый', *bögün* 'уразуметь, понять' (ДТС, 116), *bögüş* 'понимание, уразумение' (ДТС, 117; *eg* (ДТС, 165), *eγ* (ДТС, 174) 'сгибать' и *bük* 'сгибать, сгибаться' (ДТС, 132); *ülä* 'делить' (ДТС, 624), *ülüg* 'доля' (ДТС, 625) и *böl* 'делить' (ДТС, 117), *böl-ük* 'отдел, часть';

öz 'сам, сущность, сердцевина, нутро' (ДТС, 394–395) и bod ~ bod 'тело' (ДТС, 106, 108), алт. boj 'сам, тело, сущность'; ср. те же соответствия в монгольских языках: bürgex ~ ürgex 'приходить в замешательство, пугаться', ürk- 'пугаться' (ДТС, 626); bujlah ~ ujlah 'реветь (о верблюде), реветь, плакать'; bursalaa ~ ursalaa 'мелкие сборки платья'; монг. berx ~ berxe 'сила, мощь' > тюрк. erk ~ ärk 'сила, мощь, воля' (Бертагаев, 1965).

3. Ослабление и редукция начального q, k, например: qoqa, 'загон, загородка'; qoqala- 'загораживать' (КРС, 401) и oqa- 'загораживать' (КРС, 497), qud- ~ quδ- ~ qut- ~ quj- 'лить' (ДТС, 463) и алт. ug- 'лить, сыпать'; küj- ~ köj- 'гореть', köj-dir- 'жечь' (ДТС, 312) и üj-t 'палить, опаливать' (КРС, 691); кең 'широкий' (ДТС, 298) и еп 'ширина' (ДТС, 173) и проч.

4. Редукция начального t > 0, например: toj- 'рождаться' (ДТС, 570), оу-уш 'род, племя' (ДТС, 365); töz 'корень, основа, сущность' (ДТС, 582), öz 'сущность' (ДТС, 394), 'сердцевина', алт. özök 'сердцевина'; tut- 'хватать, брать' (ДТС, 591), ut- 'выигрывать' (ДТС, 617); tütj- 'толочь, растирать' (КРС, 659); ügi- 'размалывать, размельчать' (КРС, 687); ср. монгольск. teszeg ~ eszeg 'против, наперекор'; talxix 'мять кожу, выколачивать', alxix 'бить, колотить' (Бертагаев, 1965).

5. Ослабление t > s, например: toq- ~ soq- ударять, бить'; туq- ~ суq- 'набивать, втыкать давить, жать, выжимать' и проч.

6. Утрата начального s, например: sal- 'класть' и al- 'взять'; sat- 'продавать' и at- 'бросать', которые, в свою очередь, служат антонимами друг к другу: sal- 'класть' (к себе), sat- 'продавать' (от себя), al- 'взять' (себе), at- 'отбросить' (от себя), т.е. противопоставлены друг другу как формы центростремительные и центробежные, по аналогии с kel- 'приходить' и ket- 'уходить'; ср. соответствующие закономерности s > h > 0: др.-тюрк. suγ ~ sub, чув. šuv ~ šu, каз. suw, алт. suu ~ su, башк. huγ ~ hu, як. uu 'вода'; др.-тюрк. sen, башк. hin, як. äp 'ты'; др.-тюрк. süt, башк. hüt, як. üt 'молоко'; др.-тюрк. saγ-, башк. haw-, як. уа- 'доить' и проч.

7. Неустойчивость согласных s ~ š в анлауте корневых морфем: suz- ~ šüz- 'чертить', суs- ~ šüs- 'испражняться', соq- ~ šоq- 'бить, жалить', саs- ~ šаs- 'разбрызгивать, рассеивать, рассыпать'; сал- ~ sal- 'бить, ударять'; сök- 'преклонять колени' ~ šök- ~ šök- 'опускаться на колени'.

8. Утрата начального š ~ š, например: širi- ~ širi- 'гнить, портиться, протухать' и iri- 'киснуть (о молоке), гнить' (КирРС, 243).

Те же явления наблюдаются и при варьировании конечного согласного корневой морфемы, вызывающем изменения значения корневой морфемы. Наиболее часто новые корневые морфемы обращаются при следующих соответствиях:

1. Соответствие d/t ~ δ/θ ~ z/s ~ r: jad- ~ jat- ~ jaδ- ~ jas- ~ jaz- ~ jaj- с общим значением 'расстилать, рассеивать, развязывать, раскалывать, распускать' и проч., которое присуще было древнетюркским основам jad-, jaδ-, jaj-, jaj-, jas-, jat-, jaz- (ДТС, 222), но кроме общего значения основа jat- имела значение 'лежать', а jaz- — 'расщеплять, рубить'. Следы этих соответствий сохранились во многих корневых морфемах в словах как с близкими значениями, например: köz 'глаз', көr- 'видеть'; ud- ~ uδ- ~

~ut-~uz- 'следовать за, идти следом' (ДТС, 605, 606, 617, 620), ij- (ДТС, 205), er- (ДТС, 175), ср. также yz ~ iz ~ jiz 'след' (ДТС, 216, 221, 264) и uj-uy 'тень' (ДТС, 608), так и с далекими, изолированными значениями, например qud-~quj- 'лить' (ДТС, 463) и qus- 'рвать, тошнить, изрыгать' (ДТС, 470), ср. алт. ur- 'лить' (ОРС, 168).

2. Соответствие q/γ ~ k/g ~ j: syq- 'теснить, жать, выжимать' (ДТС, 504), syu- 'вмешаться' (ДТС, 502), suq-~soq- 'втыкать, всовывать' (ДТС, 508), каз., ккалп. syj- 'вмешаться' (НРС, 318, ККРС, 600); taq- 'прикреплять' (ДТС, 536), ккалп. tap- 'привязывать' (ККРС, 619); кирг. taga- 'придвинуть вплотную, приставить' (КирРС, 485), taja- 'прислонять, ставить опору' (ДТС, 527); ögren- 'учиться' (ДТС, 380), üjrön- 'обучиться' (Кирг. РС, 548).

3. Соответствие z ~ n/ŋ: özgä 'иной, другой' (ДТС, 396), onge 'другой' (КирРС, 335); süz- 'цедить, процеживать' (ДТС, 519), siŋ- 'впитываться, усваиваться' (ДТС, 500); ös- 'расти' (ДТС, 391), öŋ- 'расти', öŋdür- 'растить' (ДТС, 385).

4. Соответствие b ~ γ ~ w ~ j: sub ~ suw ~ su: ~ su 'вода' (ДТС, 512, 515), süj 'вода' (ДТС, 513), н.-уйг. suj-i 'его вода'; ebir- 'обходить, окружать' (ДТС, 162), egir- 'окружать' (ДТС, 166).

5. Соответствие l ~ š ~ č: öl- 'умирать' (ДТС, 383), öš-~öč- 'гаснуть, исчезать' (ДТС, 376); tel- 'сверлить, буравить' (ДТС, 550), teš- 'продырявливать, протыкать' (ДТС, 535); jul 'год' (ДТС, 266), jaš 'год' (ДТС, 245); byš-~biš- 'вариться, созреть' (ДТС, 105), bula- 'варить, тушить' (ДТС, 121), bol- 'быть, случиться, становиться' (ДТС, 111), ср. монг. bol-ox 'становиться, делаться; созреть, вариться'.

В области вокализма при корнеобразовании неустойчивыми и слабо различающимися их значение являются гласные в следующих противопоставлениях (наиболее часто ими являются гласные в противопоставлении по одному из основных их признаков).

1. При противопоставлении по палатализации/депалатализации при совпадении подъема и лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении а ~ е, у ~ и, о ~ ö, u ~ ü, например: bart- 'разбивать' (ДТС, 85) ~ bert- 'портить' (ДТС, 96); aryt- ~ erit- ~ erüt- 'растопливать' (ДТС 53, 183; byš- ~ biš- 'созреть' (ДТС, 105); til (ДТС 559) ~ dyl (тув.) 'язык'; тыңу ~ тыңи 'шпион' (ДТС 561); ðom- ~ çöm- 'окунаться, нырять' (ДТС, 153, 155); çoq- ~ çök- 'становиться на колени' (ДТС, 154, 155); çop ~ kör 'весь, много' (ДТС, 456); sud- ~ sut- ~ sud- ~ suz 'плевать' (ДТС 513, 514, 516) ~ sid- ~ sit- ~ sið- 'мочиться' ~ südük 'моча' (ДТС 498, 499, 516).

2. При противопоставлении по лабиализации/делабиализации при совпадении подъема и палатальности/непалатальности, т.е. при противопоставлении а ~ о, е ~ ö, у ~ u, i ~ ü, например: др.-тюрк. aruq ~ н.-уйг. oquq 'худой, тощий'; каз. asuq ~ н.-уйг. osuq 'открытый'; ккалп. töbe ~ туркм. tere 'холм'; ккалп. erik ~ узб. öruk 'абрикос'; temir ~ tömür 'железо'; каз. sunuq ~ н.-уйг. sunuq 'сломанный'; муң, ~ муң 'тысяча'; tyrna ~ turna 'журавль'; ккалп. tülki ~ др.-тюрк. tilkü ~ tilki 'лисица'; min- ~ mün- 'сидеться верхом'; bijik ~ büjük 'высокий'.

Соответствия е ~ о, у ~ и, i ~ u характерны для галицкого диалекта караимского языка, в котором делабиализация ö, u, ü > е, у, i — общая закономерность.

3. При противопоставлении по нижнему и верхнему подъему при совпадении палатальности/непалатальности и лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении $y \sim a$, $e \sim i$, $o \sim u$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$, например: чув. $ylma\check{s}$ ~ ~каз. $almas$ 'меняться'; чув. pyl ~ ккалп. bal 'мед'; чув. pyr ~ ккалп. bar 'идти'; it ~ et 'делать' (ДТС, 215); es ~ is 'дуть' (ДТС, 183, 213); ber ~ bir 'давать' (ДТС, 95, 101); kes ~ kis 'резать'; $kert$ 'надрезать'; $bo\check{y}ra$ ~ $bu\check{y}ra$ 'раскалывать, разрубать' (ДТС, 109, 120); $jont$ ~ $junt$ ~ $jund$ 'лошадь' (ДТС, 272, 281); qov ~ quw 'гнать' (ДТС 514-462); sot ~ sut 'плевать' и проч. (ДТС, 514, 509); $joqaru$ ~ $juqaru$ 'вверх' (ДТС 273-281); $o\check{y}ur$ ~ $u\check{y}ur$ 'будить' (ДТС 365, 607); $sök$ ~ $sük$ 'ругать' (ДТС, 510, 517); $sönük$ ~ $sünük$ 'кость' (ДТС, 511, 517); $bögü$ ~ $bükü$ 'мудрый' (ДТС, 116, 132); $jölä$ ~ $jülä$ 'подпирать' (ДТС 275, 285); $čöj$ (ОРС, 181) ~ $čüz$ (ДТС, 158) 'вытягивать'.

Соответствия $e \sim i$, $o \sim u$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ регулярны для языков енисеко-орхонского, татарского, башкирского, некоторых диалектов хакасского и проч.

Реже встречаются соответствия в изменении вокализма слова по двум дифференциальным признакам.

4. При противопоставлении по двум признакам: а) палатализации и верхнего подъема/депалатализации и нижнего подъема и б) депалатализации и верхнего подъема/палатализации и нижнего подъема при общем признаке лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении $a \sim i$, $e \sim y$, $o \sim \ddot{u}$, $\ddot{o} \sim u$, например: чув. il ~ др.-тюрк. al 'брат', 'взять'; er 'следовать' (ДТС 605), yz ~ iz 'след' (ДТС 216, 221); чув. $sü$ ~ тув. soj 'снимать шкуру'; чув. $xüse$ ~ кирг. qos 'шалаш'; н.-уйг. $öj$ ~ куманд. $u\check{y}$ 'дом'.

5. При противопоставлении по двум признакам: а) лабиализации и верхнего подъема/делабиализации и нижнего подъема и б) делабиализации и верхнего подъема/лабиализации и нижнего подъема при общем признаке палатальности/непалатальности, т.е. при противопоставлении $u \sim a$, $e \sim \ddot{u}$, $o \sim y$, $\ddot{o} \sim i$, например: чув. $šur$ ~ ккалп. saz 'болото'; чув. us ~ ккалп. $aš$ 'открывать'; чув. $игра$ ~ ккалп. $агра$ 'ячмень'; тур. ev ~ ккалп. $üj$ 'дом'; чув. $uvul$ ~ др.-тюрк. $o\check{y}ul$ 'сын'; н.-уйг. $öj$ ~ хак. ib 'дом'.

Наименее возможными соответствиями являются следующие.

6. При противопоставлении по двум признакам: а) палатализации и лабиализации/депалатализация и делабиализация и б) палатализация и делабиализация/депалатализация и лабиализация при общем признаке подъема верхнего/нижнего, т.е. при противопоставлении $a \sim o$, $e \sim \ddot{o}$, $y \sim u$, $i \sim \ddot{u}$.

7. При противопоставлении по всем трем признакам: а) палатализация, лабиализация, верхний подъем/депалатализация, делабиализация, нижний подъем; б) депалатализация, лабиализация, верхний подъем/палатализация, делабиализация, нижний подъем; в) палатализация, лабиализация, нижний подъем/депалатализация, делабиализация, верхний подъем, г) депалатализация, лабиализация, нижний подъем/палатализация, делабиализация, верхний подъем, т.е. при полном противопоставлении без общего признака: $a \sim \ddot{u}$, $e \sim u$, $o \sim i$, $\ddot{o} \sim y$.

Таким образом, процессы развития и видоизменения корневой морфемы и определение современной их структуры обусловлены тремя основными факторами: а) семантическим, т.е. нарастанием кроме своего основного значения множества побочных переносных значений, которые часто стано-

вятся господствующими и, таким образом, отрываются от первоначального, образуя как бы самостоятельную корневую морфему, отличную по значению от первоначального корня; б) фонетическим, т.е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям, например изменением согласного по закономерностям соответствия $d/t \sim z/s \sim \delta/\theta \quad j/\tilde{j} \sim r$ и развитием другой самостоятельной корневой морфемы с другим значением и в) морфологическим, т.е. фузией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксальными, при котором редуцируются и выпадают составляющие корневую морфему гласные и согласные, замещаясь другими звуками, и новая корневая морфема приобретает другой фонетический облик и другое лексическое значение.

Фонологические и фонетические закономерности развития корневых морфем, как мы видим, подтверждают то, что господствующими и характерными для тюркских языков являются корни типа СГС. Корни же типа (С)ГС, СГ(С) и (С)Г(С), как указывают эти закономерности, представляют собой результат фонетического развития анлаутных и ауслатных согласных.

Ниже предлагаются конкретные примеры корней этого типа, встречающихся в древнетюркских языках и делаются попытки реконструировать эти корни (архетипы) как состоящие из СГС.

КОРНИ ТИПА (С)Г(С)

Корни этого типа встречаются в древнетюркских языках и зарегистрированы в ДТС: $qa\dot{n}$ а- 'останавливаться (о крови)' (с. 416), у 'растение' (с. 216), ö- 'думать' (с. 375), и 'сон' (с. 603) и и- 'мочь' (с. 603), т.е. представлены всего пятью словами, причем некоторые из них из-за несовершенства старой графики, с одной стороны, и единичности регистрации — с другой, представляются спорными, случайными по своему графическому оформлению. Ср., например, глагол а- в аналитической основе $qa\dot{n}$ а-, который встречается всего один раз в древнеуйгурском языке в фрагменте одного из сочинений медицинского содержания берлинской коллекции памятников древнеуйгурской письменности (Rachmati, 1932, с. 401—448), или корень у, который встречается главным образом в парных словах типа у-ууаџ 'всякая растительность', у-таруу 'посевы злаковых культур', у-таџ 'заросли и скалы (камни)' и поэтому также представляется либо заимствованным из других языков, либо графически ущербно оформленным, либо фонетически редуцированным.

Остальные корни типа (С)Г(С) в ДТС представляют собой либо варианты более полных корней, например $i < i\dot{r}$ 'быть', $o < o\dot{l}$ 'он, тот', либо заимствования из других языков, например $u <$ араб. va союз 'и'.

Однако и перечисленные выше пять корней типа (С)Г(С) также генетически восходят, как нам представляется, к более полным корневым морфемам. Так, корневая морфема а- в аналитической основе $qa\dot{n}$ а- 'останавливается (о крови)', зафиксированная в ДТС в причастной форме $a\dot{y}aj$, выступающей в функции сказуемого в предложении $kimni\dot{c} burunda qa\dot{n} \dot{o}ns\ddot{a}r mir ja\dot{c}aq \ddot{u}z\ddot{a} t\ddot{u}rtgil \dots qa\dot{n} a\dot{y}aj$ 'если у кого-либо из носа пойдет кровь, помажь медом щеки ... кровь остановится' (ДТС, 416), представ-

ляет собой фонетически редуцированную форму ау-уај от глагола *а:у- 'прекращаться', которая сохранилась в древнетюркских языках в производной основе побудительного залога ау-уt- 'отгонять, разгонять, отстранять, устранять, прекращать' (ДТС 20); ср., например, *pegükä ulyr sen, pegü bu syuyt bu qulyq etgü ermäz muny sen auyt* 'почему ты рыдаешь, что это за вопли? поведение это нехорошее, прекрати это' (ДТС 20, 21). Корень *а:у- форме ау-уt- генетически связан с глаголом јуу- 'сдерживать, удерживать; отстранять, устранять' (ДТС, 265). Фонетический переход јуу > ау характерен для многих корневых морфем; ср., например јууаџ (ДТС, 265) > тат. ауаџ 'дерево'; јуула- (ДТС 266) > туркм. аула- 'плакать'. Тот же переход јуу > ау характерен и для корневой морфемы јуу- > а:у- > ау- > а-.

Итак, глагольный элемент а- в аналитической основе қап а- восходит к корню *аау- 'прекращаться', а последний еще к более архаичной и фонетически более полной корневой морфеме јуу-.

Корневая морфема у 'растение' не находит убедительного объяснения как вариант фонетически более полной корневой морфемы и по всей вероятности представляет собой заимствование из неродственного языка, что подтверждается также и тем, что слово это выступает чаще в парных словах: от-у 'растения' (Малов, 443), у-ууаџ 'деревья и кустарники, у-тагуу 'различные посевы', у-таџ 'заросли и скалы' (ДТС, 216), иногда как синоним второго компонента парного слова, а иногда с собирательным значением. В некоторых контекстах чтение этого слова, например в памятнике Таньюкуку, оспаривается; ср., например, у *bar bas asdumys* 'мы перевалили через вершину с растениями' ~ 'мы перевалили через вершину Ыбар' (Малов, 1951, с. 62, 67).

На тюркской почве слово у, впрочем, могло возникнуть либо как усилительное слово из јигі > ји 'густой, частый, плотный' — ср. ји-јууаџ 'густое дерево' (МК III, 25), ји-јууаџ, јигі (ДТС, 260) с переходом по регрессивной гармонии ји-ауаџ > у-ауаџ, которое затем лексикализовалось с самостоятельным значением (у растение, дерево), но осталось в прежнем усилительном значении в сочетаниях у-тагуу 'густые посевы', у-таџ 'частые скалы' и т.д. — либо как парное слово ји-јуу аџ 'густое дерево' (МК, III, 25, 13, ДТС 260) из јик-ауаџ, где јик ~ јиг 'веретено' (ДТС 260, 261), иг 'веретено, ось, древко', оқ игі 'древко стрелы', сарх игі 'колесная ось' (Будагов II, с. 199), т.е. из слова јик ~ јиг 'веретено, древко', которое первоначально, как и слово ауаџ 'дерево, бревно, имело значение живого, растущего растения или дерева и только позже синонимы јик ~ јиг > ік ~ иг и ауаџ ~ ууаџ < јууаџ приобрели значение 'ось, древко, веретено', так же как ауаџ ~ јууаџ помимо общего значения 'дерево' приобрело значение 'срубленное дерево, бревно, ось, рукоятка, черенок'.

Корневая морфема ö- 'думать, размышлять' (ДТС 375) генетически и по семантике является общей с корневой морфемой, которая лежит в основе таких словообразовательных форм слов, как: ög-üt 'совет, наставление, хвала, словословие' (ДТС, 382) как производная форма с афф. -üt от глагола ög-; öк-ün 'каяться, сожалеть' (ДТС, 382) как производная форма с афф. -ün возвратного залога от глагола öк- ~ öг- > öк-ün- 'размышлять о себе каяться, сожалеть'; öг-рä-t- 'учить', öг-рä-n- 'учиться' (ДТС, 380)

как производные формы от того же глагола *ög- ~ ök- с непродуктивным древним афф. -gä, образующим формы возвратно-страдательного залога от производной основы *ög- [(ср. sač- 'сыпать', sač-ga- 'сыпаться' (ДТС 480), ter- 'пинать, лягать, молотить', terpā- ~ tebrā- 'двигаться, шевелиться, дергаться' (ДТС 546)], и аффиксами возвратного (-n) и понудительного (-t) залогов.

Итак, можно предполагать, что корневая морфема ö- 'думать, размышлять, восходит к более полной корневой морфеме *ög-, сохранившей в древнетюркских языках значение 'хвалить, превозносить', но первоначально значившей только 'думать, размышлять'. Что же касается дифференциации значений ög 'разум, мысль' и ög- 'думать', то здесь либо ög в первом значении ('разум, мысль') представляет собой производную основу масдара ög-üg от глагола ög- 'думать', либо корень ög, как и многие другие корневые морфемы в тюркских языках, в более древнем состоянии обозначали и имя (ög 'разум, мысль') и глагол (ög- 'думать, размышлять'). Позже корень ög сохранился только в именном значении, глагольное же значение этой корневой морфемы осталось лишь в производных основах (ög-üt 'совет, наставление'; ök-ün- 'каяться', ög-gä-t 'учить'; ög-gä-n- 'учиться' и проч.), а глагольное значение закрепилось только за корневой морфемой, состоящей из гласного ö-, от которой позже образовались производные ö-gä 'мудрец' (ср. в других языках bil-gä в том же значении), ö-gäk ~ ög-äk 'запоминающийся' и др.

Возможно, что на более ранних этапах фонетического и семантического развития корневая морфема ög (~ öj) генетически как сингармонический вариант была связана с корневой морфемой oq-y- 'учиться, читать' (ДТС 369), а также с корнем oј 'мысль, дума' (Будагов I, 162) синкретически параллельно имела также значение 'думать, понимать, разуметь'; ср. производные основы с чередующимися согласными j ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s: od-yur od-yur ~ od-yar- 'понимать, разуметь' и 'будить' (< 'заставить понимать'), (ДТС 362), od-uy ~ od-uy 'бодрый, бодрствующий, не спящий > смысленный' (ДТС 362), od-un- 'пробуждаться' (дтс 362), алт. oј-yop- 'пробуждаться', oј-yoš ~ uј-yus- 'будить, разбудить', oј-yor 'мудрый, мудрец', ккалп. oј-an- 'просыпаться, пробуждаться', oј-at- 'будить' и проч.

Вторая анализируемая нами корневая морфема, u-, имеет значения 'мочь, выносить, выдерживать, быть в состоянии' (ДТС, 603). Значение возможности в тюркских языках тесно связано со значением 'знать, понимать, разуметь'; ср., например: глагол bil- 'знать' во многих тюркских языках в качестве вспомогательного глагола в аналитических сложных глагольных основах указывают также на возможность совершения действия, сохраняя вместе с тем самостоятельное значение 'знать, уметь'.

В древнетюркском языке также параллельно использовались два глагола со значением 'знать' — uq- и bil-, выступающие часто в парных сочетаниях, ср., например, uqsarlar-bilsärlär 'если они поймут и познают' (ДТС, 613), причем глагол bil- в качестве вспомогательного выражал возможность, ср., например: bu munča savay adyru bilmäsär-uqmasar 'если не может разобраться вот в таких словах, если не понимает их' (ДТС, 98). В связи с данной аналогией можно предположить, что глагол u- 'мочь, терпеть' генетически связан с глаголом uq- 'понимать', разуметь' (с производным

uq-uš 'разум, понимание'), который в других языках имеет, кроме того, значения: в каракалпакском uq- 'вникать в сущность, понимать, усваивать', в алтайском uq- 'слушать' (ср. производные uγ-um 'слух', uγ-uš 'слушание') и проч.

В процессе семантического и фонетического развития глагол uq- ~ uγ- утратил конечный слабый гутуральный q ~ γ [uq > uγ > uw > u: > u], сохранив в значении 'мочь' только основу, состоящую из одного гласного u-; ср. производные от этой основы: uṃag (< uṃag) 'возможность' (ДТС, 611), u-γan ~ uγ-an (< uγ-γan) 'всемогущий, бог' (ДТС, 607); özüṃ umady (< uγ-ma-dy) 'я не вынес' (ДТС, 603) и проч.

Сопоставляя глагол u- 'мочь' с производными формами un-ur 'могущественный, сильный' – ср.: qylyš boldu saqçy tutum unur 'о, могущественный, защищайся мечом и топором', или 'возьми себе в хранители меч и топор', un-aγ-ça 'насколько можно, по мере возможности', uṃaγça ajaṃun jaṃu beγ meça 'буду говорить насколько смогу, помоги мне', un-š 'возможный, допустимый' (ДТС, 612) – мы приходим к заключению, что глагол un- не является возвратной залоговой формой от u-, а представляет собой самостоятельную корневую морфему, поскольку как от первой корневой морфемы uq- ~ uγ-, так и от другой корневой морфемы un- имеются параллельные производные формы с общим значением, ср. uṃan < uγ-γan 'всемогущий бог' и un-ur 'могущественный'.

Весьма возможно, что для этой и другой корневой морфемы исторически была общая морфема *juṃ- ~ uṃ- ~ un- 'знать, помогать, понимать, уметь, мочь', которая в процессе фонетического и семантического развития расщепилась на два консонантных варианта:

$$*juṃ \begin{cases} < uṃ- \sim un- \\ < uq- \sim uγ- > uw- > u:- > u-, \end{cases}$$

сначала с общим значением 'понимать, мочь', а затем и с дифференцированной семантикой: uq- ~ uγ- 'понимать' и un- ~ uγ- > uw- > u:- > u- 'мочь'.

Таким образом, корень u- исторически восходит к более полной корневой морфеме *juṃ- > uṃ- > un- ~ uq-/uγ- > uw- > u:- > u-, а морфема juṃ, представляет собой вариант корневой морфемы aṃ 'сознание, мысль, дума' – туркм. a:ṃ, ср. aṃ-la ~ aṃa- 'разуметь, понимать' (ДТС, 46–47) – по аналогии с соответствиями, например; чув. juṃ ~ jün 'здравомыслие, толк, смысл', др. языки – aṃ; чув. juḥ 'течь', др. языки – aq-; чув. juṣ 'горноста́й, ласка', др. языки – as и проч.

Корневая морфема имени u 'сон' (ДТС, 603) также является результатом длительного развития. Из зафиксированных в древнетюркских памятниках фонетически более полных форм этого слова можно указать на форму uv ~ uw в древнеуйгурском языке (ДТС, 619). Однако и она не является исходной, а представляет собой более поздний результат фонетического развития. Генетической основой корневой морфемы u ~ uw 'сон' (ДТС, 603, 619) является древнетюркский глагол udu- ~ uδu- ~ uḡu- 'спать' (ДТС, 605–607), который, судя по производным от него основам, имел параллельную корневую морфему ud- ~ uδ- ~ uḡ-, от которой произошли основы udu ~ uduq 'сон' (ДТС, 605–606), uδ-uq

'дремлющий, спящий' (ДТС, 606, МК I, 65) и *ud-u* 'сон' (ДТС, 606, МК I, 39); ср. алт. *uj-qu* 'сон', ккалп. *uj-qu* 'сон'.

В процессе своего фонетического развития основы *ud-yu* ~ *ud-yu* ~ *uz-yu* ~ *uj-yu*, варьирующиеся по соответствию конечного согласного *d* ~ *δ* ~ *z* ~ *j*, фонетически трансформировались под влиянием ослабления согласных *γ* > *w* в основы *ud-uw* ~ *ud-uw* ~ *uz-uw* ~ *uj-uw* > *u:-w* > *uw* > *u*: > *u*, наряду с существующими фонетически более полными *ud-yu* ~ *ud-u* (ДТС, 605–606) *ud-u* (ДТС, 606, МК I, 39), ср. алт. *uj-qu*, ккалп. *uj-qu*, *uwu* (ДТС, 619, 620).

Следовательно корневая морфема *u* не может быть определена как первичная, а напротив, представляет собой результат длительного фонетического и семантического развития.

Итак, представляется весьма вероятным, что основы типа (С)Г(С) в тюркских языках, являются более поздними образованиями, генетически восходящими к более полным фонетическим корневым морфемам типа (С)ГС < СГС.

КОРНИ ТИПА СГ(С) < СГС

Корни типа СГ(С) также представляют собой результат развития полной корневой морфемы СГС.

Корневая морфема *ba-* 'связывать' (ДТС, 76) с производными *ba-γ* ~ *ba-γ* 'оковы, узы, повязка, узел' *ba-n* 'привязать себе', *ba-γ-la* 'привязывать', *ba-γ-yš* ~ *ba-γ-ys* 'веревка у юрты; сустав' и др. восходит к более полной основе, так как в некоторых современных языках, например туркменском, гласный основы *a* является долгим, ср. туркм. *ba:γ* 'связка', *ba:γ-la* 'связывать' и проч.

Возможно, что первоначальной основой глагола *ba-* ~ *ba:-* была *baγ* ср. аналогии: др.-тюрк. *ja* 'лук' (ДТС 221) < алт. *dja:* ~ *djaγ* 'лук' (В 64–65); алт. *dja:-* 'идти о дожде' < *djaγ-* (В64–65); алт. *sa:-* 'доить' < *saγ-* (В 280–282) и проч. Производные же от этого глагола соответственно: *ban-* 'привязывать себе' < *ba:n* < *baγ-un-*; *baγyš* 'веревка, сустав' < *ba:γyš* < *baγ-yš* < *baγ-γyš*; *baγ* ~ *ba:γ* 'оковы, узы' < *baγ-yu* и проч.

Интересно сопоставить с глаголом *ba-* < *ba:-* < *baγ-* другой глагол, являющийся результатом семантической филиации и фонетического преобразования глагола *ba-* < *baγ-* а именно, глагол *boγ-* 'душить, сдавливать' (ДТС, 109) с производными *boγ-un* 'узел, сустав, сочленение', *boγ-la* 'связывать в узел', *boγ-maq* 'завязка на рубашке', *boγ-maq-la-l-* 'быть завязанным, застегнутым', *boγ-un-* 'сустав' и проч., т.е. генетически безусловно общий по основе с *ba-* < *baγ*, о чем свидетельствуют и общие по значению производные, но сохранивший в отличие от глагола *ba-* ~ *ba:-* ~ *baγ-* конечный *-γ*. Фонетический же переход *a* > *o* можно объяснить прогрессирующим влиянием начального согласного *b*.

Корневая морфема *bi* 'кобыла' (ДТС, 97) также имеет фонетически более полные параллели, например хак. *pi:*, ккалп. *bije*. Таким образом, др.-тюрк. *bi* 'кобыла' представляет собой сокращенную форму фонетически более полной основы *bije*. То же можно сказать и о второй основе — *bi* 'тарантул' (ДТС, 97), восходящей к *bi:* (ср. туркм. *bij* 'паук') и далее к параллельным же древнетюркским основам *böj* < *bög* (ДТС 116, 117).

Процесс фонетического развития данной корневой морфемы представляется в следующей последовательности: böğ > böj > büj ~ bij > bi: > bi.

Корневой морфеме *či* 'роса, сырой, влажный' (ДТС, 145) в современных языках соответствует: туркм. *çig* 'сырой, незрелый'; кирг. *çij-ki* 'сырой, невареный'; хак. *çig* 'сырой'; в др.-тюрк. *çyq* 'отсыревать, намочить'; алт. *çyq* 'влажность, сырость, влага'; ног., ккалп. *şyq* 'роса'. Из приведенного материала очевидна связь корневой морфемы *çi* 'роса' с ее более полной формой *çig* ~ *çik/çyq* ~ *şyq*.

Корневая морфема *bu* 'пар' (ДТС, 119) сохранила в живых тюркских языках первичную основу туркм. *buu* ~ *bu:u*, ног. ккалп. *buw*, а следовательно, фонетическое развитие данной корневой морфемы проходило в следующей последовательности: *buu* ~ *buu* > *buw* > *bu:* > *bu*.

Корневая морфема *ja* 'лук' (ДТС, 221): ср. алт. *dja:*, башк. *jaja* ~ *ja:j* туркм. *jaj* ~ *ja:j*, ног., каз., ккалп. *jaj* ~ *žaj* ~ *džaj*, хак. абак. *jay* (Вербицкий, 1884).

Корневая морфема *ja* 'лук' (ДТС, : ср. алт. *dja:*, башк. *jaja* ~ *ja:j* туркм. *jaj* ~ *ja:j*, ног., каз., ккалп. *jaj* ~ *žaj* ~ *džaj*, хак. абак. *jay* (Вербицкий, 1884).

Корневая морфема *je-* ~ *ji-* 'есть, съесть': ср. туркм. *ij-* ~ *ji:-*, як. *sie-*. Как в древних, так и в современных, например в кыпчакских, языках некоторые производные формы от глагола *je-* ~ *že-* *dže-* 'есть, кушать' содержат сохранившийся конечной коренной *j*; ср., например, *jej-im* 'пища, корм' (ДТС, 253), *jej-sä* < *jej-ig-sä* 'хотеть есть' (ДТС, 253); в каракалпакском наряду с формой *dže-j-men* 'я ем' существует параллельная более полная форма *džij-e-men* в том же значении — 'я съем, я буду есть' < корневая морфема *džij* + *-e* — аффикс деепричастия + *-men* — аффикс 1-го лица ед. числа. Корневой конечный *j* производных форм от глагола *je-* встречается и в других языках, например новоуйгурском, ср. *jej-iš* (имя действия от *jä-*) 'кушание, еда' и проч. Рефлексы конечного *j* представлены в указанных выше туркменском (*ji:-*, *ij-*) и якутском (*sie-*) языках.

Конечный *j* корневой морфемы *jej-* сохранился в некоторых производных формах этого глагола в древнетюркском языке, в виде субститута *g*, например в основах *ig-it-* ~ *ig-id-* ~ *jig-it-* 'кормить, содержать; воспитывать' (ДТС, 205); *ig-id-gü* 'воспитание' (ДТС, 204), *ig-id-mäk* 'кормление, содержание' и проч.³ Таким образом, процесс фонетического развития данной корневой морфемы представляется в следующей последовательности: **jig-* ~ **jeg-* > *jij-* ~ *jej-* ~ *ig-* ~ *eg-* ~ кыпч. *džij-* ~ *džej-* > *dži-* ~ *dze-* > туркм. *ij-* ~ *jij-* > *ji* (~ як. *sie-*) > *je-* ~ *ji-*.

Корневая морфема *ji* 'шов' (ДТС, 260): кирг. *džik* каз., ног., ккалп. *žik* ~ *džik* 'шов'; при соответствии *g/k* ~ *j* или выпадении *g/k* аналогично *tiri* < *tirik* 'живой'. Возможно также, что *ji* 'шов' восходит к синкретичной основе *jed-* ~ *jed-* ~ *jej-* 'шить'; ср. *jed-iš-* 'шить с кем-либо' (ДТС, 252),

³ В свое время проф. Б.М. Юнусалиев в книге "Киргизская лексикология" ошибочно упрекал меня в смешении корневого *-j* с деепричастной формой *-j*, цитируя из двух параллельных форм приведенных мною *dze-j-men* и *dzij-e-men* первую, а не вторую, где именно и указывается на корневой *j*; в примере же *dij-er* он сам ошибочно принимает коренной *j* за формант деепричастия, в то время как форма *dij-er* является причастием на *-ar/-er/-r* от глагола *dij-* 'говорить' (Юнусалиев 1959, с. 49–50).

жд- 'шить', *jej- ~ jij- 'шить' и 'шов'. В таком случае кыпч. džik ~ žik 'шов' является более поздними производными формами žij-ik > ži:k > žik.

Корневая морфема ju- 'мыть' (ДТС, 277) с производными juγ-čy 'моющий', jumaq 'мытье', ju-n-γu 'мытье', ju-n-γu-q 'купание' и проч., как указывает последняя из производных форм, имеют этимологически долгий u-, наличный также в киргизском языке — džu-, соответствующий в казахском, каракалпакском и других кыпчакских языках дифтонгоиду uw (ср. ккалп. žuw- ~ džuw-), который исторически восходит к γ. Ср., например, хак., абак. juγ-. Таким образом, развитие этой корневой морфемы последовательно представлялось как juγ- > juw- > ju: > ju, а ее производных — juγ-čy < juγ-γu-čy ~ juw-uw-čy 'моющий'; jun-γu < juγ-un-γu 'мытье'; ju:n-γuq < juγ-un-γu-q 'купание' и т.д.

Корневая морфема jü: 'сок' (ДТС, 283) имеет долгий ü:, который либо является результатом стяжения гласного с согласным, либо данная корневая морфема заимствована из других языков. Менее вероятна этимологическая связь морфемы ju: с башк. hüt 'сок' ~ süt 'молоко' в других тюркских языках.

Корневая морфема kö ~ kü 'молва, весть' (ДТС, 311, 322) является, безусловно, общей с kü: 'слава, молва' (ДТС, 324), а также с күg-kü (ДТС, 324). Из указанных вариантов данной морфемы наиболее древней основой является күg, из которой и произошли более поздние варианты kü: > >kü ~ kö, ср. производящую основу: күg-ät-tür- 'хвалить, прославлять' (< күg-äd-tür-) и проч.

Корневая морфема qa- 'складывать' (ДТС, 399) иллюстрируется двумя текстовыми примерами из Словаря Махмуда Кашгарского: ol ešička otuγ qady 'он сложил дрова в очаг' (МК III, 249) и ol tonuγ qady 'он сложил одежду' (МК III, 249), которые позволяют предполагать здесь явление ассимиляции, подобное тому, которое встречается в современном алтайском (ойротском) языке в словах типа otla- > ot-ta- > ota- > oda- > odo- 'пропалывать, полоть' (в производном глаголе от ot 'трава'). Основа qa- в приведенном примере qady 'сложил', по-видимому, является результатом стяжения qatdy > qatty > qaty > qady, т.е. восходит к фонетически более полной коревой морфеме qat- складывать, класть, что подтверждается также и тем, что такая основа с весьма близким значением qat- 'примешивать, присоединять' (ДТС, 432) существовала в древнетюркском с соответствующими производными, например залоговыми формами qat-yl- 'присоединяться' (ДТС, 434), в то время как производные от основы qa- как залоговые, так и иные отсутствуют. Основы же типа qal- 'оставаться' (ДТС, 410), qag- 'смешивать, подавиться, перелиться через край' (ДТС, 322), qaz- 'копать' (ДТС 439) не могут быть интерпретированы как залоговые формы от qa- 'складывать'.

Корневая морфема sa- 'считать' (ДТС, 478) является параллельной ко второй корневой морфеме с тем же значением — saq- 'думать, считать, принимать, за что-либо' (ДТС, 486). Из сопоставления этих морфем можно сделать вывод о первичности морфемы saq-, как наиболее древней, сохранившей полный фонетический облик. Подтверждением этого служат также общие производные, например saq-yn- ~ say-yn- 'думать, размышлять' и парная к ней форма san- 'думать', раздумывать, считаться, причисляться, которые в сочетании составляют парное слово san-saqyn: etär bolsañ, isni

saɣur-saɣunur et 'если хочешь совершить (какое-либо) дело, делай подумав' (ДТС, 483). В качестве парного же слова используются сочетания san (туркм. sa:n) 'число' и saɣuŝ 'счет, число, счисление'; ср. san saɣuŝ 'счет': ol edgü qylypç sanu saɣuŝy joq 'тому доброму делу нет числа, это бесконечно хорошее дело' (ДТС 483). Нет сомнения, что корневая морфема глагола sa- 'считать' представляет собой результат фонетического развития корневой морфемы saɣ- ~ saɣ- > sa:->sa-, а глагол 'думать, обдумывать, считаться' – результат стяжения основы saɣ-yn- ~ saɣ-yn- > sa:n- > san-. Тем же стяжением можно объяснить и морфему san (туркм. sa:n) 'число, количество', от которого позже образовалась глагольная основа san-a- < san-(n)a- < san-la-.

Корневая морфема su- 'ломать, переламывать, разбивать, побеждать (врага)' с производными su-n- 'ломаться, разбиваться' (ср. туркм. su:n- 'ломаться'), суиц 'сломанный, разбитый, разрушенный' (туркм. su:nyq 'сломанный') используется параллельно с другой корневой морфемой – suq- 'давить, жать, ломать' (ДТС, 504) 'разрушать' (Радлов, III, 1906). Наличие в древнетюркском производного слова suj-ıq 'обломок' (ДТС, 503) позволяет установить происхождение корневой морфемы su- из suq- (при встречающемся соответствии конечного q ~ j), а производных su-n- 'ломаться' – из туркм. su:n- < suɣ-yn- < suq-yn-.

Корневая морфема su- 'тянуть, протягивать' (ДТС, 512) представляет собой сокращенный разговорный вариант более полной морфемы sun- 'протягивать, ощупывать' (ДТС, 514) с производными sun-ul- 'протягиваться, быть протянутым' и sun-us- 'протягивать друг другу' (ДТС, 514).

Корневая морфема ti- ~ te- 'говорить' (ДТС, 545) – результат фонетического развития более полной формы с конечным j, о чем свидетельствует наличие долготы в туркм. di:- ~ dij- 'говорить' и дифтонгоида в як. die-. Конечный j восстанавливается также в некоторых производных формах этого глагола в других языках; ср., например: в каракалпакском наряду с формой будущего времени de-r 'он будет говорить' встречается и форма dij-er в том же значении, в новоуйгурском – dej-iŝ, имя действия от глагола demäk 'говорить', в древнетюркском – tej-iŝ- 'говорить между собой' (ДТС, 549).

Корневая морфема tu- 'закрывать, преграждать' (ДТС, 584) с производными tu-y 'преграда', tu-n -возвр, от tu- 'быть занесенным, заложенным', tu-l- страд. от tu- 'быть прегражденным' и др. генетически является результатом фонетического развития корневой морфемы tyd- ~ tyt- ~ tyδ- ~ ~ tyj- ~ ty:- ~ tu:- > ty- ~ tu- 'задерживать, удерживать, ограничивать' (ДТС, 565) с производными tyd-yu ~ tyδ-yu ~ tyt-yu 'препятствие, помеха' (ДТС, 565); tyd-yl- ~ tyδ-yl- ~ tyt-yl- страд. от tyd- 'прекращаться, задерживаться, удерживаться' (ДТС, 565–566), tyd-yn- ~ tyδ-yn- ~ tyt-yn- 'удерживать себя' (ДТС, 566). Таким образом, корневая морфема tu- < tu:- < tuj- ~ tuδ- ~ tud- ~ tut- > tyj- ~ tyδ- ~ tyt- 'задерживать, преграждать'; tuy 'преграда' < tuj- ıq 'замкнутый, закрытый' (ДТС, 585) ~ ~ tyd-yu 'препятствие, помеха' (ДТС, 565); tuñ- < tuj-yn- ~ tud-yn- ~ ~ tyδ-yn- ~ ~tyt-yn- (ДТС 566); tu-l- 'быть прегражденным' < tu:l- ~ tud-ul- ~ ~ tud-yl- ~ tyδ-yl- ~ tut-yl- 'прекращаться' и проч.

Корневая морфема tü 'волосок' восходит к более полной основе

tüg ~ tük 'волосы, шерсть' (ДТС 594, 595), возможно, через переход tüg ~ tük > tүй ~ tü: ~ tü.

Корневая морфема пе 'что' восходит к более полной основе пең, 'вещь, нечто, что-то'.

Итак, все корневые морфемы типа Г и СГ, представленные в древнетюркском языке, восходят к фонетически более полным вариантам с конечным согласным, т.е. Г < ГС и СГ < СГС.

КОРНИ ТИПА (С)ГС

Кони типа (С)ГС < СГС тесно связаны с проблемой так называемых протетических согласных w, j, h в анлауте, в отношении которых существуют две основные теории их происхождения. Первая – господствующая – признает их вторичное, неэтимологическое, позднее происхождение, т.е. считает их вставочными, протетическими согласными и объясняет их вставку либо наличием дифтонгоидных призвуков анлаутного гласного (Radloff, 1882, с. 167), либо наличием анлаутного придыхательного приступа и инкурсии под влиянием сандхи (Ramstedt, 1915, с. 73; Serebrennikov, 1966, с. 57). Вторая же исходит из того, что в большинстве случаев начальные согласные w, j, h в тюркских языках являются этимологически древними согласными, исконно присутствовавшими на ранних стадиях развития консонантизма и вокализма и исчезнувшими в большинстве тюркских языков по мере затухания и ослабления анлаутного консонантного элемента, но сохранившими следы исчезновения либо в виде дифтонгоидных элементов, например в диалектах каракалпакского, казахского, ногайского и других языков, либо в виде долготы анлаутного гласного, например, в туркменском и других языках (Баскаков, 1952, с. 55; Рясянен, 1955, с. 214), либо во вторичном появлении их в связи с воздействием и влиянием соседних языков, например в гагаузском языке под влиянием соседних славянских языков или в диалектах узбекского под влиянием иранских языков.

Наиболее последовательно анлаутные согласные v ~ w, j, h выражены в чувашском языке (Pallo, 1961, р. 33), а аналаутный согласный h – в халаджском (Doerfer, 1971) и некоторых диалектах азербайджанского, узбекского и уйгурского языков. В чувашском языке характерно наличие в анлауте сочетаний v₁, v₂, j₁, j₂, а в большинстве других тюркских языков следующее: v₁ > o:, u₁o, ö ~ u; v₂ > ö:, u₂ö, ö ~ ü; j₁ > a:, a ~ y; j₂ > e ~ i. В халаджском же языке, как утверждает Г. Дёрфер, в анлауте "сохраняется h, который в конечном итоге, как это показывают примеры из других алтайских языков, восходит к пратюркскому *p" (Дёрфер, 1972, с. 74). Значительны следы анлаутных согласных v ~ w, j, h и в языках и диалектах Юго-Восточной Европы.

Анлаутные согласные v ~ w, j, h в тюркских языках имеют различное происхождение; некоторые из них, безусловно, вторичны, возникшие в результате протезы, другие представляют собой результат восстановления в анлауте древнего консонантного звука под влиянием воздействия соседних языков.

Как отмечалось выше, статистические данные указывают на то, что характерной и господствующей как в древних, так и современных тюркских

языках структурой тюркского корня является трехфонемная структура типа СГС, т.е. состоящая из согласного, гласного и согласного (Баскаков, 1973, р. 2). Совершенно закономерно, что корни, утратившие один из элементов своей структуры, сохраняют следы этой утраты либо в виде приступа или дифтонгоидных элементов типа каз. ^uat 'имя', ^uot 'огонь', ^uöt 'желчь', либо в виде долготы последующего гласного типа туркм. a:t 'имя', o:t 'огонь', ö:t 'желчь'. А иногда утраченные анлаутные согласные корневой морфемы в силу некоторых внутренних или внешних закономерностей могут восстанавливаться в соответствующих первичных или вторичных согласных или реализоваться под влиянием внешних импульсов в виде слабых согласных v ~ w, j, h, что мы и наблюдаем в некоторых языках.

Восстановление начального консонантного элемента в виде реализующихся слабых согласных v ~ w, j, h является общим для многих тюркских языков всех ареалов. Они возникают чаще в связи с воздействием соседних языков, которые в известных условиях служат катализатором или импульсом для восстановления начального консонантного звука в основах, утративших консонантное начало.

1. Анлаутный v ~ w или его дифтонгоидный вариант v ~ w ~ u ~ ü: аз., тур. vurgu(urgu) 'ударение', vur-(ur-) 'бить'; уйг. vopuš (öpüş) 'поцелуй' (Рясянен, 1955, с. 167); узб. диал. vajuw (ajuw) 'медведь'; vata (ata) 'отец'; vat (at) 'конь', valty (alty) 'шесть', vač- (ač-) 'открыть', vaš (aš) 'пища', von (on) 'десять', vottuz (ottuz) 'тридцать', vördäk (ördäk) 'утка', vulum (ulum) 'мой сын', vuzun (uzun) 'длинный', vüj (üj) 'дом', vüč(üč) 'три', vüslä-(üslä-) 'держатъ', vüčin (üčin) 'для' (Ахмедов, 1962; Шербак, 1965, с. 179); ккалп. ^uoq (oq) 'стрела', ^uoj (oj) 'мысль', ^uorun (orun) 'место', ^uös-(ös-) 'рости', ^uöt-(öt-) 'проходить', ^uöšür-(öšür-) 'погасить' и проч. (Баскаков, 1952, с. 32).

Те же дифтонгоидные элементы представлены в тех же позициях, т.е. перед начальными широкими губными гласными o и ö, например, в ногайском (Баскаков, 1940, с. 8) и казахском языках. В казахском языке, как это проверено экспериментальными исследованиями, гласные o и ö имеют w-образное начало, а гласный e — j-образное. Начальные w, j достигают 30—40% общей длительности гласных; например, казахское слово on 'десять' на русский слух воспринимается как von (Джунисбеков, 1969, с. 70).

Ярко выражено это явление, и в языках Юго-Восточной Европы, в частности в гагаузском: ^uon(on) 'десять', ^uo:lu (o:lu) 'сын', ^uodun (odun) 'дрова', ^uotuz (otuz) 'тридцать', ^uöküs (öküs) 'бык', ^uöldü (öldü) 'он умер', ^uördek (ördek) 'утка', ^uörtü (örtü) 'крыша', ^vosa (osa) 'а это, оказывается', ^vun (un) 'мука', ^vuštum (uštum) 'я полетел' (Покровская, 1964, с. 44).

2. Анлаутный согласный j или его дифтонгоидный вариант j ~ i: др.-тюрк. jamrak (в др. языках amrag) 'любимый, возлюбленный', jām (ām) 'лекарство', жура-(ура-) 'убегать', жур (ур) 'музыка, пение', jig (ig) 'болезнь', jidiz (idiz) 'высокий', jil- (il-) 'привесить', jinčка (inčка) 'тонкий', jir (ir) 'север' (Gabain, 1950, р. 52); кбалк. ješik (ešik) 'дверь', jögüz (ögüz) 'вол', jüč (üč) 'три', jet- (et-) 'делать', jeski (eski) 'старый' (Рясянен, 1955, с. 164; Акбаев, 1963, с. 31); аз. jalo (alaw) 'огонь', jähär (äjär) 'седло'; тур. анатолийск. jiy(ik) 'веретено'; кар. jäsir (äsir)

'пленник', juv' (üv') 'дом', jur'at' (ürat) 'учение', jördäk (ördäk) 'утка'; с.-юг. jim (jum ~ üm) 'штаны' (Рясянен, 1955, с. 164); ккалп. ¹er (er) 'мужчина, муж', ¹eki (eki) 'два', ¹endi (endi) 'теперь', ¹en, (en) 'очень', ¹el(el) 'страна', ¹esik (esik) 'двери', ¹ert- (ert-) 'водить', ¹emen (emen) 'дуб', ¹egew (egew) 'напильник' (Баскаков, 1952, с. 31, 45).

Последовательно отражено это явление в гаузском языке ješek (ešek) 'осел', jekin (ekin) 'посев', jekmek (ekmek) 'хлеб', jel (el) 'рука', jerek (erik) 'слива', jet (et) 'мясо', jev (ev) 'дом', jökče (ökče) 'пятка', jöküz (öküz) 'бык', jöl-(öl-) 'умирать', jölč- (ölč-) 'мерить', jör-(ör-) 'плести', jöt (öt) 'желчь', jič- (ič-) 'пить', jigin (igin) 'гной', jiz (iz) 'след', jin-(in.) 'спускаться', jüren-(üren-) 'учиться', jular (ular) 'поводья', jürk-(ürk-) 'пугаться, шарахаться', jüst (üst) 'верх', (Дмитриев, 1955, с.267); jerken (erken) 'рано', jerin (erin) 'губы', jetek (etek) 'подол', ješ (eš) 'друг', jerkek (erkek) 'мужчина', jilik (ilik) 'первый', jiš (iš) 'цело', jön (ön) 'перед', jörmää (örmää) 'целовать', jörtü (örtü) 'крыша', jözek (özek) 'ядро', jüč (üč) 'три' (Гафаров, 1969, с. 2).

3. Анлаутный согласный h : реализация элемента h в словах с начальным гласным характерна в той или иной степени для многих тюркских языков: халадж. här (är) 'мужчина', hadaq (adaq) 'нога', hat (at) 'лошадь', hüdžüm (üdžüm) 'виноград', hoograх (oraq) 'серп', huot (ot ~ o : t) 'огонь', häv (ev) 'дом', hašux (ašux) 'горький', hagač (ayač ~ жуаč) 'дерево', huočaқ (očaқ) 'очар', hur- (ur- ~ vur-) 'бить', hüüol (öl ~ höl) 'мокрый' (Doerfer, 1971; 1972, с. 94); тур. hučyрмаq (уčyрмаq) 'рыдать', hyryl-damağ ~ hyrlamağ (yryldamağ) 'ворчать, рычать', hajdy (ajdy) 'айда!' (Севортян, 1966, с. 55); кум. hiz (iz) 'след', hökünmek (ökünmek) 'раскаиваться'; hajva (ajva) 'айва' (Дмитриев, 1940, с. 16); ср-тюрк. hata (ata) 'отец', hana (ana) 'мать'; туркм. hindži (indži) 'жемчуг'; кар. harzala-(arzala-) 'желать' (Дмитриев, 1955, с. 286).

Анлаутный h последовательно представлен в тюркских языках Юго-Восточной Европы: тур. (македонские говоры) halbette (albette) 'конечно', hambar (ambar) 'амбар' (Рясянен, 1955, с. 31); гаг. hajyуr (ajyуr) 'жеребец', hobur (obur) 'жадный', holuk (oluk) 'корзина, желоб', hendežā (endežā) 'локоть, мера длины', ha:džemi (adžemi) 'дикий', hangy (angy) 'какой, который', hany (any) 'кторый', hodžag (odžag) 'очар', hasta (asta) 'больной', hadet (adet) 'обычай', hajva (ajva) 'айва', harap (arap) 'араб', hambar (ambar) 'амбар', harmut (armut) 'груша', hašča (ašča) 'деньги', hašxana (ašxana) 'кухня' (Дмитриев, 1955, с. 286); harpa (arpa) 'ячмень', halma (alma) 'яблоко', hajurma: (ajurma:) 'выбирать', hajlaq (ajlaq) 'свободный', hoguč (oguč) 'пост', hislemää (islemää) 'работать', hen (en) 'самый', he:r (e:r) 'если' (Покровская, 1964, с. 72).

Отмечая последовательное наличие h в анлауте слов в халаджском языке, Г. Дёрфер приходит к выводу, что начальный h восходит к пратюркскому *p. "Не думаю, — пишет он, — что халадж. h можно объяснить иначе, чем из древнейшего (диалектного древнетюркского или предшествующего ему состояния) h — пратюркск. *p. (Дерфер, 1972, с. 95). К выводу Г. Дёрфера можно добавить, что начальный h является не только результатом фонетического развития *p/*b ~ f/v ~ v/w > h > 0, т.е. закона Рамстедта—Пельо, но и результатом восстновления консонантного элемента в связи с развитием тюркского вокализма первого слога, т.е. закономерностей

образования анлаутных гласных из сочетаний $v\check{y} > o$; ${}^u o, o \sim u$; $v\check{i} > \ddot{o}$; ${}^u \ddot{o}, \ddot{o} \sim \ddot{u}$; $j\check{y} > a$; ${}^y a, a \sim y$; $j\check{i} > e \sim i$, по которым начальный h мог возникнуть как субститут консонантного начала v или j .

Что же касается начальных $v \sim w, h, j$, то они, безусловно, представляют собой рефлексы тех же древних консонантно-вокалических сочетаний $v\check{y}, v\check{i}, j\check{y}, j\check{i}$, возможно восходящих к более древним сочетаниям с более сильным консонантным элементом.

Варьирование, т.е. наличие или отсутствие, начальных $v \sim w, j, h$ в анлауте тюркских слов, имеющих в большинстве современных тюркских языков вокалическое начало, объясняется общей тенденцией утраты этих звуков и в тех случаях, когда начальные $v \sim w, j, h$ являются нормой для некоторых конкретных языков. Так, например, тенденция исчезновения начального этимологического j характерна для многих современных тюркских языков, например:

аз. $igit < jigit$ 'юноша'; $ilan < jylan$ 'змея'; $ily < jyly$ 'теплый'; $ilxu < jylyx$ 'табун лошадей'; $ut- < jut-$ 'глотать'; $ulduz < julduz$ 'звезда'; $\ddot{u}rek < j\ddot{u}rek$ 'сердце'; $\ddot{u}z\ddot{u}k < j\ddot{u}z\ddot{u}k$ 'кольцо'; $\ddot{u}z- < j\ddot{u}z-$ 'плавать'; $\ddot{u}z < j\ddot{u}z$ 'лицо' (Акбаев, 1963, с. 117);

кар. лущ. $ix- < jyk-$ 'размолоть'; $irt- < jurt-$ 'разорвать'; тракайск. $illar < jyllar$ 'годы'; $igit < jigit$ 'юноша'; крымск. $\ddot{o}ksek < j\ddot{u}ksek$ 'высоко' (Рясянен, 1955, с. 164);

тур. $irin$ (узб. $jirin$) 'гной'; iri (узб. $jirik$) 'крупный'; $iraq$ (узб. $jir\ddot{a}q$) 'далекий'; $ili \sim ilik$ (кирг. $\check{Z}ylu$;) 'теплый'; ig, igi 'прялка' (узб. $jigirm\ddot{a}q$) 'прясть'; ip (кирг. $\check{Z}ip$) 'веревка'; $ipek$ (кирг. $\check{Z}ibek$) шелк; $aglamaq$ (узб. $juylamaq$) 'плакать'; $aga\check{s} \sim \check{Z}uyas$ 'дерево' (Севортян, 1955, с. 55);

сев.-вост. анатолийск. диалекты: $ilan < jylan$ 'змея'; $\ddot{u}zmek < j\ddot{u}zmek$ 'плавать';

среднеанатолийск. диалекты: $\ddot{u}zik < j\ddot{u}z\ddot{u}k$ 'кольцо'; $\ddot{u}d\check{z}e < j\ddot{u}d\check{z}e$ 'высоко';

сев.-вост. болгарск. диалекты турецкого языка: $edi \sim jedi$ 'семь'; $etmis < jetmis$ 'семьдесят' (Рясянен, 1955, с. 165);

кбалк. $ax\check{s}\check{y} < jax\check{s}\check{y}$ 'хороший'; $aman < jaman$ 'плохой'; $o\check{y}ary < < jo\check{y}ary$ 'верхний' (Акбаев, 1963, с. 116).

Из этих примеров следует, что для тюркских языков характерно явление исчезновения j в анлаутской позиции, что эта тенденция господствует и в современных тюркских языках.

То же можно сказать и о тенденции ослабления анлаутных губного согласного $v \sim w$ и ларингального h , которые закономерно исчезают либо через посредство перехода $p/b, \sim f/v \sim v/w > h > 0$, т.е. по так называемому закону Г.И. Рамстедта—Пельо (например: чув. $byr- > аз. vur-$, ст.-узб. $hur- >$ в других тюркских языках $ur-$ 'бить, бросать'; чув. $v\check{y}l > > с.-юг. gol \sim hol >$ в других языках $ol \sim ul$ 'он'; чув. $v\check{y}dyr >$ халадж. $hotuz >$ в других тюркских языках $ottuz \sim otuz$ 'тридцать'; чув. $vyrman > >$ туркм. диал. $horman >$ в других тюркских языках $orman \sim urman$ 'лес'; чув. $v\check{y}r >$ уйг. $h\ddot{u}r- >$ в друг. $\ddot{u}r- \sim \ddot{u}r-$ 'дуть'; чув. $v\check{y}l >$ узб. $h\ddot{o}l >$ в др. языках $\ddot{o}l \sim h\ddot{o}l$ 'мокрый'), либо непосредственно через $p/b \sim f/v \sim v/w > > 0$ (например: каз. и др. $bol- >$ тур. $ol-$ 'быть'; каз. и др. $b\ddot{o}l- >$ в др. языках $\ddot{o}l- \sim \ddot{u}l-$ 'делить'; каз. и др. $baqr- >$ тат. $aqr-$ 'кричать'; др.-тюрк. $bod \sim boz \sim boj >$ в соврем. языках $\ddot{o}z$ 'сам'; чув. $ru\check{s}ar- >$ в других

языках осуг- 'пускать ветры'; монг. bod-ox 'думать' > в тюркских языках о j 'дума').

Те же закономерности характерны и для всей алтайской семьи, ср. например: монгор. fuguor > чув. vugur > монг. hūker > эвенк. xukur > уйг. hōküz > в других тюркских языках ögüz 'бык'; маньчж. fomon (< *fojiman) 'портянка' > монг. hojmasun > тюрк. oĵma 'чулок'; гольд. ruj-si 'вариться, кипеть', rujur- 'кипятить' > маньчж. fuji > тунг. huji- ~ huju- > монг. üji (Doerfer, 1963), каз., ккалп. üjir- 'кипеть, вскипеть (о кумысе)'.
'

Выпадение слабого анлаутного согласного h характерно также для якутского языка при закономерности s > h > 0, например: sekkiz ~ segiz > башк. higib > як. ayys 'восемь'; suw ~ suγ > башк. hyw > як. uu (монг. usn) 'вода'; sūt > башк. hūt > (монг. hū) > як. ü:t 'молоко'; semiz > > башк. himiz > як. emis 'жирный'; saĵyn > башк. haĵyn > як. a:ju 'каждый'; sal > башк. hal (монг. hala) > як. aal 'плот'; saγ- ~ saw- > башк. haw (монг. haa-xa) > як. ya- 'доить'; satuw > башк. hatyw > як. aty: 'торговля'; sen > башк. hin > як. en 'ты'; siŋ- > башк. hiŋ- > як. iŋ- 'впитывать'; soγuŋ > башк. huγuŋ > як. oγus- 'ударяться'; söz > башк., hüb > як. ös 'слово'; süŋek ~ süjek > башк. hüjäk > як. иңоох 'кость'.
'

Таким образом, учитывая общую тенденцию ослабления и исчезновения слабых этимологических согласных v ~ w, j, h в анлауте, а также господство характерной для тюркских языков структуры корневой морфемы, состоящей из СГС, можно сделать общий вывод, что рудименты консонантного анлаута, сохранившиеся в некоторых тюркских языках в виде слабых согласных v ~ w, j, h или дифтонгоидных приступов в словах, имеющих в большинстве современных тюркских языков вокалическое начало, представляют собой следы этимологических согласных v ~ w, j, h, которые, как это подтверждается некоторыми фактами, могли восходить к более сильным согласным: p/b ~ f/v; n' ~ dj/tj; k/g. Следовательно, так называемые протетические согласные v ~ w, j, h, как это отмечал ранее Т. Ковальский (Kowalski, 1933, с. 22) в отношении звука j в тюркских языках Юго-Восточной Европы, не являются вставочными (~ протетическими), а представляют собой рудименты этимологических согласных, исторически восходящие к различным более сильным согласным. Соседние же неродственные языки служили лишь катализаторами или импульсами для их реализации в виде консонантных элементов.

В отношении корневых морфем типа (С)ГС можно сделать общий вывод о том, что начальный согласный в них редуцировался в результате постепенного ослабления и перехода сильных согласных сначала в слабые w ~ v, j, h, затем в дифтонгоидные элементы или придыхательные приступы, которые позже образовали долготу анлаутного гласного, перешедшего еще позже в полудолгий и, наконец, нормальный по долготе гласный.

На основе приведенного выше фактического материала мы можем констатировать, что во многих словах, начинающихся в большинстве тюркских языков на гласный, чувашский язык имеет в анлауте согласные j, w, h, которые в некоторых языках, например казахском, ногайском, каракалпакском, гагаузском, замещаются дифтонгоидным элементом перед анлаутными гласными (^uo, ^uö, ⁱe) или слабым гортанным присту-

Однако здесь воздействие адстартных и субстратных, а также соседних языков и диалектов заключалось только в некотором импульсе восстановления этимологических согласных, которые исторически наличествовали в словах, имеющих в большинстве современных тюркских языков начальный гласный, так как все начальные гласные в словах имеют естественный приступ, реализующийся в виде элементов близких к согласным *h, j, w*, т.е. тех согласных, которые этимологически наличествовали в древности и могли восходить к соответствующим по артикуляции более сильным согласным *h, x, q* и проч.; *j, s', ñ, č, dž, z* и проч.; *w, f, p, b* и т.д. При этом восстанавливающийся начальный согласный не всегда соответствовал этимологическому согласному и чаще являлся характерным для тех адстартных или соседних языков, которые влияли на данный тюркский язык. Впрочем, Т. Ковальский считает, что протетический согласный *j* в тюркских языках Балканского полуострова и примыкающей к нему территории в большинстве случаев не является результатом славянского влияния, а относится к этимологическим согласным (Kowalski, 1933, с. 22).

Исчезновение в слове начальных согласных $j > 0, s > h > 0, v/b/p > 0$ и более сильных их субститутов характерно для некоторых языков и в тех случаях, когда в большинстве тюркских языков эти согласные, как правило, присутствуют; ср., например, исчезновение *j* в карачаево-балкарском языке (Акбаев, 1963): *aman* вм. *jaman* 'плохой', *Ahja* вм. *Jahja* — собств. муж. имя и т.п., или исчезновение *b/p* в начальной позиции в огузских и некоторых других языках в основах, например: *ol* 'быть' в турецком языке и *bul- ~ bol- ~ pol-* в других языках; *ʰöz* 'сам' в казахском языке и *boj ~ bod ~ bođ ~ boz ~ bos* в других языках; *oj* 'дума' в казахском языке и *bod* 'думать' в монгольском языке; *ʰosur* 'пускать ветры' в казахском языке и *pusar-* в чувашском языке; *up* 'мука' в каракалпакском языке и *şupux* в чувашском; *u* 'вода' в якутском языке, *huw* в башкирском и *suu* в некоторых других языках.

Что же касается согласных *j ~ v* в анлауте чувашских слов, соответствующих в других тюркских языках словам с гласным в анлауте, то можно предполагать, что большинство из них относится к более древним рудиментам консонантного начала слова. Они, как нам представляется, не могут быть отнесены к вставочным или так называемым протетическим согласным, хотя бы потому, что образуют некую систему соответствий, объясняющую некоторые, до сих пор не выясненные закономерности тюркского вокализма, и позволяют обосновать гипотезу о развитии вокализма в тюркских языках вообще.

Как это следует из соответствий сочетаний "*j ~ v + гласный y ~ i*" в анлауте чувашских слов гласным в анлауте других тюркских языков, а именно:

$$jy_{\zeta} < \begin{matrix} a:, \text{ʰ}a, a \\ jy, y, u \end{matrix} \quad \text{и} \quad ji_{\zeta} < \begin{matrix} e:, i^e, e \\ i:, i \end{matrix}$$

$$vy_{\zeta} < \begin{matrix} o:, \text{ʰ}o, o \\ u \end{matrix} \quad \text{и} \quad vi_{\zeta} < \begin{matrix} \ddot{o}:, \text{ʰ}\ddot{o}, \ddot{o} \\ \ddot{u} \end{matrix}$$

процесс фонетического развития анлаута в тюркских языках мог идти только от сочетания в начале слова согласного с гласным к дифтонгоидным и

долгим, а затем полудолгим и, наконец, нормальным гласным типа а ~ у, е ~ и, о ~ у, ö ~ ü, а в связи с этим следует признать, что сочетания согласного и гласного типа j_ç, j_i, v_ç, v_i в анлауте чувашских слов являются более древними по отношению как к долгим, так и нормальным гласным анлаута других тюркских языков.

Если вторичные долгие гласные, как это признано всеми тюркологами, произошли из стяжения комплексов согласных и гласных, то, вероятно, все другие процессы, характеризующие соответствия комплексов согласных и гласных долгим, а затем и обычным гласным также происходили в том же направлении, т.е. более древним состоянием из этих соответствий следует считать комплексы согласных и гласных, затем средним состоянием — долгие гласные и поздним — полудолгие или обычные гласные. Из этого следует, что легче объяснить направление процесса развития чувашских комплексов j_ç, j_i, v_ç, v_i в соответствующие долгие гласные, а затем в полудолгие и обычные, т.е. j_ç > а: ~ у: > а ~ у; j_i > е: ~ и: > е ~ и и v_ç > о: ~ уо ~ ^uо > о ~ у; v_i > ö: ~ üö > ö ~ ü, чем наоборот.

Предположения же о том, что процессы происходили в обратном направлении, т.е. от [а], который чисто гипотетически сужался (а > у), или, напротив, [у] расширялся (у > а), затем [а] или [о] получал в силу сандхи или каких-либо других причин дифтонгоидный ^uо, а затем превращался в согласный в, и [о] преобразовалось в сложный комплекс v_ç, — менее вероятны.

КОРНИ ТИПА СГСС и (С)ГСС < СГС + С и (С)ГС + С

Происхождение корней данных моделей связано с наращением к первичной структуре аффиксов словообразования. Статистические подсчеты корней этих моделей показывают, что последние образовались главным образом из первичных корней с конечным сонорным г или l + афф. -yt или -уq, реже -ç — остальные корни этих моделей, оканчивающиеся на другие согласные, представлены единичными примерами. Ср., например:

1) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -yt* (побудительного залога): sürt- < sür- 'вести, водить', sür-t- 'втирать'; kert- < ker- 'растягивать, натягивать', ker-t- 'надрезать, надрывать' (< 'заставить растянуться'); qajt- < qaj- 'поворачиваться', qaj-t- 'возвращаться'; ert- < er- 'следовать' + t > er-t- 'проходить, миновать' (< 'заставить следовать');

2) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -yt (образующий имя от глагола): qurt < qur- 'соскабливать, брить, срезать' + yt > > qur-yt 'обрезок, короткий'; qart < qar- 'стариться' + -yt > qar(y)-t > > 'результат старения > старик'; ast 'низ' < as- 'свешиваться' + -t > 'результат свешивания' > 'низ'; üst 'верх' < ös- ~ üs- 'расти' + t > 'результат роста > верх';

3) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -уq (образующий форму страдательно-возвратного залога): qoq- < qo- 'охранять, оберегать' + -q > qoq(y)-q- 'оберегаться, охраняться > бояться, пугаться';

4) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -уq (входящий к показателю многократности): quq- 'стричь' < qu- 'скоблить,

соскабливать' + -уq > quq (y) q- 'стричь'; julq- 'тащить, обирать' < jul- 'отнимать, захватывать' + -уq > jul-(y) q- 'обирать';

5) корень < основа, состоящая из первичного корня + афф. -уq/ik результата действия: körk 'образ, красота' < kög- 'видеть' + -(i)k > kög-(i)k 'то, что видно > образ'; aq 'висок' < ag- 'разделять, отделять' + -уq > ag-(y)q 'то, что разделено > висок'; örk 'узда' < ög- 'плести' + -ik > ög-(i)k 'то, что сплетено > узда'.

Некоторая часть корней типа СГСС ~ (С)ГСС представляет собой заимствования из других языков.

КОРНИ ТИПА СГСГ ~ (С)ГСГ и СГСГС ~ (С)ГСГС

Корни данной структуры представляют собой вторичные образования из первичных корней типа СГС с наращением и слиянием с мертвыми аффиксами словообразования. Корни этого типа образованы:

1) либо по типу монгольских, т.е. с наращением конечного гласного по модели, которая сохранилась для многих монгольских корней, соответствующих в тюркских языках модели СГС, например: тюрк. saγ-, монг. saγa- 'дойть'; тюрк. bas-, монг. basu- 'давить'; тюрк. qon-, монг. xopo- 'ночевать'; тюрк. çoq- ~ çoqu- 'клевать, жалить', монг. çoqi 'ударять'; тюрк. eg ~ äg, монг. ege 'муж'; тюрк. ög, монг. eke 'мать'; тюрк. tüp, монг. tüne 'ночь';

2) либо в результате слияния с аффиксами словообразования, например: quju 'колодец' < qud- ~ qud- ~ quj- 'лить' + афф. -уq, указывающий на предмет, связанный со значением данного глагола: qud-uq ~ qud-uq ~ ~ quj-uq > quj-u(q) 'колодец'; ага 'промежуток' < ag- 'отделять' (< jag- 'разрубать') + афф. -а, указывающий на имя действия > ag-a 'промежуток'; qaqa ~ монг. хаг ~ хага 'черный', заимствовано из монгольского во втором варианте qaqa < хага, генетически связано с qaqa- ~ монг. хагах 'видеть, смотреть' и qaqaq 'зрачок', а затем qaqa(q) 'зрачок' и qaqa 'черный' по аналогии с aq 'белок глаза' и aq 'белый'; ср. также saγu ~ saγuγ 'желчь' и 'желтый' < монг. sag 'желтый', которое связано с глаголом sag-ax 'жарить, поджаривать'.

Наличие двусложных корневых морфем типа СГСГ и (С)ГСГ, а также СГССГ и (С)ГССГ в монгольских и, реже, тюркских языках В.Л. Котвич объяснял различными причинами. Структурные типы корневых морфем СГССГ и (С)ГССГ, по его мнению, объясняются тем, что "алтайские языки стремились отделить друг от друга два согласных звука каким-нибудь гласным или же добавить гласный звук в конце слога, т.е. изменить тип (С)ГСС в (С)ГСГС или (С)ГССГ или, иначе говоря, образовать на месте одного слога два (Котвич, 1962, с. 36). В качестве примеров он приводит: тюркс. ärk, монг. erke 'сила, власть'; тюрк. quq, монг. qirγa 'стричь овец'; тюрк. jurt-, монг. jorγi- 'ехать на коне' и проч.

Перманентные изменения структуры корня и их переразложение, вызванное внутренними средствами корнесложения или фузией корневых и аффиксальных морфем, объясняет наличие в каждом тюркском языке и в каждом хронологическом срезе корней различной структуры, но, как правило, при образовании новых корневых морфем последние имеют тенденцию формирования в односложную и реже двухсложную структуру.

Таким образом, все типы корневых морфем в тюркских языках, генетически восходящие к единой структуре СГС, в процессе развития могут изменяться, образуя следующие модели.

Первичные корневые морфемы

А. Простые корни I. Закрытые 1. СГС 2. (С)ГС II. Открытые 3. СГ(С) 4. (С)Г(С)	Б. Усложненные III. Закрытые 5. СГСС (< СГС + С) 6. (С)ГСС (< (С)ГС + С) IV. Открытые 7. СГСГ (< СГС + Г) 8. (С)ГСГ (< (С)ГС + Г)

Последняя группа двусложных открытых корней (IV, 7 и 8), наиболее редкая структура, в подавляющей своей части представлена заимствованными корневыми морфемами из других неродственных языков.

Указанная выше структура первичных простых и усложненных корней исторически сложилась как из первообразных, первичных корней (СГС), так и в результате сложения из нескольких, чаще из двух первичных корней (СГС + СГС), отдельные элементы которых, в процессе образования новых вторичных корневых морфем, элиминировались. Причем структурные элементы вторичных корневых морфем складывались как из состава первой, так и из состава второй первичной корневой морфемы.

Таким образом, каждой первичной корневой морфеме соответствовали следующие структуры вторичных корневых морфем.

Вторичные корневые морфемы

Простые

- I. Закрытые
- 1₁ СГС = II₁ СГС [$\langle$ СГ(С) + С(ГС) $\sim$ (СГ)С + (С)ГС $\sim$ СГ(С) + (СГ)С]
- 1₂ (С)ГС = II₂ (С)ГС [$\langle$ (С)Г(С) + С(ГС) $\sim$ (СГС) + (С)ГС $\sim$ (С)Г(С) + (СГ)С]
- II. Открытые
- 1₃ СГ(С) = II₃ СГ(С) [$\langle$ (СГ)С + (С)Г(С) $\sim$ С(ГС) + (С)Г(С)]
- 1₄ (С)Г(С) = II₄ (С)Г(С) [$\langle$ (СГС) + (С)Г(С)]

Производные

- I. Закрытые
- 1₅ СГСС = II₅ СГСС [$\langle$ СГС + С(ГС) $\sim$ СГС + (СГ)С]
- 1₆ (С)ГСС = II₆ (С)ГСС [$\langle$ (С)ГС + С(ГС) $\sim$ (С)ГС + (СГ)С]
- II. Открытые
- 1₇ СГСГ = II₇ СГСС [$\langle$ СГ(С) + СГ(С) $\sim$ СГС + (С)Г(С)]
- 1₈ (С)ГСГ = II₈ (С)ГСГ [$\langle$ (С)Г(С) + СГ(С) $\sim$ (С)ГС + (С)Г(С)]

Существуют также некоторые структурные типы более сложных корневых морфем, представляющих собой также сочетание двух первичных корней, сохранивших более полный состав элементов того и другого корня, т.е. развитие которых (выражающееся в элиминировании, утрате некоторых элементов) не достигло однослоговой структуры. К последним отно-

сятся, например, следующие структурные типы:

1. СГС + СГС	4. (С)Г(С) + СГС
2. (С)ГС + СГС	5. СГС + СГ(С)
3. СГ(С) + СГС	6. (С)ГС + СГ(С)

Фонетическая структура корня в тюркских языках лимитирована определенным сочетанием фонем. Причем инглаутный гласный в корне представлен в большинстве тюркских языков восемью фонемами: а, е, о, ö, у, і, и, ü, которые варьируют по языкам главным образом в отношении е ~ і, о ~ и, ö ~ ü, а в некоторых языках либо с добавлением новых фонем, например [ä], либо с сокращением вокализма под влиянием субстратных или адстратных языков. Что касается начального и конечного согласного, то для большинства тюркских языков наибольшую фонологическую значимость имеют следующие согласные.

Для начальной позиции⁴

I. Передние или губные согласные

1. p[b ~ v ~ m] ◊ b, v, f, w
2. m[~b]

II. Средние или среднеязычные средненебные согласные

1. j[~ dj/tj ~ (d/t) ~ dž/č ~ ž/š ~ dz/c ~ z/s ~ s' (~ n ~ n')] ◊ ž, z, c
2. t[~ d] ◊ d
3. č[~ š ~ s]
4. s[~ s ~ h ~ 0]
5. š[~ s]

III. Задние или заднеязычные задненебные согласные

1. k[~ g ~ q ~ γ ~ x] ◊ g, x

Для конечной позиции

I. Передние или губные согласные

1. p[~ b ~ w ~ v ~ f] ◊ b, v, f, w
2. m

II. Средние или среднеязычные средненебные согласные

1. j[~ d/t ~ δ/θ ~ z/s ~ r]
2. t[~ d] ◊ d
3. s[~ z] ◊ z
4. č[~ š ~ s ~ c] ◊ c
5. š[~ š ~ l]
6. z[~ r]
7. l
8. r
9. n

⁴Косая черта указывает на фонологическое единство или неразличение звуков. В квадратных скобках представлены фонологически неразличающиеся соответствия — позиционные или по диалектам. За ромбом даны вновь осваиваемые под влиянием других языков. В круглых скобках даны редкие, спорадические соответствия.

III. Задние или заднеязычные, задненебные согласные

1. q/k [~ γ/g ~ x] ◇ k, x
2. γ/g [~ w ~ j ~ 0] ◇ g
3. ŋ

Обозначая условно консонантизм переднего ряда через w, среднего ряда через j и заднего ряда через h, а вокализм корня через тире, можем получить все комбинации звуков, образующих корневую морфему:

w -	-w	w - w	j - w	h - w
j -	-j	w - j	j - j	h - j
h -	-h	w - h	j - h	h - h

Причем w, j, h реализуется в конкретных языках в виде следующих фонем и их аллофонов.

1. Начальные

- w = p [~ b ~ v ~ m] ◇ b, v, f, w
 j = j [~ dj/tj ~ d/t ~ dʒ/č ~ ž/š ~ dz/-z ~ z/s ~ s' ~ n/n'] ◇ ž, z, c
 t [~ d] ◇ d
 č [~ š ~ s]
 š [~ s ~ h ~ 0]
 š [~ s]
 n ◇ l, r
 h = k [~ g ~ q ~ ġ ~ x] ◇ x, g

2. Конечные

- w = p [~ b ~ w ~ v ~ f] ◇ b, v, f, w
 m
 j = j [~ d/t ~ δ/θ. ~ z/s ~ r]
 t [~ d] ◇ d
 s [~ z] ◇ z
 č [~ š ~ s ~ c] ◇ c
 š [~ s ~ l]
 z [~ r]
 l
 r
 n
 h = k [~ q ~ γ/g ~ x ~ h] ◇ q, g, x, h
 g [~ γ ~ w ~ j] ◇ γ
 ŋ

Если же считать, что корни типа w-, j-, h- и -w, -j, -h восходят к соответствующим трехзвучным корням, то все типы корневых морфем могут быть сведены к следующим фонологическим моделям:

w - w

1. p - p, p - m
2. [m - p]

w - j

1. p - t, p - j, p - s, p - č, p - š, p - z, p - l, p - r, p - n
2. [m - t, m - j, m - s, m - č, m - š, m - z, m - l, m - r, m - n]

w - h

1. p - k, p - γ, p - η
2. [m - k, m - γ, m - η]

j - w

1. j - p, t - p, č - p, s - p, š - p, n - p
2. [j - m, t - m, č - m, s - m, š - m, n - m]

j - j

1. j - j, j - t, j - s, j - č, j - š, j - z, j - l, j - r, j - n
2. t - j, t - t, t - s, t - č, t - š, t - z, t - l, t - r, t - n
3. s - j, s - t, s - s, s - č, s - š, s - z, s - l, s - r, s - n
4. č - j, č - t, č - s, č - č, č - š, č - z, č - l, č - r, č - n
5. š - j, š - t, š - s, š - č, š - š, š - z, š - l, š - r, š - n

j - h

1. j - k, t - k, s - k, č - k, š - k
2. j - γ, t - γ, s - γ, č - γ, š - γ
3. j - η, t - η, s - η, č - η, š - η

h - w

1. k - p, k - m

h - j

1. k - j, k - t, k - s, k - č, k - z, k - l, k - r, k - n, k - š

h - h

1. k - k, k - γ, k - η

В квадратных скобках даны вторичные возможные модели корневых морфем. Общее количество моделей корневых морфем в конкретных языках увеличивается за счет интерконсонантных гласных и соответствующих аллофонов консонантных элементов.

ИНДЕКС КОРНЕВЫХ МОРФЕМ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (по "Древнетюркскому словарю")

В индекс включены в алфавитном порядке основные корневые морфемы восьми типов, из них четыре типа первичных по своей структуре корней - 1. (C)Г(C), 2. СГ(C), 3. (C)ГС, 4. СГС и четыре типа вторичных - 5. (C)ГС + С, 6. СГС + С, 7. (C)ГС + Г и 8. СГС + Г.

Наибольшее количество корневых морфем представлено четвертым типом - СГС. Они даны с учетом фонетических соответствий как начальных так и конечных согласных корня. В индексе приведены только корни с начальными b, č, j, q/k, s, t и конечными č, γ/g, j, q/k, l, m, n, η,

p, r, s, š, t, z — все другие анлаутные и аусллаутные согласные корневых морфем представляют собой исторически закономерные соответствия, а потому корневые морфемы с ними как дериваты основных морфем в индексе отсутствуют. К таким соответствиям условно отнесены следующие.

1. Согласные в анлауте:

p/b ~ v/w ~ m
j ~ dž/č ~ dz/c ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ n ~ n'
č ~ š ~ s
s/z ~ θ/δ ~ s ~ s' ~ h ~ 0
t ~ d
q/ġ ~ k/g ~ x/ ~ h

2. Согласные в аусллауте:

p/b ~ v/f ~ w ~ m
j ~ d/t ~ θ/δ ~ s/z ~ r
t ~ d
s ~ z
č ~ š ~ s
š ~ l
z ~ r
q/ġ ~ k/g ~ x
γ/g ~ w ~ j ~ 0

3. Гласные в анлауте: e, i, o, u, ö, ü.

Корневые морфемы типа (С)ГС приведены на все анлаутные гласные — а, е, у, і, о, ö, u, ü — соответственно с теми же согласными в аусллауте — č, γ/g, j, q/k, l, m, n, њ, p, r, s, š, t, z. В переводе указаны только основные значения имен и глаголов. Корневые морфемы, имеющие общий фонологический состав, но различное происхождение, разделены косой линией.

Все приведенные корни даны в хронологических границах лексики, отраженной в "Древнетюркском словаре". Они не дифференцированы в отношении временной последовательности своего оформления, а потому в индекс включены как первообразные корни более древнего происхождения, так и корни, сформировавшиеся позже, путем переразложения и фузии с аффиксами словообразования. Некоторые корни снабжены примечаниями либо о возможном их происхождении, либо о их вариативности. При каждом корне типов (С)Г(С) и СГ(С) дан восстановленный более полный фонетический состав их корневых морфем.

В связи с тем, что в индексе приводятся все потенциальные возможности корнеобразования указанными выше фонетическими средствами вокализма и консонантизма, вместо реально отсутствующих, но потенциально возможных моделей в индексе даются прочерки, хотя в некоторых случаях можно было бы привести эти модели из других тюркских языков, где данное фонетическое оформление корней существует.

Вторичные корневые морфемы типа (С)ГС + С и СГС + С приведены в индексе относительно полно, модели типа (С)ГС + Г и СГС + Г — только выборочно, поскольку в большинстве своем они являются заимствованиями из других языков. В индексе отсутствуют нехарактерные для тюркских языков современные типы корневых морфем, заимствованных из арабского, персидского, русского и других языков.

Индекс включает в себя абсолютное большинство корней основного

словарного состава лексики всех современных тюркских языков, хотя, возможно, и не охватывает весь состав корневых морфем древнетюркских языков.

Корни типа (C)Г(C)

- a-: қап a- 'остановиться' (о крови) < қап аҫ < қап жуу
у 'растение' < jig
ö- 'думать' < ög < bög
и 'сон' < uј < ud
и- 'мочь' < иу < јун

Корни типа СГ(C)

- ba- 'связывать' < бау ср. туркм.
ba: ʁ < бау-уу 'связка'
bi 'кобыла, паук' < bij ~ bije
bu 'пар' < bu: < buw < buʁ
či 'роса' < čij < čig
ja 'лук' < ja: < jaʁ
je- ~ ji- 'есть, кушать' < јij; ср. ijim 'корм'
ju- 'мыть' ju: < juw < жуу
kö ~ kü 'молва, слава' < köj ~ küj < < kög ~ küg
qa 'сосуд' < qar/ ~ 'складывать'
sa- 'считать' < saʁ; ср. saʁ-уš 'счет'
su- 'ломать' < суу; ср. суу-уп; ср. туркм. su: n- 'ломаться'
su- 'тянуть' < suz- ~ soz-
te- ~ ti- 'говорить' < tij-; ср. туркм. dij-
tu- 'закрывать' < tuј ~ tud
tü 'волосок' < түк

Корни типа (C)ГC

- a-
ac- 'открывать'
aʁ ~ aw 'силок, охота'
aj- 'говорить' / ~ 'месяц'
al- 'брат' / ~ 'низ'
am 'vulva'
an-уq 'дурной'
aң 'зверь' / ~ 'сознание'
ap- 'брызгать'
aq- 'течь' / ~ 'белый'
ag- 'отделять'
as- 'вешать'
aš 'пища' / ~ 'увеличивать'

- at- 'бросать' / ~ лошадь
az 'мало' / ~ 'заблуждаться'

e-

- eš-kü 'коза'
eg- ~ eң- 'сгибать'
ej 'вещь'
ek- 'сеять'
el 'рука'
em- 'лечить' / ~ 'сосать'
en- 'спускаться' / ~ 'ширина'
eң 'шека'
er 'дом' / ~ 'ловкость'
eg- 'быть' ~ 'следовать за'
es- 'дуть' / ~ 'пьянеть'
eš 'друг' / ~ -id 'слушать'
et- 'совершать' / ~ 'мясо'
ez- 'сдирать шкуру'

y-

- yš- 'скрывать'
уу —
yi —
yl-y- 'портиться'
ym —
yn-ya 'низкий'
уң-уг- 'стонать'
ур —
уq-urтаq 'удушье'
ур-ya- 'двигать, трести'
ys-yr- 'кусать'
yš- 'копать' / ~ -уу 'веревка'
yt- ~ yd- ~ yj- 'посылать'
yz ~ iz 'след'

i-

- ič- 'пит' / ~ 'нутро'
ig-id- 'поднимать'
ij- ~ id- 'посылать, следовать'
ik-ki 'два'
il- 'прицепит' / ~ 'спускаться'
im 'знак'

in 'пещера'
in-ir 'рассвет'
ip ~ ib 'дом'
ir- 'вздрагивать'
is-tä- 'искать, нюхать'
iš 'дело'
it- ~ id- 'следовать'
iz 'след'

o-

oč-oj- 'выступать бугром' / ~ aq 'очаг'
oγ-uš 'род, племя'
oj ~ od 'низина'
ol- 'быть' < bol
om-yl- 'поднимать'
op- 'выздравливать'
oq- 'улучшаться' / ~ 'правый'
or- 'хлебать'
oq 'стрела' / ~ -y- 'звать, читать'
og- 'жать' / ~ -pa- 'помещать'
os-u 'вид, способ'
oš —
ot ~ od ~ oj 'бодрствовать' < bod
oz- 'опережать'

ö-

öč- 'гаснуть'
ög 'разум'; ср. bög-ün- 'уразуметь'
öj ~ öd 'время'
ök-ün- 'каяться'
öl- 'умирать'
öm 'штаны' / ~ -älä 'ползти'
öp-lä- 'выступать'
öq 'цвет' / ~ 'линять' / öp-üs 'гор-
тань'
ör- 'целовать' / ~ -kä 'легкие'
ög- 'вязать' / ~ -t 'огонь'
ös- 'расти' / 'пьянеть'; ср. es
öš —
öt ~ öd ~ öj 'время' / ~ 'желчь' /
öz 'сердцевина' / ~ 'долина'

u-

uč- 'летать' / ~ 'конец'
uγ-an бог
uj- 'трамбовать' / ~ -u- 'спать'
ul-la- 'связывать' / ~ -u 'большой'
um- 'надеяться'
up-ut- 'забывать'

uq-га 'навзничь'
ur ~ ub-u 'стыд'
uq- 'понимать', ср. uq-us 'разум'
ur- 'бить' / ~ -u 'зерно'
us 'иметь жажду'
uš 'сердцевина'
ut- ~ ud- ~ uj- 'выигрывать'
uz- 'идти за кем либо', ср. ut, er

ü-

üč 'три'
üg-i 'молоть'
üj = üt
ük- 'собирать, накапливать'
ül-ä- 'делить', ср. böl
üm —
ün 'голос'
ün- 'пробивать отверстие'
ür ~ üb дом
ür- 'лаять, дуть'
üst 'верх'
üş- 'сверлить'
üt ~ üd ~ üj 'дыра, отверстие'
üz- 'рвать', ср. jüz 'сдирать'

Корни типа СГС

ba-

bač —
baγ 'связка, оковы'
baj 'богатый'
bal 'мёд' / ~ -uq 'рыба'
bam —
ban —
baγ- 'рыдать' / ban- ~ maγ- 'шагать'
bar —
baq- 'смотреть'
bar- 'идти' / ~ 'есть, наличие'
bas- 'давить'
baš 'голова'
bat- 'погружать'
baz —

be-

beč —
beg-lä- 'оберегать, беречь'
bej-ük 'большой, высокий'
bek 'крепкий'
bel 'поясница' / ~ -ä- 'пеленать, увя-
зывать'

ben —
ben —
ben-gü 'вечный', ср. men-gü
ber —
ber- 'давать'
bes —
beş 'пять' / ~ -ik 'колыбель'
bet 'щека, лицо'
bez ~ biz 'железа'

bu-

buç- 'кроить', ср. biç
buу —
buj —
bul-çuj- 'приплюснуться'
bum —
bun —
buң —
bur —
buq- 'быть неподвижным'
bur-uş 'морщина'
bys —
buş- 'созревать'
but-uga- 'трещать'
buz —

bi-

biç- 'срезать'
big —
bij 'танец'
bik —
bil- 'знать'
bim —
biң, ~ miң, 'тысяча'
bin- ~ miң- 'садиться на что-либо'
bir —
bir 'один'
bis —
biş- 'спеть, зреть'
bit- 'кончатся'
biz ~ bez 'железа' / ~ 'дрожать'

bo-

boç —
boу- 'душить'
boj ~ bod 'тело'
bol- 'быть'
bom —
bon —

boң, —
bor —
boq 'экскременты'
bor 'мел'
bos —
boş 'пустой'
bot-u 'верблюжонок'
boz ~ buz 'серый'

bö-

böç —
böğ-ä 'герой' / ~ -ün- 'уразуметь',
ср. ög
böj —
böк- 'запруживать' / ~ 'надеяться'
böl- 'делить', ср. ül-e
böm —
böñ —
böр —
böг-ük 'шапка' / ~ -t- 'ощущать'
böş —
böş —
böt —
böz ~ büz 'серый', ср. büz

bu-

buç-ur- 'приказывать' / ~ -raq 'угол'
buу-ar- 'делать зарубки'
buj-ur- 'приказывать'
bul- 'находить'
bum —
bun- ~ miң- 'заблуждаться'
buң ~ miң, 'печаль, забота'
bur —
buq- 'сгибать', ср. bük-
bur- 'пухнуть' / ~ -up 'нос'
bus 'серый', ср. boz
buş- 'печалиться'
but-aq 'ветка'
buz 'лед' / ~ 'ломать'

bü-

büç-ü 'завязка'
büg- 'сгибаться', ср. bük
buj-ür- 'делать складки'
bük- 'сгибаться', ср. eg ~ eң
bül 'обветшалый'
büm —

bün ~ müñ 'богатство'
büñ —
büp —
büř 'почка' / ~ -üš 'морщиться'
büs —
büš-ür- 'варить'
büt- 'кончаться, созреть'
büz 'серый'

✓
ca-

čač- 'разбрызгивать' / ~ 'волосы'
čaγ 'пора, время'
čaj-qa- 'качать' / ~ 'жевать'
čal- 'ударять'
čam-a 'сила, мощь'
čan- 'относиться с пренебрежением'
čaγ 'утренняя заря'
čar- 'рубить, скакать'
čaq- 'высекать огонь'
čar-la- 'плакать', ср. juγ-la-
čas —
čaš —
čat 'пах' / ~ 'собирать'
čaz —

če-

čeč- 'рассеиваться'
čeg-in- 'пялиться'
čeγ —
ček- 'тянуть' / ~ 'граница'
čel- 'зацеплять рогами'
čem —
čep 'мера'
čeγ —
čep 'сено, трава'
čep 'время'
čes —
češ —
čet 'край'
čez —

čy-

čyč- 'испражняться'
čyγ- 'завязывать узел'
čuj-ral- 'скручиваться'
čul-a- 'мешать'
čum-yn 'насекомое'
čun —
čuγ 'влажный'

čur-уq 'прут'
čyq- 'выходить'
čyγ —
čys —
čyš —
čyt —
čyz- 'шарахаться'

✓
ci-

cič —
čig-ān 'узда'
čij- 'провести черту'
čik 'роса'
čil-ā- 'намачиваться'
čim-ir- 'пустить'
čip 'истина'
čiγ 'влажный'
čip-ik 'прут'
čir 'сало'
čis —
čiš —
čit —
čiz- 'чертить'

✓
co-

čoč- 'пугаться'
čoγ 'блеск, сияние'
čoγ- 'вытягивать', ср. soz- ~ čoz-
čol- 'убывать о воде', ср. čol-
čom- 'нырять', ср. čom- ~ čüm-
čon —
čoγ 'большой'
čop —
čoq- 'бить, кидаться' / ~ -u- 'клевать'
čog- 'затвердевать, опухать'
čos —
čoš —
čot —
čoz- 'вытягивать', ср. čoj- ~ čüz- ~
~ soz-

✓
cö-

čöč —
čög —
čoj —
čök- 'опускаться на колени', ср. čük-
čöl- 'убывать о воде', ср. čol-
čöm- 'нырять'
čön —

čon —
 čör 'мусор, осадок'
 čör —
 čös —
 čös —
 čöt —
 čöz-ül- 'раскидаться, рассыпаться'
 ču-
 čuč-uj- 'быть тесным'
 čuy- —
 čuj —
 čul —
 čum-bur- 'набрасываться'
 čun- 'мыться', ср. juw-un-
 čuŋ —
 čur-yq-la- 'хлестать прутом'
 čuq —
 čur-a- 'бежать', ср. jüg-
 čus —
 čuš —
 čut-ur- 'иметь вид бугра'
 čuz- 'вытягивать', ср. čöz-
 čü-
 čüč-čü- 'испытывать оргазм'
 čüg —
 čüj-gün 'жирный'
 čük- 'опускаться на колени', ср. čök-
 čül-ük- 'приходить в упадок'
 čüm- 'нырять', ср. čom- ~ čöm-
 čün-cü- 'изнуряться'
 čün —
 čür —
 čür-üs- 'морщиться', ср. бүр-üş-
 čüs —
 čüş —
 čüt —
 čüz- 'вытягивать', ср. čöz-
 ja-
 jač —
 jaŋ 'жир' / ~ 'лук, оружие' / ~ 'па-
 дать об осадках', ср. jaw-
 jaj- 'рассеивать', ср. jad- ~ jaz- ~ jas-
 jal 'грива'
 jam 'сор' / ~ -а- 'чинить'
 jan 'бок' / ~ 'возвращаться' / ~ -č-
 'давить'

jaŋ-aq 'щека, сторона', ср. jaq
 jar- 'покрывать' / ~ 'строить, делать'
 jaq 'сторона' / ~ 'приближаться'
 jag- 'рассекать' / ~ 'овраг' / ~ -а-
 'подходить, годиться'
 jas- 'рассеивать' / ~ -а- 'строить', ср.
 jaj-
 jaš- 'год' / ~ 'молодой, зеленый' / ~
 ~ 'слеза'
 jat- 'лежать' / ~ 'расстилать'
 jaz- 'развязывать' / ~ 'весна' / ~ 'оши-
 баться'
 je-
 ječ —
 jeg 'хороший', ср. ijgi
 jej- 'есть, кушать'
 jek 'демон'
 jel 'ветер' / ~ 'скакать, бродить'
 jem-ig- 'ломать'
 jep-i- 'облегчаться'
 jeŋ 'рукав' / ~ 'побеждать'
 jer —
 jer 'земля'
 jes —
 ješ —
 jet- 'достигать'
 jez-a- 'обходить, осматривать'
 ju-
 juč —
 juŋ- 'валить' / ~ 'собирать'
 juj —
 jul 'год', ср. jaš
 jum —
 jun 'помет'
 juŋ 'сопли', ср. jin
 jur 'нить'
 juq- 'валить', ср. juŋ-
 jur 'песня'
 jus —
 juš —
 jut 'запах'
 juz 'след', ср. yz ~ iz
 ji-
 jič —
 jig 'болезнь'
 jij 'шов'

jik 'веретено'
jil —
jim —
jin 'тело, плоть'
jiŋ 'сопли', ср. јуџ
jir —
jir-in 'гниой'
jis —
jiš —
jit- 'исчезать'
jiz 'след'

jo-

joč —

joγ 'поминальный обряд' / ~ -ur-
'мешать'

joj- 'прятать' / ~ 'уничтожать'

jol 'дорога'

jom-uz 'пах'

jon 'способ' / ~ 'строгать'

joŋ-a- 'ябедничать'

jor —

joq 'нет' / ~ 'бедный'

jog-i- 'идти'

jos- 'объяснять'

još —

jot- ~ jod- ~ joj- 'собирать'

joz —

jö-

jöč —

jög —

jöj —

jök —

jöl-ä- 'подпирать'

jöm —

jön 'жир'

jöŋ —

jör —

jör 'распутать' / ~ 'толковать'

jös —

jöš —

jöt-ül 'кашель'

jöz —

ju-

juč —

juγ- 'мыть'

juj- ~ jud- 'забирать, захватывать'

jul- 'отнимать, выкупать'

jum- 'закрывать' / ~ -šā- 'мягчить'

jun-t 'лошадь'

juŋ-la- 'расходовать'

jur-qa 'тонкий'

juq- 'прилипать'

jur-t 'дом'

jus —

juš- 'наливать струей' / ~ 'скопле-
ние'

jut- 'глотать'

juz —

jü-

jüč —

jüg 'поклажа'

jüj —

jük- 'собирать, накапливать'

jül-i- 'брить'

jüm- 'закрывать, зажмуриг', ср.

jum-

jün —

jünŋ —

jür —

jür-i- 'ходить'

jüs —

jüš —

jüt- 'нагружать'

jüz 'лицо' / ~ 'плавать' / ~ 'сдирать'

qa-

qač- 'убегать'

qaγ- 'жарить, калить' / ~ -ar 'снег'

qaj- 'поворачиваться'

qal- 'оставаться' / ~ -u- 'подни-
маться'

qam- 'сваливать, сбивать' / ~ -u
'весь'

qan 'кровь' / ~ 'удовлетворяться'

qaŋ —

qar 'сосуд, мешок' / ~ 'хватать'

qaq 'сухой' / ~ 'стучать'

qar 'снег' / ~ 'смешивать'

qaš 'кора' / ~ -uq 'кожа'

qaš 'бровь, край'

qat- 'становиться твердым' / ~ 'слой'

qaz- 'рыть, копать'

ke-

keš 'переходить' / ~ 'опаздывать'
 keg-ig 'грызть'
 kej- 'надевать'
 kek 'вражда'
 kel- 'приходить'
 kem 'болезнь'
 ken-dü 'сам'
 keŋ 'широкий'
 ker 'форма'
 keŕ- 'растягивать'
 kes- 'резать'
 keš —
 ket- 'уходить' / ~ 'конец, зад'
 kez- 'бродить' / ~ -ek ряд, очередь

qu-

quš —
 quу 'навоз'
 quj- 'срезать косо' / ~ 'отпускать'
 quj- 'делать' / ~ 'волос'
 qum-yz 'кумыс'
 quп- 'мучить'
 quŋ —
 quр —
 quq —
 quŕ- 'соскабливать' / ~ 'плоскогорие'
 quš- 'укорачивать, сжимать'
 quš 'зима'
 quт —
 quz- 'раскалять' / ~ 'девушка'

ki-

kiš-i 'чесаться' / ~ -ig 'маленький'
 kig —
 kij —
 kik- 'точить'
 kil —
 kim 'кто'
 kin 'чрево'
 kiŋ, —
 kip 'форма', ср. ker
 kir- 'входить'
 kis- 'резать', ср. kes-
 kiš-i 'человек'
 kit- 'уходить', ср. ket-
 kiz —

qo-

qoš 'баран'
 qoŷ- 'гнать'
 qoŷ- 'ставить, класть' / ~ 'овца' / ~
 ~ -и 'густой'
 qoŷ 'рука' / ~ 'просить'
 qom-y- 'тосковать'
 qop- 'садиться на' / ~ 'лоно, грудь'
 qoŋ 'мышца'
 qop- 'подниматься'
 qoq- 'уменьшаться' / ~ -us 'пустой'
 qog 'убыток' / ~ -q- 'бояться'
 qos- 'рвать, блевать' / ср. quš-
 qoš- соединять, запрягать'
 qot- 'оставлять, покидать'
 qoz 'орех', ср. quz

kö-

köš 'кочевка' / ~ 'кочевать'
 kög —
 köj- 'гореть'
 kök 'небо' / ~ 'голубой, зеленый' / ~
 ~ 'корень'
 köl- 'запрягать' / ~ 'озеро'
 köm- 'погружать, закапывать'
 köп- 'выпрямляться' / ~ 'кожа'
 köŋ-ül 'сердце'
 köр 'много' / ~ -ik 'пена'
 köŕ- 'видеть'
 köš —
 köš-i- 'заслонять, закрывать'
 köт 'зад'
 köz 'глаз'

qu-

quš- 'обнимать'
 quу-и- 'сохнуть' / ~ 'лебедь'
 quj- 'лить'
 qil 'раб'
 qim 'песок'
 quп- 'грабить'
 quŋ, —
 quр —
 quq —
 quŕ- 'строить' / ~ 'пояс'
 quš- 'блевать, рвать', ср. qos-
 quš 'птица'
 quт 'душа' / ~ 'счастье'
 quz 'орех', ср. qoz

kü-
küç 'сила'
küg —
küy- 'охранять'
kük —
kül- 'смеяться' / ~ 'зола'
küm —
kün 'день, солнце' / ~ -i 'зависть'
kün 'рабыня'
küp 'кувшин'
kür 'смелый' / ~ -а- 'бежать'
küs- 'ждать' / ~ 'обижаться'
küš —
küt- 'беречь, охранять'
küz 'осень'

sa-
saç- 'сыпать, рассыпать' / ~ 'волосы'
saу 'здоровый' / ~ 'чистый' / ~
~ 'ум' / ~ 'доить' / ~ -уп- 'желать,
хотеть'
saj- 'прикалывать' / ~ 'каменистое
место'
sal- 'класть' / ~ 'бросать' / ~ 'бить,
ударять'
sam-la- 'лечить'
san- 'думать, считаться' / ~ 'бед-
ро' / ~ 'число'
saп, —
sar- 'соединять' / ~ 'ручка' / ~ 'оче-
редь' / ~ -у- 'махать'
saq- 'думать' / ~ -la- 'хранить'
sar-уу 'желтый'
sas-y- 'вонять'
saš 'боязливый'
sat- 'продавать'
saz 'болото'

se-
seç- 'выбирать'
seg —
sej-gä- 'редеть'
sek-gi- 'прыгать'
sel —
sem-iz 'жирный'
sen 'ты'
seп, —
ser- 'любить'

ser- 'терпеть'
ses —
seš- 'распутывать'
set —
sez- 'чувствовать'

sy-
syç- 'испражняться'
syу- 'вмещаться'
syj-у 'пола одежды'
syl-у 'величественный'
sym —
syn 'туловище' / ~ -а- 'проверять'
syп, —
syp —
syq- 'давить' / ~ -а- 'гладить'
syг 'краска'
sys 'вертел'
syš 'опухоль'
syt- 'выжимать'
syz- 'таять' / ~ 'просачиваться'

si-
siç —
sig —
sij- 'мочиться'
sik 'моча' / ~ 'совокупляться'
sil-ik 'чистый' / ~ -k- 'трясти'
sim-lä- 'растирать'
sin —
siп, 'впитываться'
sip-ir- 'подметать'
sir-kä 'уксус'
sis —
siš 'опухоль'
sit- 'мочиться'
siz- 'просачиваться'

so-
soç —
soу-у- 'остывать'
soj- 'снимать кожу'
sol- 'убывать, уменьшаться' / ~ 'ле-
вый'
som —
son —
soп, 'конец' / ~ 'после'
sor —

soq- 'бить' / ~ 'всасывать' / ~ 'жалить'
sor- 'сосать' / ~ 'спрашивать'
sos —
soš —
sot —
soz- 'вытягивать', ср. čoz-, čoj-, čüz-

sö-

söč —
sög —
söj —
sök- 'ругать' / ~ 'рвать' / ~ 'преклонять колени'
söl —
söm —
sön- 'ослабевать, прекращаться'
soң —
söp —
sör —
sös —
söš —
söt —
söz 'слово'

su-

suč-y- 'прыгать'
suy 'вода'
suj- 'плевать'
sul-aq 'селезенка'
sum-ly- 'распространяться'
sun- 'протягивать'
suң —
sup —
suq-y- 'щекотать'
sur —
sus- 'задевать'
suš —
sut- 'плевать'
suz —

sü-

süč-i- 'быть сладким'
süg-ül 'бородавка'
süj —
sük —
sül 'свежесть'
süm —

sün —
sün-üs- 'сражаться'
süp —
sür- 'гнать, вести' / ~ -t- 'втирать'
süs- 'бодаться'
süš —
süt 'молоко'
süz- 'очищать'

ta-

tač —
tay 'гора'
taj- 'поскользнуться' / ~ -a- 'приклониться'
tal- 'лишаться чувств' / ~ -a- 'грабить'
tam 'стена' / ~ -yz- 'капать'
tan- 'отказываться' / ~ -y- 'знать'
taң 'рассвет, заря'
tap- 'находить' / ~ 'служить'
taq- 'прикреплять'
tar- 'распутывать, расчесывать' / ~ ~ -y- 'сеять'
tas 'плохой'
taš 'камень'
tat- 'пробовать'
taz 'парша' / ~ 'лысый'

te-

teč —
teg- 'касаться'
tej —
tek 'только'
tel —
tem —
ten —
teң 'ровный'
ter- 'лягать, пинать'
ter- 'собирать, копить' / ~ 'пот'
tes —
teš- 'продырявливать'
tet- 'противиться'
tez- 'бежать, убегать'

ty-

tyč —
tyу- 'притуплять' / ~ 'покоряться'
tyi- 'препятствовать, задерживать'
tyl —

tym —
tyn- 'дышать'
туң 'звучание' / ~ 'слушание'
тыр —
тық- 'набивать'
тыр —
тys —
тыш 'зуб' / ср. tiš
тыт- 'задерживать'
тыз —

ti-
tič —
tig —
tij —
tik- 'втыкать, устанавливать' / ~
~ 'шить' / ~ 'жалить'
til- 'разрезать на узкие полоски' / ~
~ 'язык'
tim 'бурдюк'
tin 'узда'
tiñ, 'ровный', ср. тең
тир —
tir- 'жить' / ~ -ä- 'подпирать'
tis —
tiš 'зуб', ср. тыш
tit- 'отвергать' / ~ 'разрывать' / ~
~ 'болеть'
tiz- 'нанизывать'

to-
toč —
toy- 'рождаться' / ~ 'подниматься'
toj- 'насыщаться'
tol- 'наполняться'
tom-yl- 'охлаждаться'
ton 'платье, одежда'
тоң- 'замерзать' / ~ 'мерзлый'
тор-уq- 'складывать' / ~ 'лодыжка'
тоқ 'кусочек' / ~ 'сытый' / ~ -u-
'бить, ударять'
tor 'сеть, тенета'
tos-уq 'сытый'
тош- 'наполнять', ср. ~ tol-
tot = toj
toz 'пыль' / ~ 'береста'

tö-
тöč —

tög- 'толочь'
töj —
tök- 'лить'
töl-ä- 'платить'
töm —
tön- 'возвращаться'
тöң-ül- 'отказаться'
тör-ü 'темя'
тör-i- 'создавать'
тös —
тöš 'грудь' / ~ -ä- 'стелить'
тöt —
тöz 'корень'

tu-
туč —
туғ 'знамя'
туј —
туl —
tum —
tun- 'успокаиваться'
туң —
тур —
туq —
tur- 'вставать, стоять' / ~ 'худеть'
tus-u 'польза'
туш- 'встречаться' / ~ 'противопо-
ложный'
тut- 'держать, хватать'
tuz- 'настраивать' / ~ 'правдивый'

tü-
tүč —
tüg 'волосок' / ~ 'завязывать, зятя-
гивать'
tүј —
tүk 'шерсть'
tүl 'сон'
tүm —
tүн 'ночь'
tүң-üt- 'наклонять'
tүр 'дно' / ~ 'низ'
tүr- 'сворачивать'
tүs —
tүш- 'падать' / ~ 'полдень'
tүt- 'дымиться'
tүz- 'выравнивать'

Корни тупа ГСС

alp 'герой, стрелок'
alq- 'губить'
arq 'висок'
art- 'увеличиваться, нагружаться' / ~
~ 'спина' / ~ 'гора'
ast 'низ'
elt- 'нести'
enç 'покой'
erk 'сила'
ert- 'проходить, миновать'
ört- 'покрывать' / ~ 'огонь'
örk 'узда'
ürk- 'пугаться'
üst 'верх'

Корни тупа СГСС

bert- ~ birt- 'увечить'
jalt 'отвислый'
jarp 'прочный'
julq- 'тащить, обдирать' < jul-yq-
'выщипывать'
jont ~ junt 'лошадь'
jurt 'дом'
kert- 'подрезать'
körk 'вид, образ, красота' < kör-ük
kürs- 'подходить о тесте'
qajt- 'возвращаться' < qaj-yt
qart 'старик'
qolt- 'просить'
qorq- 'бояться' < qor-yq-
qurt 'червь'
qurq- 'стричь'
qurt 'короткий'
sanç- 'колоть'
sarq- 'неметь'
sürç- 'споткнуться'

sürt- 'втирать'
tart- 'тащить'
terk 'быстро'
ters 'превратный'
turq 'длина, размер'
türk 'сильный, могучий'

Корни тупа (С) ГСГ

ada 'бедствие'
aja 'ладонь'
eki 'два'
eri- 'таять'
isi- 'стать горячим'
oba 'род, племя'
oqa 'легкий'
oqu- 'читать'
ota- 'лечить' < ot-ta- < ot-la-

Корни тупа СГСГ

bala 'дитя'
basa- 'делать надрезы'
buyu 'олень, бык'
böri 'волк'
çaqa 'ребенок'
jara- 'подходить, годиться'
jasa- 'строить'
jeti 'семь'
juga- 'удаляться'
juqa 'тонкий'
kesä 'ночь'
kemi 'лодка'
qaja 'скала'
qara 'черный'
quna 'мучить'
qary 'старый'
syna- 'проверять'
tevi 'верблюды'
tiki 'шум'

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Существующие типы фонологической структуры конкретных тюркских языков, а отчасти и основных их групп — болгарской, огузской, кыпчакской, карлукской, уйгурской и проч. — сохранили свои специфические особенности, возникшие в процессе их фонологического развития от более ранней поры, когда тюркские языки имели близкий к изолирующим языкам морфологический тип, до настоящего времени.

Как уже отмечалось выше, более сложный процесс развития претерпела система вокализма, характер и тип которой могут служить основными признаками, определяющими целую группу языков. В меньшей степени изменялась система консонантизма, отличающаяся относительной стабильностью, хотя и она имела свои особенности, характеризующие различия как древних, исторически сложившихся фонологических структур, так и структур современных тюркских языков и их групп.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ВОКАЛИЗМА

Исходя из существующих закономерностей фонологического развития тюркских языков и фактического материала по современным и древним языкам и диалектам, можно представить следующую периодизацию развития тюркских языков и их фонологической эволюции.

1. Доалтайский период, когда тюркские языки, как и другие алтайские языки, имели изолирующий грамматический строй и характеризовались нерасчлененными морфонемами моновокалического типа, т.е. с одной гласной фонемой, имеющей функцию морфообразования, и системой консонантизма, характеризующегося наличием восьми вариантов для каждой согласной фонемы, дифференцированных по признакам тембра (подъема), лабиализации и палатализации.

2. Алтайский период, когда тюркские языки, как и другие алтайские языки, приобрели черты агглютинирующих языков, и слово представляло собой уже сочетание морфофонема, в котором начальная морфофонема представляла собой корневую морфему, а последующие приобретали отвлеченное значение аффиксальных морфем. В данный период вокализм состоял уже из двух основных фонем, характеризующихся дифференциацией только по тембру (подъему), а в консонантизме каждая фонема соответственно имела по четыре варианта, дифференцирующих слово по признакам лабиализации и палатализации. Это состояние, по существу, сохранилось в современных языках по отношению к аффиксальным морфемам.

3. Хунский период, когда тюркские языки выделились из алтайских и имели последовательный агглютинативный тип с вокализмом, состоящим уже из восьми гласных, характер которых был общим для четырех узких кратких гласных фонем неполного образования (y, i, u, ü) и различался для гласных полного образования — широких для одной группы языков (a, e, o, ö) и узких (y, i, u, ü) — для другой, с консонантизмом также общим для той и другой группы языков.

4. Древнетюркский период, когда тюркские языки приобрели уже специфические признаки дальнейшего фонологического развития по основным группам: болгарской, огузской, кыпчакской, карлукской, уйгурской и проч.

5. Период формирования современных тюркских языков, фонологические особенности которых определяются частными признаками для каждого конкретного языка.

Если процессы развития вокализма и дифференциации гласных от одной гласной с функцией морфочленения и слогообразования к дальнейшему различению их имели последовательность прежде всего в отношении тембра (подъема), а затем лабиализации и палатализации, то эволюция согласных происходила прежде всего в отношении соноризации и спирализации, т.е. фонематизации аллофонов по признаку соноризации, а затем по признаку проточности и позже, глухости и звонкости. Последний процесс — фонематизация аллофонов по глухости и звонкости для некоторых языков, например алтайского, по существу не завершился и в настоящее время. Развитие типов фонологической структуры тюркских языков схематическим можно представить в следующем виде (см. схему).

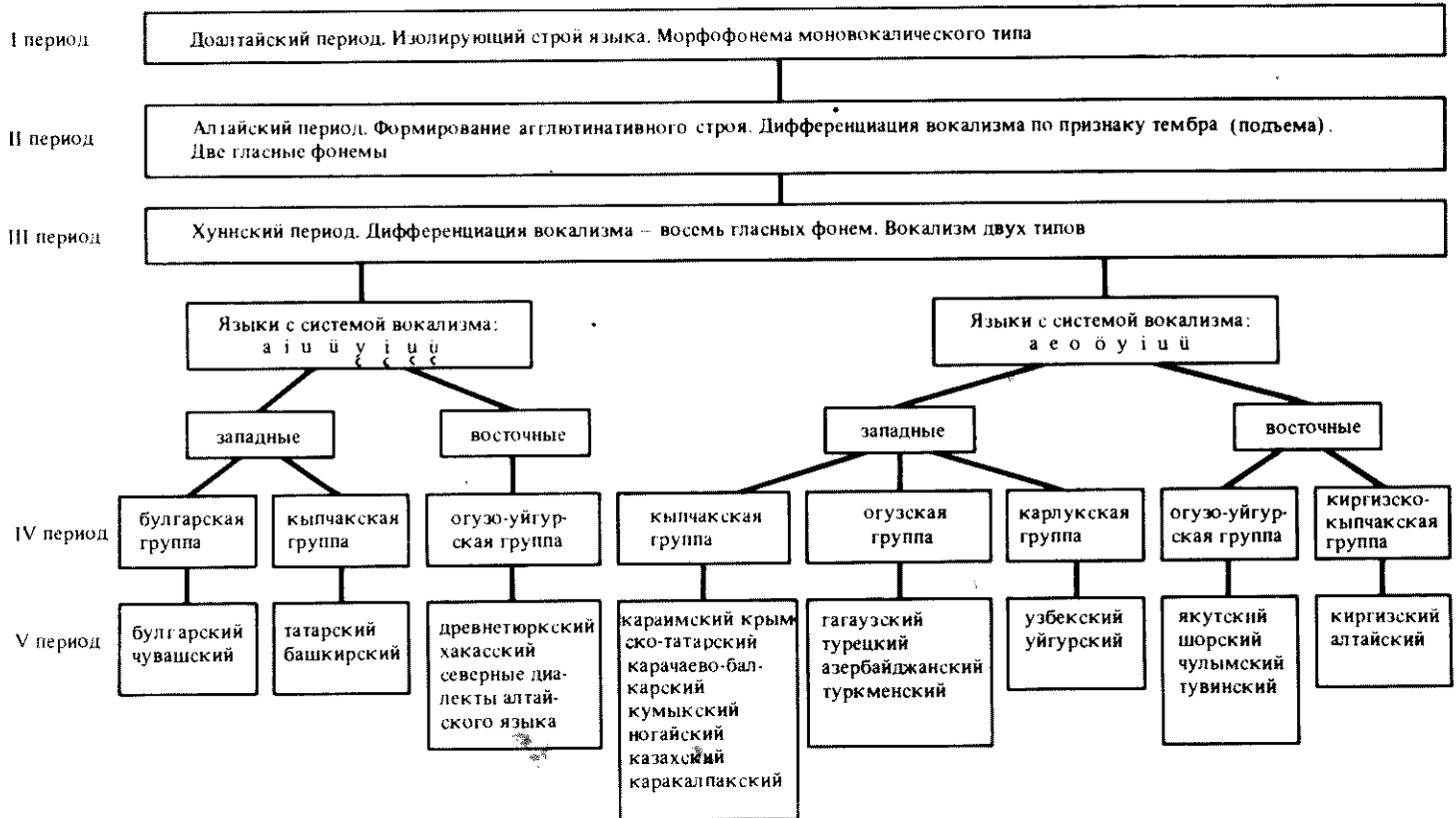
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Фонологическая структура тюркского слова исторически представляла собой последовательный ряд морфем, первоначально имевших самостоятельный характер с определенным лексическим значением, а затем интегрировавшихся в изоморфные словосочетанию, сначала парные, а затем в более сложные группы, в которых начальная корневая морфема имела основные лексические значения, а последующие, исторически грамматикализовавшиеся аффиксальные морфемы — отвлеченное грамматическое значение.

В процессе своего развития, когда в более ранний период каждая морфема была самостоятельной с определенным лексическим значением, т.е. когда строй тюркских языков носил характер изолирующих языков, фонологическая структура слова-морфемы совпадала с морфофонемой, представлявшей собой нерасчлененный комплекс звуков с общими дифференциальными признаками.

Конечно, до настоящего времени не сохранилось никаких следов такого состояния тюркских языков, и мы можем судить о данной структуре слова только по аналогии с языками типологически близкими к изолирующим языкам, но закономерности, характеризующие структуру современного тюркского слова и в особенности корневых его морфем

СХЕМА

позволяют гипотетически предполагать возможность такой моновокалической ее структуры.

Как уже отмечалось в вводной части, в начальной моновокалической морфофоне все дифференциальные признаки — тембр (подъем), лабиализация и палатализация — относились не только к гласному, т.е. интерконсонантному элементу в структуре СГС, но и ко всей морфофоне в целом, т.е. характеризовали в одинаковой степени, как интерконсонантный, так и анлаутный и аусллаутный консонантные элементы, иначе говоря, — весь комплекс структуры, морфофоне, состоящей из трех элементов СГС. Ср. в этом отношении дифференциальную структуру того же комплекса в русском языке, в котором консонантные элементы, например, в отношении палатализации различаются независимо от интерконсонантного элемента, т.е. гласного:

<i>пыл</i>	<i>был</i>	<i>мат</i>	<i>пат</i>
<i>п'ыл</i>	<i>б'ыл</i>	<i>м'ат</i>	<i>п'ат</i>
<i>пыл'</i>	<i>был'</i>	<i>мат'</i>	<i>пат'</i>
<i>п'ыл'</i>	<i>б'ыл'</i>	<i>м'ат'</i>	<i>п'ат'</i> и проч.,

в то время как в тюркских языках в отношении дифференциального признака палатализации были бы возможны только:

<i>пыл</i>	<i>был</i>	<i>мат</i>	<i>пат</i>
<i>п'ыл'</i>	<i>б'ыл'</i>	<i>м'ат'</i>	<i>п'ат'</i>

Но не только признак палатализации, но и признаки тембра (подъем) и лабиализации относились ко всей морфофоне, характеризуя ее как единый нерасчлененный звуковой комплекс, составные части которого имели общие дифференциальные признаки тембра, лабиализации и палатализации. Следовательно, все три дифференциальных признака как бы представляли единый синтез, который можно условно обозначить единым знаком, символом или каким либо иным средством, например, определенным тоном, как то и имеет место в изолирующих языках.

Обозначив условно тембр знаком $\wedge$, лабиализацию — $^{\circ}$ и палатализацию — $'$ перед соответствующей морфофонемой и приняв условно за исходный тип морфофоне, характеризующуюся а) высоким подъемом, б) отсутствием лабиализации и в) отсутствием палатализации, мы получим ряды морфофонем, которые и представляли собой древнейшее состояние моновокалической структуры тюркского слова. Ср. следующие примеры¹:

<i>tIk (tyk)</i>	'сунь'	$\wedge$ tIk (tak)	'прицепи'
$'$ tIk (tik)	'шей'	$\wedge$ 'tIk (tek)	'порода'
$^{\circ}$ tIk (tuk)	'запруда'	$^{\circ}\wedge$ tIk (tok)	'сытый'
$^{\circ}$ 'tIk (tük)	'шерсть'	$^{\circ}\wedge$ 'tIk (tök)	'просьба'

¹При каждом примере в круглых скобках даны соответствия в современном казахском языке. Однако в древних морфофонемах гласный элемент ни в какой степени не совпадал с условно приведенными здесь казахскими гласными. Так, например, признаки тембра (подъема) интерконсонантного элемента могли быть дифференцированы соответствующим тоном.

или:

bll (byl-ya)	'смешивай'	^bll (bal)	'мед'
'bll (bil)	'знай'	'^bll (bel)	'поясница'
°bll (bul)	'этот'	°^bll (bol)	'будь, стань'
'°bll (bül-ik)	'смута'	'°^bll (bö)	'дели'

или:

kll (kyl)	'делай'	^kll (kal)	'оставайся'
'kll (kil)	'киль'	'^kll (kel)	'приходи'
°kll (kul)	'раб'	°^kll (kol)	'рука'
'°kll (kül)	'пепел'	'°^kll (köl)	'озеро'

или :

kIz (kyz)	'девушка'	^kIz (kaz)	'гусь'
'kIz (kiz)	'зажги'	'^kIz (kez)	'момент'
°kIz (kuz)	'утес'	°^kIz (koz)	'возбуждайся'
'°kIz (-küz)	'осень'	'°^kIz (-köz)	'глаз'

или:

tIs (-tys)	'внешность'	^tIs (-tas)	'камень'
'tIs (-tis)	'зуб'	'^tIs (-tes)	'проткни'
°tIs (-tus)	'противопо- ложная сто- рона'	°^tIs (-tos)	'жди'
'°tIs (-tüs)	'сойди'	'°^tIs (-tös)	'грудь'

Морфофонемы этого типа, таким образом, имели следующую характеристику:

1) tIk, bll, kll, kIz, tIs — верхнего подъема, задние, нелабиализованные, т.е. в казахском языке они соответствовали бы сочетаниям: tuq, byl, qyl, qyz, tys;

2) 'tIk, 'bll, 'kll, 'kIz, 'tIs — верхнего подъема, передние, нелабиализованные = tük, bil, kil, kiz, tis;

3) °tIk, °bll, °kll, °kIz, °tIs — верхнего подъема, задние, лабиализованные = tuq, bul, qul, quz, tus;

4) '°tIk, '°bll, '°kll, '°kIz, '°tIs — верхнего подъема, передние, лабиализованные = tük, bül, kül, küz, tüs;

5) ^tIk, ^bll, ^kll, ^kIz, ^tIs — нижнего подъема, задние, нелабиализованные = taq, bal, qal, qaz, tas;

6) '^tIk, '^bll, '^kll, '^kIz, '^tIs — нижнего подъема, передние, нелабиализованные = tek, bel, kel, kez, tes;

7) °^tIk, °^bll, °^kll, °^kIz, °^tIs — нижнего подъема, задние, лабиализованные = toq, bol, qol, qoz, tos;

8) '°^tIk, '°^bll, '°^kll, '°^kIz, '°^tIs — нижнего подъема, передние лабиализованные = tök, bö, kö, köz, tös.

В подобных морфофонемах все дифференциальные признаки были

общими для всех элементов их составляющих, а следовательно, каждый согласный элемент имел восемь вариантов, например t, 't, °t, '°t, ^t, ^t, °^t, '°^t:

- t — верхнего подъема, задний, нелабиализованный,
- 't — верхнего подъема, передний, нелабиализованный,
- °t — верхнего подъема, задний, лабиализованный,
- '°t — верхнего подъема, передний, лабиализованный,
- ^t — нижнего подъема, задний, нелабиализованный,
- '^t — нижнего подъема, передний, нелабиализованный,
- °^t — нижнего подъема, задний, лабиализованный,
- '°^t — нижнего подъема, передний, лабиализованный.

Подобные аллофоны были характерны для каждой согласной фонемы. Что же касается интерконсонантных элементов, то представляя собой вокалическую реализацию морфофонемы, они получали в зависимости от оформляющих их согласных элементов соответствующие окраски. Позже, в процессе фонологического развития, с последующей дифференциацией согласных по соответствующим дифференциальным признакам эти интерконсонантные элементы фонематизировались в соответствующие гласные фонемы:

- .I. > y — верхнего подъема, задняя, нелабиализованная;
- 'I. > i — верхнего подъема, передняя, нелабиализованная;
- °I. > u — верхнего подъема, задняя, лабиализованная;
- '°I. > ü — верхнего подъема, передняя, лабиализованная;
- ^I. > a — нижнего подъема, задняя, нелабиализованная;
- '^I. > e — нижнего подъема, передняя, нелабиализованная;
- °^I. > o — нижнего подъема, задняя, лабиализованная;
- '°^I. > ö — нижнего подъема, передняя, лабиализованная.

Последние три фонемы — e ~ i, o ~ u, ö ~ ü — имели особые пути образования, о чем будет сказано ниже.

Если вокализм тюркских языков для более раннего периода их фонологического развития характеризовался наличием одной вокалической фонемы с функцией морфофонеморазличения, то консонантизм той же эпохи, при ограниченности дифференцированных фонем, был более развит в отношении многообразия вариантов и аллофонов, которые и конструировали соответствующие морфофонемы.

Подобно современным тюркским языкам консонантизм раннего периода также различался позиционно и имел разный состав для начальной и конечной позиции в морфофонеме.

Характерной особенностью консонантизма этого периода является отсутствие процесса соноризации консонантных элементов и слабая их спирантизация для начальной позиции в морфофонеме, но наличие соноризации при той же слабой спирантизации — для конечной позиции. Вместе с тем каждый консонантный элемент имел значительную вариативность и наличие восьми аллофонов для каждой фонемы в зависимости от характера морфофонемы.

Таким образом, консонантизм этого периода имел следующий состав.

I. Для начальной позиции:

1. [p (~ b ~ f/v ~ w ~ m)]⁸,
2. 1) [t (~ d)]⁸, 2) [j (~ nj/tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ẓ ~ s/z ~ s')]⁸, 3) [č (~ š ~ s ~ s')]⁸; 4) [s (~ h ~ 0)]⁸,
3. [k (~ g ~ q/q̣ ~ γ ~ x ~ h)]⁸,

т.е. состоял из одной передней (губной), четырех средних и одной задней фонемы, всего из шести основных фонем с аллофонами (в круглых скобках), реализующихся в восьми вариантах каждая в зависимости от характера морфофонем.

II. Для конечной позиции:

1. [p (~ b ~ m ~ w ~ f/v)]⁸,
2. 1) [t (~ d)]⁸, 2) [j (~ t/d ~ θ/δ ~ s/z ~ r)]⁸, 3) [č (~ š ~ s)]⁸, 4) [š (~ ʃ)]⁸, 5) [s (~ z) ~ θ/δ]⁸, 6) [r]⁸, 7) [l]⁸, 8) [ŋ]⁸,
3. 1) [k ~ g ~ q/q̣ ~ x ~ γ ~ h)]⁸, 2) [ŋ]⁸,

т.е. состоял из одной передней (губной), восьми средних и двух задних фонем, всего из 11 основных фонем с аллофонами (в круглых скобках), реализовавшихся в восьми вариантах каждая в зависимости от характера морфофонемы.

Следовательно, процессы развития консонантных элементов морфофонем для раннего периода характеризовался отсутствием сонорных фонем и слабой спирализацией (s, š) — для начальной позиции и наличием сонорных фонем (n, r, l, ŋ) и также слабой спирализацией (s, š) — для конечной позиции.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Значительные сдвиги как в отношении вокализма так и в отношении консонантизма произошли в морфологическом и фонологическом развитии тюркских языков в последующий период — образование агглютинативного строя, когда из изолированных морфофонем, совпадающих со знаменательными словами, стали формироваться слова, состоящие из сочетаний этих морфофонем, в которых первая морфофонема приобрела значение корневой, а последующие, абстрагируясь и грамматизируясь превратились в аффиксальные морфемы с отвлеченным лексическим, а затем грамматическим значением. Образовался новый морфологический и фонологический тип, близкий к современному морфологическому и фонологическому типу тюркских языков.

Если в морфофонеме, состоящей из элементов СГС все дифференциальные признаки — тембр (подъем), лабиализация и палатализация — составляли единый синтез и относились к каждому из ее элементов, то в последующий период образования агглютинативного строя тюркских языков, когда морфофонемы приобрели свойство сочетаться между собой, образуя цепочки СГС + (С)ГС ~ СГС + СГ(С) ~ СГС + (С)Г(С) и более сложные сочетания с единым значением сложного слова, в котором первая морфема получила значение корневой с полным лексическим значением, а последующие — значение аффиксальных морфем, изменился и их фонематический состав. Вместе с редукцией и эллизией, выпадением некоторых элементов в аффиксальных морфемах, появи-

лась необходимость дифференциации элементов, их составляющих. И первым дифференциальным признаком, выделившимся из синтеза, характеризующего морфофону, был признак тембра (подъема).

Признак тембра (подъема) послужил импульсом для образования двух типов интерконсонантного элемента в морфофоне, т.е. дифференцированных гласных фонем — типа [y] — верхнего подъема и типа [a] — нижнего подъема — и соответственно двух типов согласных элементов, т.е. согласных верхнего подъема и согласных нижнего подъема.

Наличие только двух основных фонем — [y] и [a] — сохраняется и в современных языках в аффиксальных морфемах при восьми фонемах для корневой морфемы, так как аллофоны для [y] — i, u, ü и для [a] — e, o, ö регулировались законами сингармонизма палатального и лабиального. Признаки же лабиализации и палатализации остались общими для всего слова. Следы этого состояния, т.е. сохранения палатализации и лабиализации для всего слова, характерны, по существу, и для большинства современных языков: палатализация в той или иной степени — для всех языков, а лабиализации — например, для киргизского или алтайского языков.

Для иллюстрации данного фонологического типа, в котором был уже дифференцирован вокализм основ слова, состоящих из двух или нескольких морфем, мы приводим те же примеры основ из современного казахского языка, характеризующегося уже агглютинативным строем:

- tykty (tykty 'он сунул')
- 'tykty (tikti 'он шил')
- °tykty (tuktu 'запруду')
- °tykty (tüktü 'имеющий шерсть')
- takty (takty 'он прицепил')
- 'takty (tekti 'имеющий породу')
- °takty (toktu 'ягненок')
- °takty (töktü 'он просьпал')

или:

- bylʒa (bylʒa 'смешивай')
- 'byldy (bildi 'он знал')
- °bylak (bulak 'родник')
- °bylyk (bülük 'смута')
- balyk (balyk 'рыба')
- 'balym (belim 'моя поясница')
- °baldy (boldu 'он стал')

или:

- °baldy (böldü 'он разделил')
- tyska (tyska 'к внешности')
- 'tyska (tiske 'к зубу')
- °tyska (tuska 'к противоположной стороне')
- °tysty (tüstü 'он сошел')
- taska (taska 'к камню')
- 'tasty (testi 'он проткнул')

^otasty (tostu 'он ждал')
^otaska (tōškó 'к груди') и проч.

Фонематическая структура слова этого периода, как видно из указанных выше примеров, определялась наличием двух основных фонем, дифференцированных по тембру (подъему), остальные же дифференциальные признаки лабиализация и палатализация являлись общими и относились ко всей основе слова, которая, благодаря наличию двух основных гласных фонем, характеризовалась либо как основа верхнего подъема — tykty (tykty 'он сунул'), 'tykty (tikti 'он шил'), °tykty (tuktu 'запруду'), °tykty (túktü 'имеющий шерсть'), либо как основа нижнего подъема — takty (takty 'он прищепил'), 'takty (tekti 'имеющий породу'), °takty (toktu 'ягненок'), °takty (tōktü 'он просыпал').

Согласные же элементы в слове, благодаря общим для всего слова признакам лабиализации и палатализации, имели уже не восемь вариантов, а четыре: t, 't, °t, °°t так как по тембру (подъему) они были дифференцированы ранее наличием двух гласных фонем [y] и [a], т.е. характеризовались как:

t — задний, непалатализованный, нелабиальный;
't — передний, палатализованный, нелабиальный;
°t — задний, непалатализованный, лабиальный;
°°t — передний, палатализованный, лабиальный.

Соответственно интерконсонантный элемент в слове имел следующие признаки.

Верхний подъем

.y. — задний, непалатализованный, нелабиальный = y
'y. — передний, палатализованный, нелабиальный = i
°y. — задний, непалатализованный, лабиальный = u
°°y. — передний, палатализованный, лабиальный = ü

Нижний подъем

.a. — задний, непалатализованный, нелабиальный = a
'a. — передний, палатализованный, нелабиальный = e
°a. — задний, непалатализованный, лабиальный = o
°°a. — передний, палатализованный, лабиальный = ö

Вместе с вокализмом, который для данного периода состоял из двух основных фонем, дифференцированных по тембру (подъему), усложняется несколько и консонантизм, хотя структура и основной его состав остаются стабильными. Если для предыдущего периода каждая основная консонантная фонема и ее аллофоны имели восемь вариантов, то для данного периода, когда вокализм состоял уже не из одной, а из двух основных фонем, та же консонантная фонема и ее аллофоны реализовались только в четырех вариантах.

Что же касается процессов фонологического развития консонантизма в данный период, то характерной особенностью его является соноризация и спирализация некоторых передних, средних и задних согласных, т.е. фонематизация передних [m] и [w (~ 0)], среднего [n] и заднего

[h (~ 0)], — для начальной позиции и появление тех же сонорных и спирантов [m], [w], [n] и [h] — в конечной позиции.

Таким образом, консонатизм для данного периода состоял из следующих фонем.

I. Для начальной позиции:

1. 1) [p (~ b ~ m ~ f/v)]⁴, 2) [m]⁴, 3) [w (~ 0)]⁴,
2. 1) [t (~ d)]⁴, 2) [j (~ nj/tj/dj ~ dž/č ~ c/dz ~ s/z ~ š/ž ~ s)]⁴, 3) [č (~ š ~ S ~ s')]⁴
- 4) [ʃ]⁴, 5) [s ~ θ]⁴, 6) [n]⁴,
3. 1) [k (~ g ~ q/ǰ/g ~ x ~ h)]⁴, 2) [h (~ 0)]⁴,

т.е. из трех передних (губных) шести средних и двух задних, всего из 11 основных фонем с соответствующими аллофонами, реализовавшихся каждая в четырех вариантах в зависимости от характера слова.

II. Для конечной позиции:

1. 1) [p (~ b ~ m ~ w ~ f/v)]⁴, 2) [m]⁴, 3) [w (~ 0)]⁴,
2. 1) [t (~ d)]⁴, 2) [j (~ t/d ~ θ/ð ~ s/z ~ r)]⁴, 3) [č (~ š ~ S ~ s')]⁴,
- 4) [ʃ (~ l)]⁴, 5) [s ~ θ ~ z ~ δ]⁴, 6) [r]⁴, 7) [l]⁴, 8) [n]⁴, 9) [z]⁴,
3. 1) [k (~ g ~ q/ǰ ~ x ~ γ ~ h)]⁴, 2) [γ]⁴, 3) [ŋ], 4) [h (~ 0)],

т.е. из трех передних (губных) фонем, девяти средних и четырех задних, всего из шестнадцати основных фонем с соответствующими аллофонами, реализовавшихся в четырех вариантах в зависимости от характера слова.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Для третьего периода характерны более сложные процессы в развитии фонематической структуры тюркских языков: вокализм приобрел восьмиричную систему и соответствующим образом усложнилась система консонатизма.

С закреплением за согласными элементами в структуре тюркского слова определенного дифференцированного значения как согласные, так и гласные элементы приобрели в корневой морфеме самостоятельную, независимую друг от друга значимость, в то время как аффиксальные морфемы сохранили свою общую зависимость от лабиализации и палатализации предыдущего периода с сохранением для аффиксальных морфем только двух гласных фонем, различающихся по признаку тембра (подъема).

Таким образом, в корневой морфеме стали различаться восемь фонем, симметрично соответствующие по всем трем признакам:

- 1) тембру (подъему): широкие — а, е, о, ö, узкие — у, і, u, ü;
- 2) лабиализации: негубные — а, е, у, і, губные — о, ö, u, ü;
- 3) палатализации: задние — а, у, о, u, передние — е, і, ö, ü.

В аффиксальных морфемах гласные сохранили древнюю дифференциацию только по признаку тембра (подъема), т.е. вокализм аффиксальных морфем остался ограниченным двумя фонемами [а(е, о, ö)] и [у(і, u, ü)].

Однако, как известно, состав гласных фонем в современных тюркских языках, равно как и в некоторых древних, не был единообразен. В одних языках наряду с общим для всех тюркских языков составом узких кратких гласных у, і, u, ü (с некоторыми их вариантами) имеются широкие гласные а, е, о, ö, в других языках, например, башкирском, татарском, отчасти древнетюркском, хакасском и некоторых других, широкие гласные а, е, о, ö соответственно замещаются узкими полудолгими: у, і, u, ü. Эти

различия в составе вокализма и причины возникновения в одних языках системы а, е, о, ö, у, і, ұ, ұ̄, а в других — а, у; і, u, ü; у, і, ұ, ұ̄ объяснялись тюркологами в большинстве случаев субъективно, без достаточного фактического материала, иногда на основе противоречивых гипотез. Так, Д.Г. Киекбаев считал, что передвижение гласных имело два этапа: 1) сужение широких гласных о, ö, е, давших узкие u, ü, і и 2) расширение узких u, ü, і и переход их в о, ö, е (Киекбаев, 1956, с. 14); А.М. Щербак утверждал, что процессы имели обратный порядок: 1) расширение узких гласных і, u, ü > е, о, ö вследствие сокращения их длительности и 2) сужение этимологических широких е, о, ö как более позднее явление (Щербак, 1970, с. 33); В.А. Богородицкий данное передвижение гласных объяснял "ослаблением первого безударного гласного с утратой ясности звучания в результате сокращения его сонорной длительности" (В.А. Богородицкий, 1953, с.86); Г. Шараф это явление объяснял специфической татарской акцентуации — крайне слабо выраженным побочным ударением на первом слоге многосложных слов и вызванной ею закрытостью неударного гласного первого слога (1928, с. 240) и проч.

Если мы возьмем два конкретных современных тюркских языка с различным типом вокализма, например каракалпакский и татарский, и сравним гласные корневых морфем одних и тех же слов, то можем устаноть общую закономерность, заключающуюся в том, что некоторые корневые морфемы имеют одинаковые гласные, например: а) негубные, редуцированные краткие гласные: тат. iç ~ ккалп. iş 'нутро'; тат. iş ~ ккалп. is 'дело'; тат., ккалп. til 'язык', уң-уң-стонать', қу- 'делать'; б) губные, редуцированные гласные: тат. uç ~ ккалп. uş 'конец', тат. күç ~ ккалп. küş 'сила'; тат., ккалп. қу 'раб', күл 'пепел'.

Другие же корневые морфемы резко различаются по составу своих гласных, например: а) с негубными, нередуцированными гласными: тат. it ~ ккалп. 1et 'мясо', in ~ 1en 'широкий', kil- ~ kel- 'приходить'; б) с губными нередуцированными гласными: тат. ül- ~ ккалп. 1ü'l- 'умереть', üt- ~ 1üt- 'проходить', kül ~ köl 'озеро', ün ~ 1ün 'десять', қул ~ qol 'рука'. Эта закономерность распространяется и на другие современные тюркские языки, которые по данному признаку разделяется по две группы: а) группу языков, в которых нередуцированные гласные состоят из (а), е, о, ö и б) группу, в которой этим гласным соответствуют (а), і, u, ü.

Вместе с тем, если сопоставить эти соответствия с материалами языка, то оказывается, что как основы с полудолгими і, u, ü, так и основы с гласными е, о, ö в чувашском языке имеют в инлаутной позиции общее соответствие, состоящее из СГ, т.е. из согласного и гласного, которое в других тюркских языках через ступени дифтонга и долгого гласного переходит либо в е, о, ö, либо в полудолгие і, u, ü, т.е.:

чув. ju > ya $\begin{cases} \text{a:} > \text{a} \\ \text{y:} > \text{y} \end{cases}$	или	ji > ie $\begin{cases} \text{e:} > \text{e} \\ \text{i:} > \text{i} \end{cases}$
чув. vu > uo $\begin{cases} \text{o:} > \text{o} \\ \text{u:} > \text{u} \end{cases}$	или	vi > üö $\begin{cases} \text{ö:} > \text{ö} \\ \text{ü:} > \text{ü} \end{cases}$

Что же касается инлаутных гласных в корневых морфемах і, u, ü и е, о, ö, то они во многих основах соответствуют в чувашском более сложным

комплексам, состоящим из ГСГ, которые также имеют через ступень дифтонга и долгого гласного те же соответствия – либо i, u, ü, либо e, o, ö, т.е.:

чув. $y_j y > y_a \begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases}$ или $y_v y > u_o \begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$
 чув. $i_j i > i_e \begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$ или $i_v i > ü_ö \begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases}$

В качестве консонантного элемента в чувашском языке могут выступать и другие согласные, кроме j и v, например γ, g, b.

Сиро Хаттори (1980) справедливо выделяет татарский и башкирский языки в составе кыпчакских языков, ссылаясь на специфику вокализма этих языков, т.е. на соответствие состава их гласных – а, і, u, ü, у(ă) і, u(ö) ü(ö), а, гласным а, е, о, ö, у, і, u, ü в других кыпчакских языках (в скобках даны специфические знаки транскрипции С. Хаттори). Далее он отмечает, что татарские краткие редуцированные гласные у(ă), і(ě), u(o), ü(ö) соответствуют таким же редуцированным гласным у, і, u, ü других тюркских кыпчакских языков, например казахского, с тем отличием, что татарские гласные более тяготеют к центральным (mixed, по Г. Суиту). Все эти тюркские гласные по своему качеству и количеству соответствуют чувашским: тат. і(е) = чув. і (орф. ě); у(ы) = у(ă); u(o) = u(ă^o), ü(ö) = ü(ě^o), хотя в современном чувашском литературном языке представлены только две редуцированные негубные фонемы у(ă) и і(ě), соответствующие же лабиальные гласные u(ă^o) и u(ě^o) сохранились только в чувашских диалектах.

Некоторые следы подобного вокализма встречаются также в древнетюркских языках, где гласные у ~ а, і ~ е, u ~ о, ü ~ ö являются полностью или частично неустойчивыми. То же следует сказать о северных диалектах алтайского языка и диалектах шорского, чулымского, тувинского, хакасского и якутского языков.

Вместе с тем все редуцированные гласные количественно короче гласных а, е, о, ö и соответствующих татарских и чувашских у, і, u, ü, которые сохраняют относительную длительность, впрочем, отличную от долгих гласных, например, первичных долгих гласных в туркменском языке: а:, і:, u:, ü:. Свойство относительной длительности гласных С. Хаттори объясняет тем, что исторически они образовались из соответствующих дифтонгоидных гласных, сохранившихся, например, в якутском языке, и, таким образом, происхождение татарского, башкирского, чувашского вокализма он представляет следующим образом:

Общетюрк.		Булг.		Тат., башк.		Чув.
а	>	а (или ä)	>	а (или ä)	>	а (или ä)
е	>	ie	>	ie	>	і
о	>	uo	>	uo	>	u
ö	>	üö	>	üö	>	ü
у	>	у	>	у _ç	>	у _ç
і	>	і	>	і _ç	>	і _ç
u	>	u	>	u _ç	>	u (ö)
ü	>	ü	>	ü _ç	>	ü (ě)

В данной схеме исходным составом общетюркского вокализма С. Хаттори считает а, е, о, ö, у, і, u, ü, болгарский же и татарско-башкирско-чуваши́й – результатом более позднего развития.

Однако нам процессы развития вокализма в тюркских языках нам представляются несколько иными. Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что древнейшим и исходным составом гласных в тюркских языках были все восемь фонем: а, е, о, ö, у, і, u, ü. Восьмеричная система тюркского вокализма была результатом длительного развития, и если узкие гласные у̣, і̣, ụ, ụ̈ имели общее развитие и общее происхождение, то гласные (а), е, о, ö в одной группе языков и (а), і, u, ü – в другой претерпели более сложные процессы своего развития.

Как уже отмечалось выше, некоторые современные тюркские языки имеют в своем составе узкие, сильно редуцированные у̣, і̣, ụ, ụ̈, как справедливо отмечает С. Хаттори, тяготеющие к центральным (mixed, по Г. Суиту). К этим языкам относятся татарский, башкирский, чувашский, а также некоторые кыпчакские языки, например казахский, каракалпакский, ногайский и др. В других же языках те же узкие гласные редуцированы в меньшей степени. Вместе с тем эти узкие гласные имеют общее происхождение, которое может быть представлено таким образом:

Древнее состояние		Общетюрк.		Тат., башк.		Чув.		Другие тюрк. языки
у̣	>	у ~ у̣	>	у̣ (ы)	>	у̣ (ä)	>	у̣ ~ у
і̣	>	і ~ і̣	>	і̣ (е)	>	і̣ (ē)	>	і̣ ~ і
ụ	>	u ~ ụ	>	ụ̈ (о)	>	ү̣ (ä ^о)	>	ү̣ ~ u
ụ̈	>	ü ~ ụ̈	>	ụ̈ (ə)	>	ụ̈ (ē ^о)	>	ụ̈ ~ ü

Что же касается относительно длительных гласных – общетюркских а, е, о, ö и татарско-чувашско-башкирских у, і, u, ü, то процесс их развития, как нам представляется, был иной и более сложный.

Гласные (а), е, о, ö в одной группе языков и соответствующие им у, і, u, ü – в другой отличаются от узких у̣, і̣, ụ, ụ̈ прежде всего своей относительно длительностью, а следовательно, по аналогии с вторичными долгими гласными, можно предположить, что они являются результатом стяжения двух или нескольких элементов, что характеризует также и вторичные долгие гласные в современных тюркских языках.

Фактический материал, сравнение и сопоставление фактов современных и других тюркских языков и диалектов позволяет установить именно эту последовательность в развитии и формировании длительных, по отношению к узким редуцированным гласным, т.е. гласных а, е, о, ö в одной группе языков и гласных у, і, u, ü – в другой.

Как свидетельствуют реальные факты современных и древних тюркских языков, гласные а, е, о, ö в одной группе языков и соответствующие им у, і, u, ü – в другой имеют соответствия с долгими гласными и дифтонгами, которые произошли, в свою очередь, либо из СГ, либо из ГСГ, либо из ГС, т.е. имели следующую последовательность своего развития:

$Cy \sim yCy \sim yC$	>	$ya \sim ya$	$\left\{ \begin{array}{l} a: \rightarrow \\ y: \rightarrow \end{array} \right.$	a	y
$Ci \sim iCi \sim iC$	>	$ie \sim ie$	$\left\{ \begin{array}{l} e: \rightarrow \\ i: \rightarrow \end{array} \right.$	e	i
$Cu \sim uCu \sim uC$	>	$uo \sim uo$	$\left\{ \begin{array}{l} o: \rightarrow \\ u: \rightarrow \end{array} \right.$	o	u
$Cü \sim üCü \sim üC$	>	$üö \sim üö$	$\left\{ \begin{array}{l} ö: \rightarrow \\ ü: \rightarrow \end{array} \right.$	ö	ü

В сочетаниях Cy , Ci , Cu , $Cü$ консонантный элемент (C) соответствовал согласным j, v, h и некоторым другим их субститутам; в сочетаниях же типа yCy , iCi , а также yC , iC консонантный элемент соответствовал j, γ, g и некоторым другим их субститутам.

Процесс развития комплексов типа СГ в анлауте, типа ГСГ в интерконсонантной позиции и ГС — в ауслауте в дифтонги и долгие гласные, а затем широкие а о е ö или узкие полудолгие у и і ü на ранних этапах развития вокализма и консонантизма является общим для всех тюркских языков. Процесс этот характеризуется своей необратимостью даже в отношении долгих гласных при их переходе в нормальные. Как отмечает Л. Базэн, "Долгие гласные (в частности, а:, і:, u:) могут вновь появиться в различных тюркских языках, но только путем заимствования иностранных слов (главным образом, арабских и персидских), например в османском языке, но не возрождаются в словах тюркского происхождения, и даже в заимствованных словах долгие гласные тяготеют к сокращению при их употреблении в речи" (Bazin, 1961).

Закономерность стяжения как рефлекс общей тенденции сокращения звукового облика слова, вызванного различными звуковыми законами и общей экономией, сохранилась и в современных языках на живых примерах превращения комплексов типа СГ, ГСГ, ГС в долгие гласные, а долгих гласных в нормальные, например: др.-тюрк. $bigiz >$ туркм. $bi:z >$ тув. $bis >$ хак. pis 'шило'; др.-тюрк. $taquu(u) >$ ккалп. $tawuq >$ тоох 'курица'; др.-тюрк. $quruysaq (*qu:rsaq) >$ в др. яз. $qurrsaq$ 'брюхо'; $sönçik >$ каз. $süjek >$ чул. $sü äk >$ алт. $sö:k >$ куманд. $sök$ 'кость'. Эти процессы объясняют нам и более древние явления сокращения и изменения звуков в словах, например: $jaγ$ - 'мазать': $*jaγ-uγ$ 'масло' $>$ туркм. $ja:γ >$ в др. яз. $jaγ$; joq ~ $joγ$ 'уничтожать': $*joγ-uγ$ 'уничтожение, нет' $>$ туркм. $jo:q >$ в др. яз. joq ; $suγ$ ~ $suγ$ 'давить, ломать': $*suγ-yn$ 'сломаться' $>$ туркм. $su:p >$ в др. яз. syn ; jaq 'зажигать': $*jaγ-yl$ 'гореть' $>$ туркм. $ja:l$; $*jaγ-yn$ 'воспламениться': $>$ туркм. $ja:n$; $*baγ$ 'связывать': $*baγ-uγ$ 'связка' $>$ туркм. $ba:γ$ 'завязка, связка'; ср. $baγ-uš$ 'место соединения, остова кибитки с крышей'; $*saγ$ 'думать, считать': туркм. $saγ-uš$ 'мышление'; $*saγ-yn >$ туркм. $sa:n >$ san 'число, количество'; др.-тюрк. $soγuq >$ уйг. $soγaq >$ чул. $suaq >$ алт. $so :q >$ куманд. soq 'холод, холодный'.

Прослеживая эти закономерности на обширном живом материале современных тюркских языков, мы можем установить общую систему и общий

закон образования гласных в различных тюркских языках, с одной стороны, структуры вокализма, характеризующегося наличием полудолгих у, і, u, ü, т.е. структуры типа татарского, башкирского и отчасти перечисленных выше сибирских языков, и, с другой, — структуры, характеризующейся наличием широких а, е, о, ö, т.е. структуры других тюркских языков, при наличии для того и другого типа языков кратких звуков у, і, u, ü.

Таким образом, развитие полудолгих гласных того и другого типа, т.е. і, u, ü и е, о, ö, можно представить в следующих схемах:

I. В анлауте

1. j_ç > ya $\begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases}$

3. v_ç > uo $\begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$

2. ji_ç > ie $\begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$

4. vi_ç > üö $\begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases}$

II. В инлауте

1а. yj_ç ~ 1б. yç_ç > ya $\begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases}$

3а. uv_ç ~ 3б. uç_ç > uo $\begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$

2а. ij_ç ~ 2б. iç_ç > ie $\begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$

4а. üv_ç ~ 4б. üç_ç > üö $\begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases}$

III. В ауслауте

1. yç/ayç $\begin{cases} aw > ua \\ yj > ya \end{cases}$ $\begin{cases} o: > o \\ u: > u \\ a: > a \\ y: > y \end{cases}$

3. uç/oç > uw > uo $\begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$

2. iç/egç > ij > ie $\begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$

4. üç/ögç > üw > üö $\begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases}$

I. В анлауте

1. j_ç > ya $\begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases}$

чув. jуган ~ тат. yzan ~ туркм. a:ra в др. яз. ara 'межа';

*jyrт ~ чув. irt ~ туркм. диал. a:rt ~ як. урут ~ в др. яз. агут 'чистить';

*jyyrт ~ чув. jyyrт ~ як. уар ~ туркм. a:yyr ~ ккалп. awyrт ~ хак. a: r 'тяжелый'.

2. ji_ç > ie $\begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$

*jin ~ як. ien ~ туркм. i:n ~ алт. e:n ~ в др. яз. än ~ in ~ en 'ширина';

*jig ~ як. sie ~ туркм. ij- ~ тур. диал. ji:- ~ в др. яз. je-, ji-, dže-, ži-, džij-, džej- 'есть, кушать'.

3. v_ç > uo $\begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$

*vyrт ~ чув. vut ~ як. uot ~ сал. out ~ ккалп. ^uot ~ туркм. o: t ~ в др. яз. ot ~ ut 'огонь';

*vyrт-yn ~ чув. vut-y ~ ккалп. ^uot-yn ~ в др. яз. ot-yn ~ ut; yn 'дрова';

*vun ~ чув. vun ~ vunux ~ vunux ~ як. uon ~ туркм. o:n ~ ккалп. узб. диал. ^uon ~ в др. яз. on ~ un 'десять'.

4. vü > üö   o: > ö
    ü > ü

*vüt ~ vis ~ чув. vat ~ як. üös ~ туркм. ö:t ~ гар. jöt хак. сагайск. ü:t ~ в др. яз. öt ~ üt 'желчь';

*vür ~ чув. var ~ др. яз. bod ~ bod ~ шор. roz(y) ~ poj(y) ~ як. üos ~ туркм. ö:z ~ в др. яз. öz ~üz 'сам'.

II. В инлауге

1а. ују > уа   а: > а
    у: > у

*руј-уг ~ (монг. *baj-уг; ср. baj-ух 'иметься, находиться') ~ як. буар ~ba:г ~ туркм. ba:г ~ в др. яз. rag ~bar ~var ~ чув. руг ~ rug 'есть, имеется';

*қуј-ун ~ (монг. *qian) ~ як. ха:n ~ туркм. qa:n ~ в др. яз. қап ~чув. jun 'кровь';

*туј-ул ~ туј-үс ~ (монг. *tial ~čial > čyl ~čul ~čylaγun) ~ як. tyas ~ta:s ~ туркм. da:s ~ta:s в др. яз. taš ~tas ~daš 'камень';

*дјуј-үг ~ дјуј-үз ~ (монг. džyг ~ džiü) ~ туркм. ja:δ ~ ja:j ~ в др. яз. jaz. ~jaj- чув. s'yg ~ s'ig 'распутывать, развизывать, расстилать, писать';

*қуј-үл ~ (монг. yl- 'остановиться') ~ як. ха:l- ~ туркм. qa:l- ~ в др. яз. қал- ~чув. jul- 'остаться';

*қуј-үј ~ башк. јаја ~туркм. ja:j ~ja:γ ~як. sa: ~алт. dja: 'лук (оружие)';

1б. ууу > уа   а: > а
    у: > у

*қуу-уг ~ (монг. *qiar) ~ др.-тюрк. қау-ар ~туркм. qa:г ~ як. ха:г ~ в др. яз. қаг ~чув. jur 'снег';

*туу-уг ~чув. tuv-уг ~ туркм. da:г ~чув. диал. туг ~tur (Чуркин, 1963) ~ в др. яз. dar ~tar 'узкий';

*дјуу-үс ~ н.-уйг. јау-ас ~ јуу-ас ~ кирг. džyу-ас ~ башк. јуу-ас ~ чув. јув-ас ~ туркм. а:γ-ас ~ др.-тюрк. уу-ас ~тув. үі-ас ~ в др. яз. ауас ~ауас ~тур. а:с 'дерево';

*дјуу-үт ~чув. uv-at- ~ як. у:t- ~yt- ~ в др. яз. at- 'бросать, стрелять';

*дјуу-үг ~ дјуу-үз ~ чув. s'uv-ar ~ туркм. ау-уд ~каз. aw-uz ~ хак. а:s ~ кирг. о:z ~алт. диал. u:s 'рот'.

2а. ијј > ие   е: > е
    и: > и

*рјј-ил ~туркм. bi:l ~як. bi:l ~ в др. яз. bel ~bil 'поясница';

*рјј-ил ~ рјј-иш ~чув. rij-il(ek) ~як. bies ~туркм. bā:š ~ в др. яз. peš ~piš ~peš ~beš ~biš ~bes 'пять';

*рјј-ир- ~ як. bier- ~ туркм. ba:г- ~ в др. яз. ber-/per- ~bir-/pir- 'давать';

*јј-ил ~як. siel- ~ в др. яз. jel- ~jil- 'бежать рысью';

*тіј-из ~як. ties ~туркм. ti:z ~ в др. яз. tez ~tiz 'быстро';

*кјј-ин ~як. kjeң ~ иең ~ туркм. gi:ң ~ i:ң ~ в др. яз. кең ~ең ~қиң ~иң 'широкий, ширина';

*ij-ig ~ туркм. dij- ~ як. die- ~ в др. яз. de-/te- ~ di-/ti- 'говорить, сказать';
 *jij-ig ~ др.-тюрк. jej (ср. jej-im 'пища') ~ туркм. jij- ~ ij- ~ як. sije- ~ в др. яз. je- ~ jej- ~ ji- ~ jij- (с вариантами) 'есть, кушать';
 *kij-iç ~ як. kiehe ~ туркм. gi:ç ~ в др. яз. keç/keş ~ kiç/kiş 'вечер'.

26. igi > ie $\begin{matrix} e: > e \\ i: > i \end{matrix}$

*rig-ig ~ як. iex- ~ туркм. a:g- ~ в др. яз. beg- ~ eg- ~ ig- 'гнуть';
 *çig-iç ~ (монг. çigig) ~ туркм. çig ~ в др. яз. çij 'сырой'.

3а. uvu > uo $\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$

*djuv-yq ~ як. suox ~ туркм. jo:q ~ в др. яз. joq ~ juq (с вариантами) 'нет';
 *tuv-yl ~ як. tuol- ~ туркм. do:l- ~ в др. яз. tol- ~ tul- 'наполняться';
 *ruv-yl ~ як. buol ~ в др. яз. bol/bul ~ pol/pul ~ ol 'быть';
 *tuv-yz ~ tuv-yg ~ монг. dabus(un) ~ davs(un) ~ чув. tuvar ~ як. tu:s ~ туркм. du:z ~ в др. яз. tuz ~ duz 'соль'.

3б. uyu > uo ~ ya $\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$

*djuv-yg ~ чув. juv-yg ~ як. yag ~ уйг. аууг ~ ног. awug ~ кирг. o:r ~ шор. a:r, o:r ~ алт. u:r 'тяжелый';
 *djuv-yl ~ (монг. jaɣulč'in ~ jɣulč'in) ~ як. suol ~ туркм. jo:l ~ в др. яз. jo:l ~ jul (с вариантами) 'путь';
 *djuv-yz ~ djuv-yg ~ чув. syvar ~ туркм. аууз ~ казах. awyz ~ хак. a:s ~ алт. u:s ~ кирг. o:z 'рот';
 *tuɣ-yg ~ (монг. toɣur(un) ~ туркм. to:r ~ в др. яз. tor ~ tur 'сеть';
 *buɣ-yg ~ чув. ruɣ ~ ruɣu ~ якут. buor ~ туркм. bo:r ~ в др. яз. bor ~ bur 'мел'.

4а. uvi > uo $\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$

tub-ir-t ~ чув. *tyvart ~ tyvatta ~ tyvata ~ (монг. ta:wen ~ tabun ~ taun ~ ~ tava) ~ як. tüort ~ туркм. düort ~ dö:rt ~ в др. яз. dört/dürt ~ tört/türt 'четыре' (ср. Porre, 1965, p. 179);

*kub-ik ~ чув. kuv-ak ~ як. küöx ~ туркм. gö:k ~ в др. яз. gök ~ kök ~ kük 'синий'.

4б. ügi > üö $\begin{matrix} ö: > ö \\ ü: > ü \end{matrix}$

*küg-il ~ *kub-il ~ чув. *kuv-al > küli ~ як. küöl ~ туркм. gö:l ~ в др. яз. göl ~ gül ~ köl ~ kül 'озеро';

*tüg-ıs ~ *tüb-is ~ як. tüös ~ туркм. dö:ş ~ в др. яз. töş/tös ~ tüş/tüs 'грудь';
 *süg-ik ~ süb-ik ~ як. üöx- ~ туркм. θö:k- ~ в др. яз. sök- ~ sük- 'браниться'.

III. В ауслауте

1. ay > aw > ya > o: ~u: > u

узб., хак. tay ~турк. day ~каз. taw ~як. tya 'лес';

кирг. to: ~тур. da: ~алт. tu: ~чув. tu 'гора';

узб. хак. say- ~каз. saw- ~як. ya- ~а:- 'донить';

хак. say ~каз. žaw 'падать (о дожде)';

уу > уј > ya > у:

туркм. јуу- ~хак. џуу- ~н.уйг. žiy- ~каз. žyj- ~кирг. džū:- ~алт. dju:- 'собирать';

ног. туq- ~хак. тuj 'втыкать'.

2. eg/ig > ij > ie ~e:(~e) ~i:(~i)

ккалп. ЮЗ. deg ~МК tig ~СС teg- tej ~ккалп. СВ tij- 'трогать, касаться';

туркм. ag- ~ног. eg- ~кирг. ij- ~як. iex- 'гнуть';

*jeg- ~др.-тюрк. jej- (ср. jej-im 'пища') ~jig- ~ккалп. džej- туркм. jij ~

*ij- ~як. sije- ~кирг. džē- ~каз. ži- ~в др. яз. je- ~ji- 'есть';

*teg- ~dig- ~ккалп. dij- ~туркм. dij- ~як. die- ~в др. яз. de-/di- 'говорить'.

3. oγ/uγ > uw > uo ~o: ~u:(~u)

toγ- ~tuγ- ~ккалп. каз. tuw- ~кирг. to:- ~алт. tu: 'родиться';

suγ ~ккалп. suw ~алт. su: ~в др. яз. su 'вода';

qoγ ~qow ~кирг. qo:- ~алт. qu:- 'гнать'.

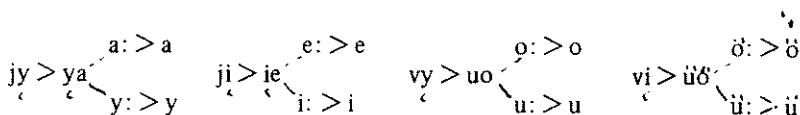
4. óg ~üg > új > üö ~ö ~ú: (~ü)

küg ~kúj ~kú: ~kö: 'слава'; üg > új 'дом'.

Из приведенных примеров на ашлаутные, ишлаутные и ауслаутные соответствия комплексов СГ, ГСГ, например типа чувашских ују (ájǎ), уву (ǎvǎ) и т.п., дифтонгам, затем долгим гласным и, наконец, полудолгим гласным можно сделать общий вывод о происхождении ишлаутных полудолгих гласных а ~у, о ~и, е ~і, ö ~ü (в отличие от кратких у, і, u, u) из долгих гласных, которые, в свою очередь, произошли из дифтонгов, а последние — из сочетаний СГ или ГСГ; ср., например, подобный процесс в следующих примерах: др.-тюрк. soγuq ~уйг. soγaq ~кюэрик. suaq ~алт. so:q ~куманд. soq 'холод, холодный'; др.-тюрк. söñük ~каз. süjek ~кюэрик. süäk ~алт. sö:k ~куманд. sök 'кость'; др.-тюрк. ógrǎn- ~каз. úgren- ~алт. ú:ren- ~üren- 'учиться'; др.-тюрк. oγul ~уйг. oγal ~як. uol ~тув. o:l ~алт. u:l ~каз., ккалп. ul 'сын'.

Закономерности перехода сочетаний ашлаутных ју, јі, ву, вј и ишлаутных ууу, іві, іјі, јју в долгие гласные, а затем в полудолгие а, е, о, ö, u, ü, у, і могуť пролить свет также и на происхождение двух основных типов вокализма тюркских языков — с одной стороны, вокализма в языках с доминирующим составом узких гласных (языки чувашский, татарский, башкирский, хакасский, а из древних языки болгарский и, отчасти, енисейско-орхонский), а с другой — вокализма в остальных тюркских языках, где узким полудолгим гласным і, u, u первых языков соответствуют широкие е, о, о, отсутствующие в первых, а в чувашском языке, в особенности в низовом его диалекте, замещение широких гласных узкими было еще более последовательным, так как во многих случаях замещался и а полу-

долгим узким у или u; ср., например, чув. руг- в. раг- 'идти', тугу в.м. тагу 'хлеб на корню', с'уг- в.м. јаз- 'писать', һугум в.м. қагум 'желудок', јуп в.м. қап 'кровь', һуг в.м. қаз 'гусь' (Владимирцов, 1924), причём Т.М. Матвеев (Матвеев, 1960) относит это явление, как и Т.Я. Владимирцов (Владимирцов, 1924), к древнейшей ступени развития чувашского вокализма. Итак:

Образование двух типов вокализма в тюркских языках объясняет нам: 1) характер вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского (у, і, у, ü, у, і, u, ü), сохранившегося не только в древних языках — болгарском и енисейско-орхонском, но и в современных языках: на западе — в чувашском, татарском и башкирском, а на востоке — в хакасском, северных диалектах алтайского языка и некоторых других тюркских языках Сибири, а также в качестве рефлексов, спорадически, в отдельных основах во всех остальных тюркских языках; 2) характер вокализма типа у, і, у, ü, а, е, о, ö в других тюркских языках.

Только фонетическим развитием анлаутных сочетаний согласных ј и w с гласными типа чув. ју (jā), ји (jē), ву (vā), ви (vē) можно объяснить наличие двух отличающихся друг от друга структур вокализма: 1) вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского типа, характеризующегося отсутствием широких гласных е, о, ö и замещением их узкими і, u, ü;

2) вокализма других тюркских языков, характеризующегося наличием широких гласных е, о, ö вместо узких полудолгих і, u, ü.

Структура вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского типа может быть представлена следующей схемой:

а (а, а)	у (ā, ы)	у (ы, ый)	о (ā ^о , о)	у (у, у)
е/ā' (е, э)	і (ē, е)	і (и, и)	ү (ē ^о , ө)	ü (ý, у)

В скобках даны знаки транслитерации на основе русского алфавита — на первом месте для чувашского и на втором — для татарского языков.

В чувашском (низовом диалекте), татарском и башкирском литературных языках в составе вокализма отсутствуют звуки о, ö. В татарском и башкирских языках звук ā' (э) соответствует в чувашском звуку е. Звуки ā' (э) в татарском и е в чувашском имеют более позднее происхождение в связи с влиянием либо соседних, либо других адстратных языков, а для татарского языка может быть и в связи с явлением палатализации согласных.

Структура вокализма других тюркских языков, например кыпчакского типа — казахского, ногайского, каракалпакского, имеет следующую схему:

	а (а, а)	у (ы, ы)	о (о, о)	ү (у, у)
ā' (э)	е (е, е)	і (и, и)	ö' (ө)	ü (у, у)

В скобках даны знаки транслитерации на основе русского алфавита —

на первом месте для ногайского и каракалпакского, на втором — для казахского.

В коренных словах отсутствуют звуки $y, i, u, \ddot{u}$ при наличии близких, но не совпадающих с ними $\check{y}, \check{i}, \check{u}, \check{\ddot{u}}$. Звук $\check{a}$ во всех указанных языках имеет более позднее происхождение в связи с влиянием арабского и иранских языков.

Различия в двух типах структур вокализма заключаются в отсутствии в первом типе гласных $e, o, \ddot{o}, a$ во втором — $i, u, \ddot{u}$. Соответствиями для $e, o, \ddot{o}$ второй структуры в первой структуре служат $i, u, \ddot{u}$. Этим, возможно, объясняется наличие одних и тех же знаков рунического енисейско-орхонского письма для гласных $o \sim u$ и $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ (Батманов, 1962, с. 54) и соответствие $i \sim e$ в языках этой письменности, например: $eki \sim iki$ 'два', $el \sim il$ 'народ', $elig \sim ilig$ 'рука', $et- \sim it-$ 'делать', $e\check{s}/es \sim i\check{s}$ 'товарищ', $jet- \sim jit-$ 'достигать', $te- \sim ti-$ 'говорить' (Малов, 1951, с. 17).

Последний период фонетического развития тюркских языков характеризуется развитием восьмиричной системы гласных фонем и, таким образом, полной дифференциацией всех гласных по трем основным дифференциальным признакам — подъему, палатализации и лабиализации, развитием двух типов вокализма — 1) $a, e, o, \ddot{o}, y, i, u, \ddot{u}$ и 2) $y, i, u, \ddot{u}, \check{y}, \check{i}, \check{u}, \check{\ddot{u}}$ и, вместе с тем, слабым по сравнению с предыдущим периодом развитием консонантизма.

Усложнение консонантизма произошло главным образом в связи с развитием лексики и терминологии, заимствованной из соседних неродственных языков. Процесс этот характеризуется фонематизацией звонких аллофонов основных фонем как в начальной, так и в конечной позиции: фонематизацией губного b , среднеязычных d, z , заднего g и, реже, аллофонов-спирантов: в начальной позиции — губного v и начальной и конечной позиции задних — x и h .

Таким образом, консонантизм тюркских языков третьего периода имеет следующий состав.

I. Для начальной позиции:

- 1) $[p (\sim b)]^1$; 2) $[m]^1$; 3) $[w (\sim v \sim f)]^1$; 4) $[v]^1$;
- 2) 1) $[t]^1$; 2) $[d]^1$; 3) $[j (\sim nj/tj/dj \sim \check{c}/d\check{z} \sim \check{s}/\check{z} \sim c/dz \sim s/z \sim s')^1$; 4) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim \check{s})]$; 5) $[\check{s}]^1$; 6) $[s]^1$; 7) $[z]^1$; 8) $[n]^1$;
- 3) 1) $[k (\sim g \sim q \sim \check{q})]^1$; 2) $[h (\sim 0)]^1$; 3) $[x]^1$.

II. Для конечной позиции:

- 1) $[p]^1$; 2) $[m]^1$; 3) $[w]^1$;
- 2) 1) $[t]^1$; 2) $[d]^1$; 3) $[j (\sim \theta/\delta \sim t/d \sim s/z \sim r)]^1$; 4) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim \check{s})]^1$; 5) $[\check{s} (\sim l)]^1$;
- 6) $[s (\sim z)]^1$; 7) $[r]^1$; 8) $[l]^1$; 9) $[n]^1$; 10) $[z]^1$;
- 3) 1) $[k (\sim g \sim q \sim x)]^1$; 2) $[\gamma]^1$; 3) $[\eta]^1$; 4) $[h]^1$.

Все согласные фонемы для данного периода дифференцированы соответствующим восьмиричным вокализмом, т.е. их позиционные особенности в отношении подъема, палатализации и лабиализации дифференцировались уже соответствующими гласными.

Процессы развития вокализма от моновокалической структуры к двухфонемной и позднейшей восьмифонемной структуре, характеризующиеся указанными выше закономерностями, были, по существу, аналогичными и для более позднего и современного структурного состава гласных тюркских языков.

Если сочетания комплексов, состоящих из двух узких гласных неполного образования (y, i), с интервокальным согласным в первые периоды развития вокализма реализовывались в дифтонгоиды и долгие гласные, а затем в нормальные а, е, о, ö в одних языках и у, i, u, ü — в других, сохраняя в языке отношения и дифтонговость и долгих гласных, то в более поздний период развития тюркских языков уже с восьмиричной структурой гласных те же процессы образования дифтонгоидов и долгих гласных продолжались вместе с процессами корнеобразования, т.е. с формированием новых, более поздних корневых морфем.

Иначе говоря, приведенные выше закономерности последовательного развития гласных не только сохранились как хронологические отношения каждой ступени древнейшего развития, но и продолжали реализовываться в современных языках в новых условиях восьмиричной структуры вокализма в той же последовательности: 1) более древние первичные сочетания типа ГСГ (ayy ~ egi, uyū ~ ügi), СГ (jy ~ yj) и ГС (yj ~ yy); 2) переход их в дифтонги типа як. ya/ie ~ uo/üö; 3) трансформация их в долгие гласные типа туркм. y:(~ yj), i:(~ ij), u:, ü:, a:, e:, o:, ö:; 4) превращение их в нормальные нередуцированные гласные а, е, о, ö, у, i, u, ü, например в современном алтайском языке.

Все эти процессы происходят и в последний, пятый период, т.е. в современных языках. В связи с этим представляется возможным не только гипотетически установить последовательность их развития, но и раскрыть природу и происхождение каждой из ступеней развития гласных и, в первую очередь, дифтонгоидов типа як. ya/ie, uo/üö и долгих гласных, а также становления всей восьмиричной системы тюркского вокализма и природы нормальных гласных а, е, о, ö в одних и у, i, u, ü — других языках.

Одной из сложных проблем тюркского вокализма, до сих пор не решенного единообразно, является проблема происхождения дифтонгов типа як. ya/ie; uo/üö, а также так называемых первичных долгих гласных, встречающихся в туркменском и некоторых других языках.

Существует много различных гипотез и теорий о происхождении как дифтонгов, так и долгих гласных в тюркских языках (Ligeti, 1938; Németh, 1938; Menges, 1938; Бишиев, 1963; Щербак, 1967), из которых ныне справедливо является господствующей теория, изложенная сначала В. Радловым (В. Radloff, 1882), а затем П. Пелью (Pelliot, 1925) и более конкретно развитая Л. Лигети (Ligeti, 1938). Сущность этой теории заключается в том, что как вторичные, так и первичные долгие гласные в тюркских языках образовались из стечения комплексов типа ГСГ, т.е. двух гласных с интервокальным согласным y, j, ç и более сильных их субститутов.

Развивая эту наиболее вероятную теорию образования дифтонгоидов и долгих гласных, отметим, что процессы стяжения и конкретизации при образовании долгих гласных, сохранившихся в современных тюркских

языках, хронологически были не одновременны. В каждом конкретном случае можно констатировать либо более древнее их образование либо более новое. Вместе с тем технологический процесс образования долгот был единообразным и общим как для более древнего, так и для более поздних периодов развития тюркского вокализма. Схематически эти процессы могут быть представлены в следующем виде.

I. В анлауте

[СГ] С > Г:С > ГС, например: чув. *vut* ~ як. *uot* ~ туркм. *o:t* > *ot* ~ *ut* в др. яз. 'огонь'; чув. *vun* ~ як. *uon* ~ туркм. *o:n* > *on* ~ *un* в др. яз. 'десять'.

II. В инлауте

1. С [ГСГ] С > СГ:С > СГС: чув. *kyv-ak* > туркм. *gö:k* > *gök* ~ *kük* ~ *kök* в др. яз. 'синий'; др.-тюрк. *qaγ-ar* ~ туркм. *ğa:r* > *qar* ~ *xar* в др. яз. 'снег'.

2. (С) [ГСГ] С > (С)Г:С > (С)ГС: чув. *yvat-* > як. *y:t-* > *at-* в др. яз. 'бросать, стрелять'; н.-уйг. *jaγ-ač* ~ *juγač* > кирг. *džyγ-ač* > чув. *juv-as'* > туркм. *a:γ-ač* > др.-тюрк. *yγač* ~ тув. *yj-aš* > тур. *a:č* 'дерево'.

III. В ауслауте

С[ГС] > СГ: > СГ, например: узб. *taγ* ~ туркм. *day* > як. *tya* 'лес' > кирг. *to:*, тур. *da:*, алт. *tu:* > чув. *tu* 'гора'; др.-тюрк. *toγ-* ~ *tuγ-* > каз. *tuw-* > кирг. *to:* ~ алт. *tu:* 'родиться'.

Следовательно, первичные долгие гласные в современных языках – туркменском, тувинском и проч., а также дифтонги типа *ya*, *ie*; *uo*, *üö* в якутском представляют собой ни что иное как следы сохранившихся ступеней фонологического развития тюркского вокализма, т.е. результаты стяжения комплексов согласных и гласных типа С[ГС], С[ГС-Г]С, [СГ]С – процессы, по существу, общие с образованием современных вторичных долгих гласных с той только разницей, что образование первичных долгих гласных относилось к более древнему периоду, причем образование их могло возникнуть в простых морфемах типа С[ГС, > Г:] (др.-тюрк. *sa:-* < [s(aγ-)] 'считать', *ba:-* < [b(aγ-)] 'связывать' и проч.), [СГ]С (например, як. *a:x-* [< (sa)γ-] 'считать', *a:l* [< (sa)l] 'плот'; як. *y:r*, туркм. *a:r* < н. уйг. [ha]r 'уствовать') и сложных морфемах, представляющих собой более позднее соединение и фузию двух и более простых морфем, из которых первая сохраняла реальное лексическое значение, а последующие грамматикализировались в аффиксальные морфемы, например типа С[ГС-Г:]: *ta:m* [< t(aγ >) a: m] 'стена', *qa:r* [< q (aγ-a:) r] 'снег', типа С[ГС-Г]С > (С) [ГС-Г]С: як. *yas* [< (saγy-ya) s] 'сера', хак. *a:s* ~ кирг. *o:z* ~ алт. *ü:s* (< чув. *s'av-ar* ~ туркм. *aγ-yz*) 'рот'; шор. *a:r* ~ кирг. *o:r*, алт. ~ *u:r* (< чув. *juv-ar* ~ ног. *aw-yr*) 'тяжелый'.

Для более позднего состояния имело место превращение долгих гласных либо в краткие, что характерно для большинства тюркских языков, не имеющих так называемых "первичных долгих гласных", либо в комплексы С[ГСГ]С > СГСГ ~ (С)ГСГ, что характерно для некоторых тюркских основ, например: н.-уйг. *teri-* < туркм. *ti:r-* 'собирать урожай'; алт. *aγ-* < туркм. *a:r-*, як. *y:r-* 'уствовать'; тув. *ögü* < туркм. *ö:r* ~ в др. яз. *ög-* 'плести'; кирг. *uju* < туркм. *u:j-* 'следовать за кем-либо' и проч.,

возможно, и для некоторых общих с тюркскими, монгольских основ (например, монг. köke < туркм. gö:k, чув. кувак 'синий', голубой', монг. aba < туркм. a:w 'охота'), но не обратное явление, как предполагал К. Менгес (Menges, 1938), так как в монгольском образования типа köke 'синий' были более поздними, чем долгие гласные в тюркских языках.

Однако процессы образования в тюркских языках долгих гласных имеют свою периодизацию в отношении способов их образования от наиболее древнего периода, когда долгие гласные образовались от сочетания первичных узких редуцированных гласных у, і, ы, ü в стяжении с соответствующими согласными, к среднему периоду образования из сочетаний как узких редуцированных, так и соответствующих широких гласных а, е, о, ö (образование так называемых современных "первичных долгих") и, наконец, к третьему периоду образования современных так называемых вторичных долгих гласных.

В древнейший период образования долгих гласных последние представляли собой сочетания согласных и гласного либо в начале морфофонемы по типу СГ > Г:, либо в конце - ГС > Г:, либо при сочетании морфофонем - в средние, по типу СГС + СГС > С [ГС (С) Г] С > СГ:С; при этом гласный элемент соответствовал реализации одного из узких редуцированных у, і, ы, ü, которые в сочетании с согласными и образовывали соответствующие долгие, позже превратившиеся в одних языках в нередуцированные широкие гласные а, е, о, ö, в других - в полудолгие у, і, ы, ü через ступень дифтонгов, т.е. по схеме:

$$\begin{array}{l} \text{C}y > ya \begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases} \\ \text{C}i > ie \begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases} \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{C}y > yo \begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases} \\ \text{C}ü > yö \begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases} \end{array}$$

Можно предположить, что первоначально соотношение системы нередуцированных гласных, т.е. системы у, і, ы, ü, и системы а, е, о, ö при наличии в той и другой системах общих редуцированных гласных у, і, ы, ü было неустойчивым, что, например, характерно для древнетюркских языков и, в частности, языка енисейско-орхонских надписей, где гласные а ~ у, е ~ і, о ~ ы, ö ~ ü замещали друг друга.

В более поздний, пятый, период та или другая система нередуцированных гласных, т.е. широкие а, е, о, ö и полудолгие у, і, ы, ü, закрепилась бы за определенными языками и, таким образом, в одних из них восьмеричная система вокализма устанавливалась бы в составе а, е, о, ö, у, і, ы, ü (для большинства тюркских языков), в других же - в составе а ~ у, і, ы, ü, у, і, ы, ü, например в современном татарском и башкирском языках.

При становлении и закреплении той или другой системы вокализма происходила некоторая интерференция между этими системами, образуя чередования таких, например, гласных, как у ~ а, сохранившихся во многих тюркских языках в единичных случаях, например в карачаево-балкарском, в других же - довольно регулярно, например в чувашском, якутском, тувинском, тофаларском, кумандинском и проч., а также в древних языках - в языке тюркутов (огузов), чигиль и аргу (по Махмуду Кашгарскому).

Соответствие у ~ а вызвано было, видимо, тем, что языки, имевшие систему гласных, состоящую из редуцированных у, i, u, ü и нередуцированных полудолгих у, i, u, ü, в которых гласный у был результатом стяжения СГ > уа > а: > а (или > у: > у) и соответствовал в языках, имевших систему из редуцированных у, i, u, ü и нередуцированных а, е, о, ö, гласному а, что и вызвало вибрацию у ~ а.

Вместе с тем отдельные тюркские языки независимо от системы гласных сохранили дифтонги типа уа, ie, уо, üö или долгие гласные, частично развившиеся позже в нередуцированные а, е, о, ö или у, i, u, ü, а частично сохранившиеся в виде первичных долгих гласных, как это имеет место и в процессах, характерных для более позднего периода; ср., например: *зүү-уп- > туркм. су:п- > в др. яз. сун- 'ломаться' или чув. кув-ак > туркм. го:k > kök > күк 'синий'.

Соответствие у ~ а, т.е. сохранение узкого нередуцированного у или и вместо широкого а, как отмечалось выше, наиболее характерно для у-языков: чувашского, якутского, тувинского, тофаларского, кумандинского и некоторых других в отличие от прочих а-языков (ср.: Eren, 1942), например:

чув.	хут ~ в др. яз.	qata-	'твердеть'
	хут-а-	qat-уу	'твердый'
	пу-	bar-	'идти'
	ылтын	altyn	'золото'
	тымар	tamyr	'жила'
	тыру	taryу	'зерно, хлеб'
	ур-	ar-, a:r-	'установить'
	yt-	at-	'стрелять'
	s'yt-(ar)	jat-džat-,	'лежать'
		čat-	
	tyt-	tart-	'тянуть'
	s'yr-	jaz-	'писать'
	пул	bal	'мед'
	хуг-ум	qaryn	'живот'

чув.	хут ~ в др. яз.	qat	'слой'
	хур-ап	qajyn	'береза'
	хум-уш	qamuš	'камыш'
	sux-al	saqal	'борода'
	пу-	baš,bas	'голова'
	čur-	čar-	'бежать'
	put-	bat-	'тонуть'
	s'uxa	jaqa	'воротник'
	ulty	alty	'шесть'
	ut-aj	ad-ym	'шаг'
	us'-	ač-, aš-, as-	'открывать'

як.	ул-	al-	'взять'
	уј	aj	'месяц'
	урт-	art-	'навьючивать'
	пух-	baq-	'смотреть'
	тын	tan	'заря'

	tyj	taj	'жеребенок'
	yt-	at-	'стрелять'
тув.	čyt-	čat-, jat-, džat-	'лежать'
	tyrt-	tart-	'тащить'
	tur-	tap-	'находить'
	qylyp	qalyn	'толстый'
	čuryq	jaryq	'свет'
	duryaq	taraq	'гребень'
куманд.	yq-	aq-	'течь'
	djyla-	jala-	'лизать'
	djuu	jau	'жир, сало'
	djyt-	jat-	'лежать'

Соответствие у ~ а, например в северных диалектах алтайского языка, распространяется и на аффиксы словообразования и словоизменения: -lyr в м. -lar — аффикс мн. числа; -duj в м. -daj — аффикс уподобления; -lyq в м. -laq — аффикс местонахождения и проч.

Из других процессов развития гласных фонем, кроме процесса их фонематизации от одной гласной фонемы к двум фонемам, различающимся по дифференциальному признаку тембра (подъема) и к восьми фонемам, обусловленным лабиализацией и палатализацией, т.е. сингармонизмом всей основы и развитием из комплексов [СГ]С ~ С[ГСГ] ~ С[ГС] дифтонгов и долгих гласных, а затем образованием двух типов систем вокализма с узкими полного образования и с широкими полного образования, отметим следующие частные процессы, характерные для более поздних периодов развития тюркских языков и представляющие собой результат влияния субстратных и адстратных языков: 1) наличие специфических гласных в некоторых языках — ä(ə) и â; 2) делабиализация; 3) депалатализация, 4) фарингализация и 5) умлаут.

Наличие гласного ä(ə) ограничено несколькими тюркскими языками, в вокалической системе которых этот звук появился в результате деформации общетюркского вокализма под влиянием главным образом иранского субстрата. К этим языкам относятся из огузских языков азербайджанский и гагаузский, из карлукских — уйгурский и узбекский, из кыпчакских — татарский и башкирский. В некоторых языках этот звук весьма ограничен либо употреблением в заимствованных словах, сложных словах, состоящих из двух основ с различным рядом гласных, например в казахском, каракалпакском, ногайском и крымско-татарском, либо использованием как результата стяжения дифтонга или субститута долгого гласного, например в туркменском. В остальных языках ä(ə) как самостоятельная фонема — отсутствует.

Что касается гласного â, то он характерен для узбекского языка (как влияние иранского субстрата) и для татарского и башкирского языков, в которых появление этого звука объясняется, как и наличие ä(ə), иными причинами (Богородицкий, 1934).

Явление делабиализации в отношении гласных третьего ряда (ö > e, ü > i) встречается оказаноально как в кыпчакских, так и огузских язы-

ках, например: туркм. *tepe* 'холм', в др. яз. *töbe*; ккалп. *eški* 'коза', в др. яз. *öski* ~ тув. *öskü* ~ хак. *öski*; ккалп. *düz-* 'составлять, нанизывать' ~ алт. *tis-*; ккалп. *turna* ~ *tyrna* 'журавль', *byzaw* ~ *buzaw* 'теленок'. Особенно последовательно оно выражены в галицко-луцком диалекте караимского языка, например: *berī* 'волк', в др. яз. *bögrü*; *el-* 'умирать', в др. яз. *öl-*; *et* 'желчь', в др. яз. *öt*; *kin* 'день', в др. яз. *kün* ~ *gün*; *ic* 'три', в др. яз. *üć* ~ *üš* (Баскаков, 1970).

Делабиллизация, безусловно, прежде всего связана с влиянием соседних языков и не является характерной для общей типологической характеристики тюркских языков. К подобным фонетическим закономерностям, не оказавшим значительного воздействия на общие процессы развития тюркского вокализма, может быть отнесена депалатализация гласных, ср., например: як. *tyl* ~ тув. *dyl* 'язык', в др. яз. *til* ~ *dil*; тур. н.-уйг. *ješil* 'зеленый', в др. яз. *jašyl* ~ *džasyl*; тур. *jeni* 'новый', в др. яз. *jaŋu* ~ *jaŋu* (Дмитриев 1955).

Нетипичным для тюркских языков является также фарингализованные гласные, встречающиеся в тофаларском (Рассадин, 1971), тувинском языках (Сат 1966), которые объясняются исследователями этих языков влиянием кетского или самодийского и которые, однако, слабо противопоставлены нефарингализованным гласным.

Специфическими закономерностями сингармонизма, с одной стороны, и редукции гласных, с другой, что иногда смещивается фонологами (Виноградов, 1970), характеризуется современный уйгурский язык. Особенностью сингармонизма этого языка является наличие особой закономерности обратного влияния узкого индифферентного *i* в конечной позиции двусложного слова на широкие гласные первого слога (*a*, *ä*), которые в словах с передними гласными дают *ä* > *e*, например; *käl-iš* > *kel-iš* 'приход', а в словах с задними гласными – *a* > *e* и определяют всю основу слова, т.е. и гласные и согласные, например: *al-iš* > *el-iš* 'взятие'. Более сложные закономерности связаны с обратной губной гармонией: узкие *u*, *ü*, губные гласные второго слова, огубляют негубной корневой морфемы первого слога, например: *ač-uq* > *oč-uq* 'открытый', *jäjdür* ≅ *jädür* > *jöjdür* ~ *jödür* 'кормить'.

Другая закономерность – закон редукции гласных, который связан не с сингармонизмом, как предполагают некоторые исследователи, а со структурой ударений в слове – второстепенных и главного, заключается в том, что широкие гласные *a* и *ä*, попадая в безударную позицию, редуцируются и переходят в узкие *i* или *u* ~ *ü*, например: *kemä* – *kemi-lä* (r) 'лодка – лодки'; *harva* – *harvu-la* (r) 'арба – арбы'.

Закономерности эти характерны для уйгурского языка и некоторых диалектов узбекского языка и, по-видимому, объясняются влиянием иранского субстрата.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНСОНАНТИЗМА

Процессы развития согласных, как и гласных, для разных тюркских языков не одновременны. Одни языки до настоящего времени имеют архаичный консонантизм, другие языки под влиянием субстратных и адстратных языков приобрели особые, специфические черты, отличающих

их от других тюркских языков. Для установления закономерностей развития консонантизма рассмотрим последовательно все существующие соответствия согласных в анлауте, инлауте и ауслауте в отношении передних согласных (губных), средних (передне- и среднеязычных) и задних (заднеязычных, фарингальных).

Общей закономерностью развития согласных фонем можно считать процесс фонематизации существовавших в более ранние периоды развития консонантизма аллофонов ранее выделившихся фонем, т.е. превращение аллофонов в самостоятельные фонемы. Развитие это происходило, как правило, не для всех типов согласных последовательно — сначала в виде соноризации, затем спирализации и, наконец, вокализации (озвончения), т.е. в первую очередь шло развитие в самостоятельные фонемы аллофонов сонорных, затем аллофонов-спирантов и, наконец, аллофонов звонких согласных, причем процессы фонематизации аллофонов были специфичны для различных типов согласных, а также для различных их позиций в корневой морфеме и слове, т.е. в начале, конце или середине слова.

ПЕРЕДНИЕ (ГУБНЫЕ) СОГЛАСНЫЕ

В наиболее ранний период губные согласные были представлены только одной фонемой [p] с соответствующими аллофонами, как для анлаута, так и для ауслаута, т.е. имели следующий состав аллофонов:

I. [p (~ b ~ f/v ~ w ~ m)].

Следы фонематического неразличения всех этих аллофонов, представляющих одну губную фонему в наиболее ранний период развития консонантизма тюркских языков, сохранилась в современных языках и диалектах в анлауте некоторых слов в отношении аллофонов [p] ≈ [b] ~ [m]. Так, например, соответствие p ~ b ~ m в аунлауте сохранилось в следующих языках:

с.-юг. *perək*, хак. *pözük*, *pözük*, шор. конд. *pöjik* ~ в большинстве яз. *büjuk*, *bijik*, *bejik*, др.-тюрк. *bedük*, тув. *bedik* ~ шор. мраск. *mözük*, *mözäk* — в общем значении 'высокий';

хак. *pü:t*, *pö:t*, алт. *pöru*, *bögu* ~ в большинстве яз. *börü* ~ *bürü ~ ~ куманд. *möge*, черн. тат. *mögü*, *mügö* — в общем значении 'волк';

алт. *palta*, *balta* ~ в большинстве яз. *balta* ~ черн., куманд., чул. *malta*, хак. *malty*, *palty* — в общем значении 'топор';

алт. *polot*, *bolot* ~ в большинстве яз. *bolat*, *bulat*, *bolot* ~ хак. *molot*, *molat* — в общем значении 'сталь'. Ср. также: тур., гаг. *ben 'я'*, кр.-тат. *bin 'тысяча'* ~ в большинстве яз. *men~män~min 'я'*, кар. *min*, кум. *кбалк.*, узб. *min*, ног., каз. *туң 'тысяча'* и проч.

В конечной позиции в корневой морфеме эти соответствия отсутствуют. Это свидетельствует о том, что дифференциация шумных и сонорных передних (губных) согласных представляет собой наиболее древнее явление.

Второй период в развитии губных согласных в анлауте и ауслауте характеризуется выделением в самостоятельные фонемы сонорных аллофонов [m], [w]. Дифференциация шумных (проточных и взрывных звонких и глухих) аллофонов [p (~ b ~ f/v)], содной стороны, и сонорных [m] и [w] — с другой, обусловила появление уже трех самостоятельных губных фонем:

II. 1. [p (~b ~f/v ~w)]; 2. [m]; 3. [w].

Этот состав фонем еще совсем недавно был характерен для некоторых современных тюркских языков, например алтайского, где при наличии этих трех фонем, четко различаемых в языке, до самого последнего времени не было фонематической дифференциации таких звуков, как p/b ~ f/v ~ w, и только позже, в результате значительного количества лексических заимствований из русского языка звуки [p], [b], [f], [v] фонематизировались, т.е. получили статус самостоятельных смыслоразличительных фонем.

Таким образом, для второго периода развития губного консонантизма тюркских языков была характерна соноризация и спирализация, т.е. выделение в самостоятельные фонемы сонорного аллофона [m] и спиранта w, противопоставленных шумным (проточным и взрывным) аллофонам фонемы [p (~b ~f/v)]. Ср., например, слова, в которых фонемы [p (~b ~f/v)] и [m] дифференцированы: maq 'хвала'; maqta 'хвалить' и baq 'ухаживать, смотреть за к.л.'; maj 'жир, масло' и baj 'богатый' и проч., или в ауслате в кыпчакских языках: tap- 'находить' и taw 'гора', sar 'рукоятка' и saw 'здоровый; донтъ' и проч.

Третий период развития губных согласных в ауслате характеризуется дальнейшей спирализацией, т.е. выделением в самостоятельные фонемы аллофонов-спирантов v/f. К этому процессу следует отнести фонематизацию, с одной стороны, взрывной согласной фонемы [p (~b)] и сонорной [m], а с другой — проточных согласных [w (~v)] и [v]. Таким образом, в третий период в состав губных согласных фонем входит уже четыре фонемы:

III. I. [p (~b)]; 2. [w (~v)]; 3. [m]; 4. [v].

Следы процесса спирализации, т.е. выделения в самостоятельную фонему спирантов [w (~v)], [v], противопоставленных взрывному согласному [p (~b)] и сонорному [m], сохранились в следующих языках: b/p — ber- ~ per- 'давать', bar ~ par 'есть, имеется' в большинстве языков; v — ver- 'давать', var 'имеется' в огузских (турецком, азербайджанском) языках; m — maj 'масло', baj 'богатый'.

Характерной для тюркских языков закономерностью в отношении соответствия [p (~b)] ~ [w (~v)] в ауслате является также соответствие [p (~b)] ~ [w (~v)] ~ 0, т.е. ослабление переднего (губного) согласного и его исчезновение; ср., например, в кыпчакских и в некоторых других языках bol- ~ pol- 'быть, стать' ~ огузск. (турецкий, азербайджанский) ol- в том же значении; ср. также соответствие по различным тюркским языкам: böl- ~ bül- > öl- ~ ül- 'делить'; baqur- > aqur 'кричать'; bod ~ bođ ~ boj > öz 'сам' и проч. (Баскаков, 1979).

Результатом процесса фонематизации [v], т.е. превращения данного аллофона в самостоятельную фонему, можно считать также чувашский этимологический согласный [v], сохранившийся как субститут более сильных согласных, например: чув. vut ~ в др. яз. vot ~ ot ~ ut 'огонь'; чув. vup ~ vupa ~ в др. яз. von ~ o:n ~ on ~ un 'десять'; чув. vil- ~ в др. яз. ^uöl- ~ ^wöl- ~ öl- ~ ül- 'умереть'. К процессу фонематизации спирантов-аллофонов [v], [w] в ауслате корневых морфем следует отнести все соответствия, относящиеся к закону Рамстедта-Пелью, т.е. соответствия [p (~b)] ~ [v(w ~ f)] ~ [h] > 0.

В конечной позиции в корневой морфеме соответствие $[p(\sim b)] \sim [v(\sim w \sim f)]$ встречается редко; ср., например $t\ddot{a}f \sim t\ddot{a}v \sim t\ddot{a}r$ 'хитрость' и проч. (Рясянен, 1955, с. 149).

Наконец, к четвертому и пятому периодам развития передних (губных) согласных в анлауте и ауслауте корневых морфем следует отнести процесс выделения в самостоятельные фонемы глухих и звонких аллофонов, т.е. фонематизацию аллофонов $[p]$, $[b]$, $[v]$, $[f]$. Таким образом, эти периоды характеризуются наличием шести самостоятельных губных согласных фонем:

IV-V. 1. $[p]$, 2. $[b]$, 3. $[v]$, 4. $[w]$, 5. $[f]$, 6. $[m]$.

Фонематизация глухих и звонких аллофонов передних (губных) согласных является позднейшим процессом, возникшим в тюркских языках в связи с массовым заимствованием лексики из неродственных языков (арабского, персидского, русского). До самого позднего времени для тюркских языков согласные $[p]$ и $[b]$, а также $[f]$ и $[v]$ не были фонематическими, т.е. не имели смыслоразличительной функции. В одних языках, где господствующую функцию выполнял аллофон $[p]$, в связи с заимствованием иноязычных слов со звонким согласным $[b]$, а также с $[f]$ и $[v]$ самостоятельное значение фонем, получили как $[p]$, так и $[b]$, $[f]$, $[v]$ в других же языках, где господствующую функцию выполнял аллофон $[b]$, в связи с заимствованием слов с глухим $[p]$, а также с $[f]$ и $[v]$ самостоятельное значение фонем получили аллофоны как $[b]$, так и $[p]$, $[f]$, $[v]$. Ср., например:

1. $[p]$: paj 'пай, доля'; pes 'проказа'; pul 'деньги';
2. $[b]$: baj 'богатый'; $bes \sim be\check{s}$ 'пять'; bul 'этот';
3. $[v]$: $vaza$ 'ваза'; vuz 'вуз';
4. $[w]$: $waq \sim waqt$ 'время'; wat 'размельчать'; waj 'ай, ой';
5. $[f]$: $faza$ 'фаза'; $f\ddot{a}n$ 'наука';
6. $[m]$: maj 'жир, масло'; maq 'хвала'; muz 'лед' и пр.

Таковы основные процессы эволюции аллофонов в самостоятельные фонемы для передних (губных) согласных.

Что же касается таких явлений в тюркских языках, как палатализация $[p']$, $[b']$, например в караимском языке, или придыхательность $[p^h]$ в тувинском, тофаларском языках, то эти особенности в отношении передних (губных) согласных относятся к более новым явлениям, которые объясняются воздействием соседних адстратных языков, в первом случае славянских, а во втором, может быть, — китайского.

Схема развития фонемного состава передних (губных) согласных в тюркских языках:

В анлауте

- I. 1. $[p(\sim b \sim v \sim w \sim f \sim m)]$
- II. 1. $[p(\sim b \sim v \sim w \sim f)]$; 2. $[m]$; 3. $[w]$
- III. 1. $[p(\sim b)]$; 2. $[m]$; 3. $[w(\sim v \sim f)]$; 4. $[v]$
- IV-V. 1. $[p]$; 2. $[b]$; 3. $[v]$; 4. $[w]$; 5. $[f]$; 6. $[m]$

В ауслауте

- I. 1. $[p(\sim b \sim v \sim w \sim f \sim m)]$
- II. 1. $[p(\sim b \sim m \sim w \sim v \sim f)]$ 2. $[m]$; 3. $[w]$
- III. 1. $[p(\sim b \sim m \sim v \sim f \sim w)]$; 2. $[m]$; 3. $[w/v]$; 4. $[v]$
- IV-V. 1. $[p]$; 2. $[b]$; 3. $[v]$; 4. $[w]$; 5. $[f]$; 6. $[m]$

К средним согласным относятся согласные зубные, переднеязычно-небные и среднеязычно-небные.

Развитие этих согласных характеризуют более сложные процессы, хотя последовательность фонематизации аллофонов остается общей с передними (губными) согласными, — сначала дифференциация аллофонов реализовалась в их соноризации, т.е. появлении соответствующих сонорных фонем, затем спирализации, т.е. фонематизации спирантов, и вокализации, т.е. фонетизации глухих и звонких аллофонов.

Вместе с тем развитие средних согласных во многих отношениях имеет свои особенности. Так, если для передних (губных) согласных процессы фонематизации аллофонов были в основном общими для анлаута так и для ауслauta корневой морфемы, то в отношении средних согласных, как состав — фонем, так и их развитие для анлаута и ауслauta, были различны. В связи с этим анализ состава фонем в начальной позиции в корне и в его конце следует производить отдельно.

Начальная позиция в корневой морфеме

В наиболее ранний, первый, период своего развития средние согласные в анлауте были представлены только четырьмя фонемами: 1. [t (~ d)]; 2. [nj (~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0] 3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č (~ š ~ s ~ s')].

Каждая из четырех фонем реализовалась в конкретных языках и диалектах несколькими аллофонами, вариативность которых сохранилась в современных тюркских языках, например:

1. [t (~d)]:

1) t: узб. tay ~ каз. taw ~ алт. tu; to; 'гора'; в большинстве яз. til ~ тув. dyl 'язык';

2) d: туркм., азерб., гаг., тур. day 'гора', dil 'язык';

2. [nj (~ j ~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0):

1) nj: алт. диал. njaan 'большой'; njan 'бок'; njeñil 'легкий';

2) tj/dj: алт. djol/tjol 'дорога'; djaan/tjaan 'большой'; djyl/tjyl 'год';

3) č: тув., хак., куманд. čol 'дорога'; čer 'место, земля';

4) dž: кирг. džol 'дорога'; džer 'земля, место';

5) c: бараб., чул. col 'дорога'; cer 'земля';

6) dz/z: кбалк. dzol ~ zol 'дорога'; dzer/zer 'земля';

7) s: кызыл. šol 'дорога'; šer 'земля';

8) z: каз. žol 'дорога'; žer 'земля';

9) s: як. suol 'дорога'; sir 'земля';

10) s': чув. s'ul 'дорога'; s'ir 'земля';

11) j: в большинство яз. jan 'бок'; jeñil 'легкий'; jyl 'год'; уйг. 'жууаč 'дереву'; жуула- 'плакать';

12) 0: гаг. il 'год', туркм. аула- 'плакать', кбалк. ахшү 'хороший'.

3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]:

1) s: в большинстве из suy ~ suw ~ su 'вода'; sal 'плот'; süт 'молоко'; söz 'слово';

2) θ: туркм. θөд 'слово'; θuw 'вода'; θüt 'молоко';

3) h: башк. huw 'вода'; hal 'плот'; hüt 'молоко'; höb 'слово';

4) 0: як. u: 'вода'; a:l 'плот'; üüt 'молоко'.

4. [č (~ š ~ s ~ s')]:

1) с: в большинстве яз. čuq- 'выходить'; čar- 'рубить'; аč- 'открывать'; küč 'сила';

2) š: каз. ног. šuq- 'выходить'; šar- 'рубить'; аš- 'открывать'; küš 'сила';

3) s: башк. хак., як. suq- 'выходить'; sar- 'рубить'; as- 'открывать'; küs ~ küis 'сила';

4) s': чув. s'ar- 'бить'; s'üs 'волосы'.

Второй период в развитии средних согласных в анлауте характеризуется прибавлением сонорного согласного [n] и спиранта [s]. Таким образом, состав согласных анлаута корневых морфем определяется для данного периода следующими шестью фонемами:

II. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ nj/dj/tj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0)];

3. [s (~ h ~ 0)]; 4. [č (~ š ~ s ~ s')]; 5. [š]; 6. [n].

Каждая из фонем реализовалась в соответствующих аллофонах, вариативность которых сохранилась в современных языках и диалектах в тех же соответствиях, что и в предыдущий период.

Характерной для данного периода особенностью является фонематизация в анлауте сонорного [n] и спиранта [s] отчасти в связи с древними заимствованиями из субстратных и адстратных языков, ср., например:

1. [š]: др.-тюрк. šaš- 'сбиваться с пути, отклоняться, заблуждаться'; šuš 'опухоль; пухнуть'; šul 'тог'; šad (др.-тюрк. < согд.) — один из высших титулов; širä < монг. 'стол'.

2. [n] др.-тюрк. и в др. яз. ne 'что'; neç 'вещь, предмет, дело'; pökär ~ pökür (др.-тюрк. < монг.) 'дружи́нник, воин'; pot (др.-тюрк. < согд.) 'учение, книга'.

Третий период в развитии консонантизма в анлауте корневых морфем характеризуется наличием уже восьми самостоятельных фонем:

III. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [j]; 8. [n].

Каждая из восьми фонем в анлауте современного тюркского языка имеет уже дифференцированное значение; ср., например, в каракалпакском языке:

1. [t]: til 'язык'; tar 'узкий';

2. [d]: dill 'сердце'; dar 'виселица';

3. [č]: čaj ~ šaj 'чай'; çek 'чек';

4. [š]: šaq 'время', šoq 'веселый';

5. [s]: sat- 'продавать'; ser 'внимание';

6. [z]: zat 'вещь'; zer 'позумент';

7. [j]: još 'вдохновение', jod 'йод';

8. [n]: naz 'каприз'; nap 'хлеб'.

Наконец, четвертый и последний период характеризуется полным развитием всех средних согласных фонем, состав которых в анлауте с фонематизацией глухих и звонких аллофонов определяется 12 фонемами:

IV. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [ž]; 8. [c]; 9. [j]; 10. [r]; 11. [n]; 12. [l].

Фонемы [ž], [c], [r], [l] не характерны для начальной позиции тюркских слов, это заимствованные согласные, вошедшие в фонемный состав в связи с заимствованием лексики из персидского, арабского и русского

языков; ср., например: žurnal 'журнал', žargon 'жаргон'; centr 'центр', sex 'цех', cirk 'цирк'; radio 'радио', radius 'радиус', rajon 'район'; lal 'рубин', limon 'лимон'.

Согласные [ʒ] и [c] как аллофоны древней фонемы [nj (~ tj/dj ~ ~ ž/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0)] встречались в анлауте в различных языках и диалектах также и до их фонематизации, т.е. до развития их в самостоятельные фонемы, встречающиеся, правда, только в заимствованных словах.

Конечная позиция в корневой морфеме

В первый, наиболее ранний период развития средних согласных в ауслауте состав их определяется восемью фонемами:

1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ)]; 6. [l]; 7. [n]; 8. [r].

Большинство из представленных фонем реализовались несколькими аллофонами, вариативность которых сохранилась в современных языках и диалектах; ср., например:

1. [t (~ d)];

1) t: каз. et-ik 'сапог'; чар. ot-ay ~ узб. ot-aw 'хижина, палатка';

2) d: тур. äd-ik ~ id-ik, алт. öd-ük 'сапог'; тур. od-a, конд. o: d-aq 'комната, место стоянки';

2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ α/s...)]:

1) j: в большинстве яз., qoj-ставить'; aj-aq 'нога'; quj-ruq 'хвост'; rij-ik ~ bij-ik ~ büj-ük ~ bej-ik 'высокий'; qaj-уң, 'береза';

2) r: чув. хиг-'ставить'; иг-а 'нога'; хиг-е 'хвост'; с.-юг. рег-ик 'высокий'; хуг-уң 'береза';

3) d: др.-тюрк. qod-'ставить'; др.-тюрк., тув. ad-aq 'нога'; др.-тюрк. qud-ruq, тув. qud-ruq 'хвост'; др.-тюрк. bed-ük, тув. bed-ik, як. böd-öq 'высокий, большой'; тув. хад-уң 'береза';

4) t: др.-тюрк. qot-'ставить'; як. at-ax 'нога', хат-уң 'береза';

5) δ: др.-тюрк., ср.-тюрк. ad-aq 'нога'; др.-тюрк. qod-'ставить', qud-ruq 'хвост', bed-ük 'высокий', qad-уң 'береза';

6) z/s: хак., шор. qoz- ~ qos-'ставить', az-aq 'нога'; хак. qaz-уң 'береза'; хак., ср.-чул. quz-ruq 'хвост'; хак. roz-uk, шор. мрас. möz-ük ~ müz-ük, с.-юг. rez-ik, чув. руз-ук 'высокий'.

Соответствие j ~ d ~ t ~ δ широко зафиксировано для древнетюркских языков, ср., например: tyj- ~ tyd- ~ tyt- ~ tud- 'задерживать, препятствовать', sij- ~ sid- ~ sit- ~ sid- 'мочиться', а также близкие по значению корневые морфемы šuj- ~ sud- ~ sut- ~ sub 'плевать' и syt- 'выжимать'.

3. [č (~ š ~ s)]:

1) č: узб. и др. яз. aç-'открывать', küč 'сила', üč 'три';

2) š: каз., ног. aš-'открывать'; küš 'сила'; üš 'три';

3) s: башк. as-'открывать'; күs 'сила'; үs 'три'.

4. [š/s (~ l)]:

1) š/s: в большинстве яз. daš ~ taš ~ tas 'камень'; quš ~ qus 'зима'; ešik ~ esik ~ išik 'двери'; др.- (тюрк. teš- ~ tes- 'протыкать';

2) l: чув. šul 'камень'; xil 'зима'; alyq 'двери'; др.-тюрк. tel-'сверлить, бурить'.

5. [s(~ z ~ δ)]:

1) s: алт. *qys* 'девушка'; *kös* 'глаз'; *as* 'мало'

2) z: в большинстве яз. *quz* 'девушка'; *köz* ~ *göz* 'глаз'; *az* 'мало';

3) δ: туркм., башк. *quδ* ~ *quz* 'девушка'; *göd* ~ *küδ* 'глаз', *ad* 'мало'.

Общими для всех тюркских языков а ауслaute корневых морфем являются для данного периода фонемы [l], [n] и [r]: *qol* ~ *qul* 'рука'; *kel* ~ *gel* ~ *kil* 'приходить'; *öl* 'умирать'; *kün* ~ *gün* 'день'; *tün* 'ночь'; *kör* ~ *gör* ~ *kür* 'видеть'; *tur* ~ *dur* 'стоять' и проч.

Во второй период конечные средние согласные получили дальнейшее развитие в том же составе согласных первого периода, но с добавлением звонкой фонемы [z]:

II. 1. [t(~ d)]; 2. [j(~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č(~ š ~ s)]; 4. [š(~ l)]; 5. [s(~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z],

В третий период состав средних фонем в ауслaute остался неизменным, но добавилась фонема [d].

III. 1. [t(~ d)]; 2. [j(~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č(~ š ~ s)]; 4. [š(~ l)]; 5. [s(~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z]; 10. [d].

В последние четвертый и пятый периоды состав средних согласных фонем в ауслaute характеризуется 12 фонемами:

IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [j(~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 4. [č(~ š ~ s)]; 5. [š(~ l)]; 6. [s(~ θ)]; 7. [z(~ δ)]; 8. [l]; 9. [n]; 10. [r]; 11. [c]; 12. [ž], т.е. фонематизацией всех звонких и глухих аллофонов исконных средних согласных фонем и включением нехарактерных для ауслaute заимствованных фонем [c], [ž]; ср., например, в заимствованиях: *kod* 'код', *sud* 'суд', *abzac* 'абзац', *etaž* 'этаж', *bagaz* 'багаж' и проч.

Наличие в некоторых языках в анлауте палатализованных средних согласных, например в караимском языке, шелкающих, например в кумыкском языке, или придыхательных, например в саларском языке, объясняется воздействием субстратных и адстратных языков. Для караимского языка характерны палатализованные *t'/d'*, *č'*, *s'/z'*, *l'*, *n'*, *r'* — *t'up'a* 'вчера', *s'oz* 'слово', *n'eč'a* 'сколько', *č'upr'ak* 'тряпка' (КРПС) для диалектов кумыкского — шелкающие *t^q*, *č^q*, *s^q* — *t^qanav* 'ноздри', *t^qal* 'верба' (Дмитриев, 1940), для саларского — придыхательные — *p^hum* 'нос', *p^hešax* 'нож', *t^ham* 'пресный', *k^humur* 'мост' (Тенишев, 1976) и проч.

С х е м а

развития фонемного состава средних согласных в тюркских языках

В анлауте

I. 1. [t(~ d)]; 2. [*nj(~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0)]; 3. [s(~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č(~ š ~ s ~ s')]

II. 1. [t(~ d)]; 2. [j(~ nj/dj/tj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0)]; 3. [s(~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č(~ š ~ s ~ s')]; 5. [š]; 6. [n]

III. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [s]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [j]; 8. [n]

IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [ž]; 6. [s]; 7. [z]; 8. [c]; 9. [j]; 10. [r]; 11. [n]; 12. [l].

В ауслaute

- I. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ θ/δ)]; 6. [l]; 7. [n]; 8. [r]
II. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z]
III. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ θ/δ)]; 7. [n]; 8. [r]; 9. [z]; 10. [d]
IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [j]; 4. [č]; 5. [š]; 6. [s (~ θ)]; 7. [z ~ δ]; 8. [l]; 9. [n]; 10. [r]; 11. [c]; 12. [ž]

ЗАДНИЕ СОГЛАСНЫЕ

Группа задних согласных фонем имеет, как и передние (губные) согласные, четыре основных периода в своем развитии, причем закономерности их развития несколько различны для начальной и конечной их позиции в корневой морфеме.

Начальная позиция в корневой морфеме

Первоначально, как это видно из привлеченного фактического материала по всем тюркским языкам, задние согласные были представлены одной фонемой с множеством аллофонов, не имевших смысловоразличительной функции:

1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)].

Фонематическое неразличение задних согласных в аулауте в первый период их развития определялось корневой морфемой — передним или задним ее рядом. Аллофоны k ~ g реализовались в корневой морфеме, характеризующейся передним рядом ее образования, а аллофоны q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h — в корневой морфеме с согласными заднего ряда.

Таким образом, смысловоразличительным фактором были не реализующие данную фонему аллофоны, а строение всей корневой морфемы. И реализация аллофонов фонемы [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)] происходила следующим образом.

В корневых морфемах переднего ряда: k — в большинстве яз. kök 'зеленый', kel- 'приходить', kiün 'солнце'; g — туркм. gó:k 'зеленый', gel- 'приходить', gún 'солнце'; x' — тоф. xól 'озеро'; k^h — с.-юг. k^hün 'солнце'; g' — азерб. g'el- 'приходить'; k' — кар. k'un' 'солнце', k'ol' 'озеро'.

В корневых морфемах заднего ряда: q — в большинстве яз. qaq 'снег', quz 'девушка', qal- 'оставаться', qačan 'когда'; q̇ — туркм. q̇ujz 'девушка'; qal- 'оставаться', q̇a:r (< qaγar) 'снег', qol 'рука'; x — хак. xol 'рука'; ẋa:r (< qaγar) 'снег', чув. xur- 'класть'; q^h — тув. q^hal- 'оставаться'; h — тур. hačan 'когда'.

Второй период в развитии согласных характеризуется выделением и фонематизацией в начальной позиции спиранта h, и состав фонем задних согласных определяется наличием двух фонем:

- II. 1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x)]; 2. [h (~ 0)].

Если фонема [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x)] в пределе данных аллофонов

остается без изменения, то аллофон [h] выделяется в самостоятельную фонему, реализующуюся в анлауте слов, начинающихся в современных языках с гласного и представляющую собой субститут ранее более сильных согласных.

Реализация анлаутного консонанта [h] в словах с начальным гласным в большинстве языков характерна для некоторых древних языков, например: h — халадж. häg 'мужчина', hadaq 'нога', hat 'лошадь', huot 'огонь'; 0 — для большинства яз. at, adaq ~ ajaq ~ adaq ~ ataq; , ot ~ o:t и проч.

Начальный [h] сохранился также в кум. hiz (~ iz) 'след', hökünmek 'раскаиваться', hajva 'айва'; туркм. hindži 'жемчуг', гаг. harpa 'ячмень', hajjuг 'жеребец'.

Природа начального [h] может быть различной. Весьма вероятной для фонематизации аллофона [h] представляется гипотеза Рамстедта—Пелио, выраженная в известном их законе $p \sim f \sim b \sim w \sim v > h \sim x \sim g \sim \gamma \sim q > 0$, например: чув. vudyr, булг. hotur, халадж. hotuz, в др. яз. otuz 'тридцать'; чув. vil, халадж. hiel ~ hö:l, хак. he:l, туркм. hö:l, узб., уйг. höl, в др. яз. öl 'роса'; чув. vukyr, уйг., узб. höküz ~ hökiz, в др. яз. ögüz 'бык'; чув. vyl, салар. hol, с.-юг. gol, в др. яз. ol 'он'.

Третий период в развитии анлаутных задних согласных фонем характеризуется фонематизацией аллофона спиранта [x], и, таким образом, общий состав определяется наличием трех фонем:

III. 1. [k (~ g ~ q ~ q)]; 2. [h (~ 0)]; 3. [x].

Сохраняя те же закономерности, относящиеся к предыдущему периоду, анлаутные задние гласные третьего периода усложняются фонематизацией аллофона [x] главным образом в заимствованных словах, например: хал др.-тюрк. < кит. 'хан, государь'; хоš др.-тюрк. > перс. 'радостный'; халаš др.-тюрк. — название племени; hozar др.-тюрк. — название племени.

Наконец, четвертый и пятый периоды в развитии анлаутных задних согласных характеризуются фонематизацией всех существовавших ранее аллофонов одной фонемой. Состав согласных анлаута этих периодов определяется уже следующими шестью фонемами:

IV—V. 1. [k (~ q)]; 2. [g]; 3. [h]; 4. [x]; 5. [q]; 6. [γ].

Каждая из указанных фонем в анлауте современных тюркских языков имеет дифференцированное значение, причем последние две фонемы — [g] и [γ] — только в некоторых языках; ср., например:

1. [k]: kod 'код'; karta 'карта'; köz 'глаз'; köl 'озеро'.
2. [g]: gaz 'газ'; gez- 'ездить, объезжать'; gol 'гол'; gör 'слепой'.
3. [h]: höl 'влага, влажный'; haq 'правда'; hajal 'женщина'; häl 'сила'.
4. [x]: xat 'письмо'; xabar 'известие'; хоš 'хороший'.
5. [q]: qäde 'обычай'; qälem 'карандаш'; qadig 'уважение'.
6. [γ]: γaz 'гусь'; γarγa 'ворона'; γarγus 'проклятие'; γaw 'большой'.

Конечная позиция в корневой морфеме

В первый период развития задних согласных в ауслaute состав их определяется двумя фонемами:

I. 1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)]; 2. [n],

т.е. одной шумной фонемой с серией аллофонов, ее реализующих, и одной сонорной. Таким образом, дифференцированными по значению в данный период в ауслaute были только две задние фонемы:

1. [k(~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h) : tay ~ taq ~ tax ~ day 'гора'; tek 'род, происхождение';

2. [ŋ] : taŋ 'заря'; teŋ 'равный' и проч.

Во второй период развития задних согласных в ауслауте происходит фонематизация, т.е. выделение в самостоятельную фонему, спиранта [γ]; состав фонем в ауслауте определяется, таким образом, следующими фонемами:

II. 1. [k(~ g ~ q̇ ~ x ~ q ~ γ ~ h)]; 2. [γ]; 3. [ŋ].

Характерными процессами для задних согласных в ауслауте являются процессы спирантизации, ослабления и перехода сильных согласных заднего ряда в губные и, реже, в средние согласные и долгие гласные, а согласных переднего ряда — в средние и, реже, в губные согласные и соответствующие долгие гласные, т.е.

1. q ~ γ ~ x > w ~ v > ya ~ a: ~ o: ~ u: ~ u- *haγ, туркм. диал. a:q ~ a:γ, узб. диал. a:γ, кр.-тат., тур. aγ, тур. диал. a:; кум. hav, туркм. a:w, тур. диал. av, каз., ног. aw, кар. uv, кирг., алт. u:, алт. диал. u 'сеть, охота, синок' и проч. или уйг. диал. taq ~ tax ~ taγ, туркм. da:γ, тур. диал. da:, тур. диал. dav, каз., ног. taw, як. tua, кирг. to:, алт. tu: 'гора'.

2. q ~ γ ~ x > j ~ w ~ y: ~ u: ~ u-syq- 'давить, жать' ~ суγ- 'вмещаться' > syj- 'помещаться'; тур., узб., туркм. жуγ- > ног., башк. јуј-, кирг. džuj-, каз., тат. žuj-, хак. сy:, алт. dju: ~ dju 'собирать'; др. тюрк. aγ-yl > алт. aj-yl, в др. яз. aw-yl 'аул. селение'; др.-тюрк. суγ ~ sub, уйг. suj-y, каз. suw, башк. hyw, др. уйг. suv, коман. suf > алт. su: ~ su 'вода'.

3. k ~ g(~ x' ~ γ' ~ n') > j ~ v ~ w ~ y: ~ a: ~ e: ~ i:, например: др.- (тюрк. tāk- ~ täg- ~ teg- ~ tig- ~ tyγ- ~ уйг. диал. tix, хак. teŋ- > каз. tij-, чув. tiv-, як. ty:- ~ ta:- 'касаться, прикасаться'; др.- тюрк. eg- eγ' -, тур. диал. eg- ~ ek- ~ уγ- ~ en' -, тув. eg- ~ eγ' -, узб. диал. en-, уйг. диал. ig-, як. iex-, тур. диал. ej- ~ ij- ~ iv-, узб. диал. ej-, кирг. ij-, чув. av-, тув. e:-, хак. e:- ~ i:- 'гнуть, сгибать'.

Еще более сложные соответствия характерны для слова 'дом, юрта': g ~ γ ~ x ~ γ' > j ~ p ~ b ~ v ~ w ~ u ~ u: ~ ü ~ ü: ~ ü: — алт. диал. uγ ~ üg, тув. тоф ög ~ öγ', сойот. üx, уйг. диал. uj, каз., ног. üj, узб. диал. oj, тур. диал. öj ~ кызыл. јер, хак. диал. ep ~ eb ~ ip ~ ib, др.-тюрк. ef, др.-уйг. öp, гаг. јев, тур. ev, азерб. диал. öv, кар. галиц. iv ~ iw, алт. диал. uw ~ üw, шор. с.-юг. u: j ~ ü:, с.-юг. ju ~ jü ~ dzü, тат. диал. ü, т.е. в последовательном развитии: а) с широкой гласной — ög ~ öγ > öj ~ oj > јер ~ ep ~ eb ~ ef ~ öp > јев ~ ev ~ öv, б) с узкой гласной — üg ~ uγ ~ ig ~ üx > üj ~ uj > jb ~ ip > jüw ~ ~ jiv ~ iw ~ iv > uw ~ üw > u: ~ ü: > džü ~ ju ~ jü ~ ü.

Ср. также закономерность в отношении задних согласных в ауслауте — γ ~ q ~ k ~ g > 0: saryγ ~ saryq > sary 'желтый', ölüg ~ ölük > > ölü 'мертвый', tirig ~ tirik > tiri 'живой' и проч.

Третий период в развитии задних гласных в ауслауте характеризуется теми же, что и предыдущий период, тремя дифференцированными фонемами + [h]:

III. 1. [k(q ~ g ~ q)]; 2. [γ]; 3. [ŋ]; 4. [h].

Наконец, в четвертый и пятый периоды происходит фонематизация

в ауслaute всех аллофонов задних согласных, и состав задних фонем для этого периода определяется в количестве семи фонем:

IV–V. 1. [k]; 2. [g]; 3. [q]; 4. [x]; 5. [h]; 6. [γ]; 7. [η].

Сохраняя те же соотношения предыдущих периодов, состав задних дифференцированных фонем ауслauta в четвертый и пятый периоды пополняется фонетизированными четырьмя аллофонами, получившими статус самостоятельных фонем: [g], [q], [x], [h]; ср., например, в следующих корневых морфемах: др.-тюрк. teg- 'касаться', tek 'просто', eg- 'стигать', ek- 'сеять'; ккалп. баq- 'смотреть', баγ 'сад'; ккалп. < перс. бахt 'счастье'; тахt 'трон'; захпа 'сцена'; ккалп. < перс. баha 'цена'; qаhаrман 'герой', šаh 'шах'.

С х е м а развития фонемного состава задних согласных в тюркских языках

В а н л а у т е

I. [k(~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)]

II. 1. [k(~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x)]; 2. [h(~ 0)]

III. 1. [k(q ~ q̇ ~ g' ~ g)]; 2. [h(~ 0)]; 3. [x]

IV–V. 1. [k(~ q)]; 2. [g]; 3. [h]; 4. [x]; 5. [q]; 6. [γ]

В а у с л а у т е

I. 1. [k(~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)]; 2. [η]

II. 1. [k(~ g ~ q ~ q̇ ~ x ~ γ)]; 2. [γ]; 3. [η]

III. 1. [k(~ q ~ g ~ q̇)]; 2. [γ]; 3. [η]; 4. [h]

IV–V. 1. [k]; 2. [g]; 3. [q]; 4. [x]; 5. [h]; 6. [γ]; 7. [η]

Итак, историческое развитие фонетических структур тюркских языков и становление их типов в различные эпохи имели общие процессы как в отношении вокализма, так и в отношении консонантизма, а именно последовательную дифференциацию в образовании самостоятельных фонем путем фонематизации аллофонов первоначально ограниченных по количеству фонем.

Однако эти процессы не были единственными в развитии фонологической структуры каждого конкретного тюркского языка. Они составляли лишь общий фон формирования состава гласных и согласных фонем в каждой модели структуры и в каждом ее типе, усложняясь, с одной стороны, процессами, вызванными интеграцией языков и диалектов, возникавших в связи с интеграцией родоплеменных союзов, а с другой, — влиянием соседних как родственных тюркских языков, так и неродственных славянских, финноугорских, кавказских, иранских и проч. адстратных и субстратных языков, образуя все многообразие фонологических моделей и модификаций отдельных групп и конкретных тюркских языков, описанию которых посвящена следующая глава работы.